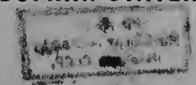
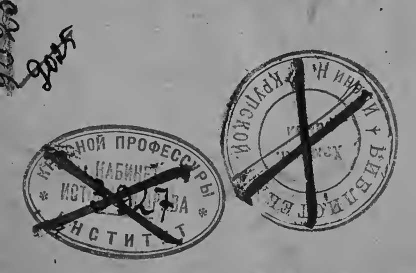
АНТАНТА
и
ВРАНГЕЛЬ

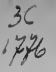
СБОРНИК СТАТЕЙ

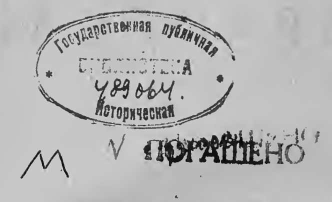

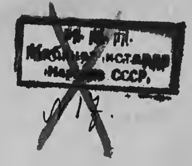
Выпуск I

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1923 ПЕТРОГРАД

Главлит № 6859. Москва. Гиз. 3756. Тираж 10.000.

3-я Типография М. С. Н. X. „Мосполиграф". Малая Грузинская, Охотничий пер., дом 5/7.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

И л л ю с т р а ц и и к статье тов. Полярного „Следы Разгрома“ см. в конце книги.

Антанта и Врангель.

Рассматривая силы российской контр-революции, необходимо иметь в виду полную зависимость *всех* контр-революционных сил от Европейской коалиции держав («Антанты») и тождественность их целей и устремлений — воссоздания Российской государственности на базисе помещичье-буржуазных экономических отношений.

В этом смысле правительство ген. Врангеля («правительство вооруженных сил Юга России») являлось лишь одним звеном в цепях сменявшихся контр-революционных сил, на протяжении четырех лет героической борьбы Советской Республики с врагами ее внутри и вне страны.

Поражение ген. Деникина, разгром его армии объясняются, помимо все возраставшей силы Красной Армии, несостоятельностью его политики по отношению к *окраинным государствам*, политическому бытию которых грозили победа «добровольческой армии» и великодержавные замыслы ген. Деникина («Единая, неделимая Россия»). Несостоятельность политики ген. Деникина сказалась и в отношении *крестьянства*, справедливо видевшего в Деникине отпрыска и преемника царя и помещичьей аристократии, реставратора помещичьего землевладения. Политикой ген. Деникина было недовольно также *казачество*, роптавшее на роль, навязанную ему Деникинской ставкой и генералитетом—роль застрельщика в борьбе с большевизмом, в то время как среди широких слоев казачества сильны были своеобразные национально-освободительные тенденции. Политика вовлечения казачества в борьбу за идеалы «единой и неделимой», встречала известную оппозицию со стороны областных казачьих «кругов», Кубанской Рады, политических течений и группировок на Дону, Кубани и Тереке.

Стратегические неудачи «добровольческой армии», оставление без своевременной помощи армии «верховного правителя» адмирала Колчака в момент подхода его войск к Волге; (на необходимость подать помощь Колчаку ука-

зывал ген. Врангель, в то время командующий Кавказской группой войск Деникина); оставление и оголение громадного по протяженности фронта, от Царицына до Курска—вызвали раскол и распри в рядах высшего командного состава «добрармии». Безуспешно пытавшийся подавить разлад и возмущение в собственных рядах, ген. Деникин, через посредство английского адмирала Сеймура, предложил барону Врангелю—оставить пределы Юга России. Но вскоре, под давлением событий, ген. Деникин был вынужден сложить с себя командование «добрармией» и 21 марта 1920 года назначил Врангеля своим преемником на посту Главнокомандующего.

Контр-революция, казалось, доживала последние дни... Разгромленная «добрармия», лишившись территории, распыленная. сжатая в кольце Советских армий, разлагалась, вымирала под влиянием эпидемий, а, главное, превратилась в отдельные недисциплинированные отряды, грабившие население и делившие остатки от Всероссийского грабежа—ее похода «на Москву». Но здесь, как и всегда, в критические моменты существования российской контрреволюции, в роли спасителя положения появляется Антанта.

После разгрома Деникинской армии, англо-французский флот принимает самое деятельное участие в спасении разгромленных «добровольческих» банд, вывозит их в Крым и Константинополь, участвует в боях при обстреле побережья и т. д. А затем Антанта инспирирует дальнейшую борьбу, стараясь спасти гибнущее дело...

Одновременно с этим, правительство Англии выступает в роли посредника между борющимися силами и через верховного комиссара Британии в Константинополе адмирала де-Робека предлагает Врангелю, затем и Советскому правительству вступить в переговоры с командованием белой армии.

Но все меры английского правительства, предпринятые им в интересах «мира» и вызванные, якобы, «гуманными» чувствами, в действительности были лицемерны и преследовали цель—выиграть время, задержав, тем самым, наступление Красной армии, и спасти гибнущее дело южной контр-революции, агонировавшее на глазах всего мира.

Кубанское правительство и Рада склонялись к перемирию, готовы были считать английское посредничество началом возможного мирного сожительства между казачьими государственными новообразованиями и Советской Россией, но этому, в значительной степени, помешал сам адмирал де-Робек, прибывший 9-го апреля 1920 г. на «Аяксе» в

Сочи. На созванном им же совещании, в присутствии ген. Шкуро, начальника его штаба, Дрелинга, и командира донского корпуса Калинина—он заявил, что «насколько ему известно, ни от советского правительства, ни от генерала Врангеля ответа на это предложение не последовало. Поэтому он считает, что *борьбу необходимо продолжать* [1]), так как обстановка изменилась [2]).

В официальных сообщениях ставки, ген. Врангель квалифицирует переговоры с Советским командованием, как «измену», одновременно предпринимая меры, чтобы спасти положение гибнущих остатков «добрармии»—«донцов, кубанцев, частей «добровольческого корпуса»—и удержать за собой Крым.

Действуя на общественное мнение буржуазной Европы, Врангель поручает проф. Бернацкому и Петру Струве (министры при правительстве Юга России») распропагандировать Европу, стремясь доказать «демократичность» своей политики и воздействовать на буржуазные круги, симпатии которых к контр-революционным попыткам соразмерялись с ее военными успехами.

По отношению к национальным течениям и политическим группировкам, ген. Врангель, вопреки своим реакционным убеждениям и субъективным реставрационным замыслам, проявляет выдержку, такт и стремление избегнуть ошибок деникинской политики. В обращении к «Всевеликому войску Донскому», донской атаман ген. Богаевский требует безусловного разрыва с ген. Деникиным и подчинения казаков барону Врангелю; популярность барона среди белогвардейских профессиональных рубак и «добровольческих» кадров возрастает.

Начальник Английской военной миссии ген. Хольмин обращается к казакам с воззванием о необходимости борьбы с большевиками.

Задачи, поставленные ген. Врангелем перед новой «Народной амией» (бывш. «добрармия»), гораздо скромнее Деникинского устремления «на Москву», тем не менее они были грозны для существования Советского Юга—Украины.

...«Все возможное должно быть сделано, чтобы удержать с помощью союзников последний кусок не советской России»—писал Врангель в своем обращении к вой-

---

1) Курсив всюду мой—*автор.*

2) *Г. Н. Раковский*—„В стане белых" (от Орла до Новороссийска). Константинополь, 1920 год. См. стран. 296, 297 и след.

скам, после поражения Деникина. «Стратегия не должна быть принесена в жертву политике»—таков укор Врангеля, обращенный по адресу деникинской ставки и «добрармии» шедшей на Москву, но не достаточно укрепившей свой тыл и не подготовившейся, по мнению барона, в нужной мере, к захвату столиц Советской России.

Не химерический поход «на Москву», не «молниеносное» наступление на центр Советской России, а решение, считаясь с реальными возможностями, во что бы то ни стало отстоять Крым, укрепиться за перешейком, политически окрепнуть привлечением на свою сторону кулачества (стоит вспомнить о попытках Врангеля переманить к себе Махно, отдельных партизанских атаманов и пр.), создать сильный государственный аппарат, обеспечить за собой финансовую поддержку «великих держав» и, лишь по выполнении этого предварительного плана, громить живые силы Советской Республики, приближаясь к ее жизненным центрам (Донбасс)—таков был замысел барона Врангеля и его сподвижников.

После первого ответа на ноту Британского правительства, где ген. Врангель «возлагал на великобританское правительство всю нравственную ответственность за последствие предпринятого шага», со стороны Англии последовало обращение к Советскому правительству, на этот раз, с требованием неприкосновенности Крыма и прекращение вооруженной борьбы, «в противном случае английским морским силам будет предписано принять меры против вторжения Советских войск в Крым»...

Результатом непосредственного вмешательства Англии явилась возможность для «Народной армии» укрыться в Крыму. Вождю ее отныне принадлежит вся полнота власти, безо всяких «ограничений». «По указу Правительствующего Сената», «в церквах, по окончании молебствий провозглашается многолетие—болярину Петру и армии».—Ген. Врангелю, одному из наиболее сильных ставленников российской контр-революции, удалось, на первых порах, преодолеть инерцию распада остатков бывшей «добрармии» и создать «правительство вооруженных сил Юга России», в момент исключительно благоприятный для дела контр-революции—в момент вступления Польской армии в пределы России и Украины.

* *
*

Отношения Западно-Европейской коалиции держав Согласия (Антанта) к Советской Республике за время граждан-

ской войны, после неудачных попыток открытого нападения, проявлялись в виде «скрытой войны»—непрекращавшейся блокады, поддержки всех контр-революционных организаций и отдельных мятежных генералов, возглавлявших те или иные реакционные группировки и претендовавших на вакантный трон восстановленной царской России. Но рост сил сопротивления молодой рабоче-крестьянской Республики, ряд побед, одержанных ею над разрозненными (в период 1917—1919 гг.), силами белогвардейцев—над Колчаком, Юденичем и Деникиным—заставляли Антанту, постепенно терявшую веру в успех дела удушения Социалистической страны, переходить от непосредственного активного вмешательства к замаскированному.

Начавши с подпольной деятельности своих миссий, агентур, консульских представительств, имевших задачей подготовить восстание внутри страны, на Юге России и на окраинах, «великие державы» перешли затем к длительной, настойчивой и систематической работе по подготовке генерального штурма Советской Республики.

Блокада Советской России, окружение ее кольцом окраинных государств, буржуазный строй которых служил достаточной гарантией в том, что они будут послушным орудием в руках командующих классов Антанты; поддержка вооруженных сил на территории окраин Советской России, укрепление этих «плацдармов», откуда должны были быть произведены вылазки контр-революции, вооруженной и защищенной с тыла еще не демобилизованными с империалистической войны солдатами Вердена и Марны, марроканскими стрелками и английскими наемниками, которых можно было заставить воевать путем провокации—все эти меры не дали тех результатов, которые удовлетворили бы европейскую буржуазию. «Континентальная» блокада Англией Наполеона I не могла быть повторена успешно, по отношению к Советской России, в силу громадной протяженности ее территории, в силу колоссальных природных богатств России и ее хлебородного Юга.

Европа, истощенная в великой империалистической войне, экономически разоренная, после Версальского мира, нуждалась в сырье, в привозном хлебе. Несмотря на «блестящее» политическое положение, Антанта находилась в чрезвычайно тяжелых экономических условиях. Демилитаризация промышленности и хозяйственная разруха создавали многочисленные кадры, целые армии безработных рабочих, которые искали выхода из этого экономического тупика и находили этот выход лишь в революционных методах борьбы...

В таких условиях блокада Советской России была обоюдо-острым оружием: била по Европе и буржуазной Антанте не менее, чем по Советской Республике. На ряд интерпелляций в палате общин по этому вопросу премьер-министр Великобритании Ллойд-Джордж высказывался в том смысле, что блокада России не достигает цели, а гр. Сфорца, министр иностранных дел Италии, в беседе с корреспондентом «Indépendance Belge» (август 1920 г.) заявил: «Мы против политики колючей изгороди», т.-е. против блокады.

Но и военными мерами бороться с Советской Республикой становилось для Антанты делом весьма затруднительным, благодаря все возраставшему революционному движению в Европе. Разгром Деникина и усилившаяся мощь Красной армии вынуждали коалицию Европейских держав, если не формально, то фактически признать Советское правительство, вступить с ним в переговоры о заключении торгового договора.

Когда полковник Греттан внес запрос в Палату Общин, осуждая колебания английского правительства «в русском вопросе», Ллойд-Джорджем было в ответ заявлено:

„Наша теперешняя политика в отношении России необходима для существования Европы и всего мира, Россия производит громадное количество зерна и всевозможного сырья, в чем мы очень нуждаемся. До войны Россия поставляла Европе 25 процентов общего количества пищевых продуктов. Представляется необходимым восстановить с ней торговые сношения...“.

Но одновременно с начавшимися переговорами между Великобританским правительством и представителями Советской России о заключении торгового договора, армия ген. Врангеля, как и в прошлом «добрармия» Деникина, получала необходимые средства для ведения войны с большевиками...

Не только в широких кругах рабочих, но и среди представителей умеренных слоев английской буржуазии, среди вигов и либерально-настроенных кругов интеллигенции такая политика двурушничества вызывала протесты... Однако, это не мешало наиболее непримиримо настроенной консервативной части английского кабинета (Бонар-Лоу, Черчиль и др.) и высшей аристократии проводить интервенционистскую политику.

В ответ на возражение полковника Кэнворти, что бессмысленно одновременно помогать противникам Совет-

ской России и заключать с последней торговое соглашение, министр Бонар-Лоу заявил:

„Мы посылаем ген. Врангелю только то, что раньше нами предназначалось для Деникина, и не было ему своевременно доставлено. В конце-концов, Врангель получит лишь то снаряжение, которое в момент вступления его на пост главнокомандующего уже находилось в пути...

Долг Англии—спасти остатки армии ген. Деникина, которой она в течение полугода оказывала поддержку".

Действительные размеры помощи Англии далеко выходили за пределы скромно очерченных официальных парламентских заявлений. Вышедший в отставку после разгрома «добрармии», ген. Деникин был благосклонно принят и обласкан английским королем, награжден «орденом Подвязки» и пожизненной пенсией. Так засвидетельствовало правительство Великобритании свою благодарность по отношению к ревностному исполнителю ее политики удушения, ограбления и реставрации России, одному из вождей российской контр-революции.

* * *

Противоречия Английской великодержавной политики, после одержанной победы над Германией и заключения мирного договора в Версале, обнаруживаются с очевидностью когда наступил момент «дележа добычи». Необходимость использовать плоды победы над Германией и встреча с новым могучим соперником, оспаривающим вековое «господство на морях»—Соединенными Штатами Северной Америки—вели к тому, что Великобритания стремилась, более, чем когда-либо сохранить столетиями сложившуюся колониальную империю, держать в своих руках порабощенные народы Востока и безраздельно властвовать на морях...

Победительница в империалистической войне 1914 года, английская буржуазия, прежде всего, была заинтересована в ненарушимости довоенного положения, на Востоке, в локализации российской революции. Где биение пульса английского влияния достаточно явственно прощупывалось—в Малой Азии, Персии, Сирии, Палестине, Афганистане,—там возникали те, или иные «буферные» новообразования, контр-революционные правительства и силы [1]).

[1]) Если северное правительство Чайковского и поддерживалось Англией, то лишь постольку, поскольку, бригада английских войск ген. Грогана могла помочь Колчаку, Семенову и Дутову выполнять роль объединяющего центра контр-революции, в период 1918—1919 г.г.

Призрак вторжения русских красных войск через Афганистан в Индию, пугавший англичан со времени проникновения «влияния» русского царизма на Востоке,—этот призрак стал облекаться в плоть и кровь. Российская революция не могла не оказать громадного влияния на восточные порабощенные народности, находившиеся под игом Западно-европейского империализма и в частности английского и колониальной захватнической политики Англии. Революционная волна, шедшая из России, вылилась на Востоке в форму национально-освободительного движения, что уже грозило самому существованию буржуазной Англии. Влияние Ангорского Большого Народного Собрания, противопоставившего себя контр-революционному и анти-национальному правительству султана и боровшегося с международным империализмом за освобождение «плененного халифата»,—чрезвычайно тревожило Англию. Движение Мустафы-Кемаля, по существу национально освободительное, естественно видело в Советской Республике своего союзника.

Английское правительство предприняло ряд мер военного характера (блокада Ангорского правительства, усиление гарнизонов и оккупационных войск в Сирии и Палестине, наступление греческих войск против Турции и т. д.), создало «буферное» государство—Палестину, предоставленную им, евреям, но находящуюся под протекторатом самой Англии [1]).

Господство Англии на морях, господство ее в Малой Азии, создание «буферных» государств, удержание Суэцкого канала—обеспечивается серьезной военной и политической подготовкой, разобщением интересов отдельных национальностей и вкрапливанием среди них эмигрантских колоний, областных управлений, являющихся ничем иным, как форпостом Великобританского королевства.

Можно также проследить усилия англичан, направленные к овладению Кавказским побережьем и к превращению Черного моря в Английское море. В этих целях, Английское правительство пытается при помощи Деникина утвердиться на Кавказе, на побережьи Черного моря и после поражения «добровольческих» частей и захвата Красной армией Энзели—предпринимает энергичную кампанию дипломатических интриг, чтобы помешать продвижению красных частей на Юг.

---

[1]) На конференции в Сан-Ремо декларация Бальфура о предоставлении мандата на управление Палестиной Британии получила международную санкцию.

Английское командование спасает от окончательного разгрома остатки контр-революционных донских и кубанских частей Деникина, в распоряжение которого, после поражения у Новороссийска, передаются транспортные средства и военный флот для перевозки «добровольческих» частей в Крым.

К «правительству Юга России» прикомандировывается генерал Перси, глава английской военной миссии в Севастополе, и консульство, во главе с капитаном Болл; создается британская администрация, прибывают английские военные суда—«Мальборо», «Эйжекс» и др.

Отсюда, из Крыма, под шум грандиозной войны в России, английский капитализм мог раскидывать сети порабощения Востока, владеть Черным морем и расхищать попутно богатства юга России [1]).

Крымский полуостров мог отказаться для Англии пригодным, как морская база, господствующая на Черном море. Английская военная пресса не раз отмечала важность овладения Крымским полуостровом в военных целях. Газета «Форейн-Оффис», рассматривая ход военных действий в Крыму, пишет:

«Узкая полоса земли связывает Крымский полуостров с материком. Неужели здесь нельзя создать сильной крепости, которая бы представляла для Англии не меньшее значение, чем Гибралтар и Суэц»...

Эта «сильная крепость» была занята вооруженными силами российской контр-революции, и эти силы были осаждены Красной армией. Англия потратила чрезвычайно много усилий, чтобы отстоять Крым и помочь осажденным Красной армией «добровольцам». В Севастополе, по приходе Советских войск, в архивах Врангелевского морского управления, найдены были ценные материалы и переписка Врангеля с иностранными государствами, из которых видно, насколько велика, полна и колоссальна была помощь Англии «правительству Юга России»...

Поражение армии Деникина нисколько не отразилось на размере помощи, которую оказывало английское правительство крымскому контр-революционному правительству и генералитету. Помощь эта выражалась в доставке оружия, военного снаряжения и в непосредственных военных действиях, при участии морских сил английской средиземной эскадры. К Врангелю было прикомандировано много

---

[1]) По данным Закордота Ц.К К.П. (б.) У. (за май 1920 г.) крымские рынки были, буквально, опустошены хищническим вывозом вина, шерсти и ячменя в Константинополь.

британских офицеров и инструкторов; к его услугам была британская военная миссия, приложившая много усилий к поощрению «частной инициативы» по возобновлению торговли с Крымом. Некоторая заминка произошла лишь в связи с наступлением польской армии против Советской Республики.

Английское правительство, связанное договором с генералом Деникиным, (срок коего, по данным английской прессы, истекал 20 марта 1920 г.), после ряда неудач «добрармии» и ликвидации Деникинской ставки, предполагало не возобновлять договора, но Врангелю, по вступлении в Крым в качестве главнокомандующего, удалось добиться продления срока договора еще на два месяца, рассчитывая военными успехами закрепить за собой поддержку Англии.

На первых порах события вынудили английское правительство, консервативные слои которого попрежнему стояли за безоговорочную поддержку Врангеля, изменить свое отношение к Советской Республике... Необходимость остановить контр-удар Красной армии, направленный против Польши, силу которого английская дипломатия скорее переоценивала, чем недооценивала, заставляла ее итти на переговоры с большевиками о приостановке военного наступления на Польшу, грозившего всей буржуазной Европе. Но лишь только войскам белой Польши удалось приостановить у стен Варшавы продвижение красных частей, и опасность для европейской буржуазии очутиться лицом к лицу с революционной армией миновала,—среди государственных деятелей Англии снова наметился поворот, благоприятный для Врангеля [1]).

Контр-революционный «оазис»,—каким являлся Крым, в глазах мировой буржуазии, по отношению к территории социалистической республики—питался соками английского капитала; богатства Крыма систематически расхищались под маской «выгодных предложений» «частных фирм», за спиной которых выступало английское правительство, заинтересованное во Врангеле, не только как в представителе контр-революционной России, но и как пособнике ее политики грабежа. По мере увеличения территории контрреволюции и ее экспансии на Дон, Кавказ, «частному» английскому капиталу удавалось заключать торговые сдел-

---

[1]) Белогвардейская газета „Сегодня“ (июнь 1920 г., № 119) отмечает благоприятный поворот в политике Англии по отношению к г. Врангелю, ибо „положение армии Врангеля признается вполне удовлетворительным..“

ки, которые могут быть приравнены, по цинизму к грабительским барышам Бельгии, времен Леопольда, в Конго, либо Голландской плутократии в Ост-Индии и Яве... Экономические интересы Англии доминировали и здесь над политикой, над стратегическими планами и расчетами первого лорда адмиралтейства. Это превосходно понимал и «министр» правительства крымского барона Петр Струве, который писал:

„В деле установления взаимоотношения с иностранными государствами опыт последних двух лет красноречиво подтвердил ту неоспоримую истину, что взаимоотношения эти, помимо вопросов чисто политического свойства, регулируются, может быть еще в большей степени вопросами хозяйственно-экономического характера.

К этим вопросам нужно отнести, в первую голову, товарообмен с заграницей и, вообще, торговую политику. Сюда же относятся мероприятия, касающиеся иностранных торгово-промышленных предприятий в России и, наконец, вопрос о применении к иностранным предприятиям ряда мер, обусловливаемых военным временем, как-то: реквизиции орудий производства, товаров, помещений и т. д.

Все перечисленные вопросы, даже лишенные на первый взгляд политического значения, оказывают сильнейшее влияние на наши взаимоотношения с иностранными государствами, и с этой точки зрения несомненно приобретают характер политический...“

И отношение с Англией регулировались «вопросами хозяйственно-экономического характера», во славу хищнического британского капитализма...

В тех случаях, когда английскому правительству по тем или иным политическим причинам неудобно было выступать в роли официального протектора Крыма, предпринималось все возможное к поощрению торговли «частных» фирм. Периоды относительного затишья в получении материальной помощи из-за границы чередовались с периодами наибольшего расцвета торговли. В период, непосредственно следовавший за разгромом Деникина, неустановившихся взаимоотношений с Европой, правительство и Врангелевская ставка принимали меры к тому, чтобы усилить поступления материальных средств и снабжения из Европы.

Кредит в пятнадцать миллионов фунтов стерлингов, открытый английским правительством Деникину, и не израсходованный последним, в силу «преемственности власти» барона Врангеля был предназначен для субсидирования его правительства и армию. Из этой же суммы была

произведена оплата в 3.000 фунтов стерлингов за доставленные из Батума пятьсот тонн нефти в январе 1920 года, вместо оплаты мукой, как было условлено между английским командованием и Деникинской ставкой.

Наряду с материальным снабжением, английское правительство предоставило также «правительству Юга России» необходимые технические средства для ведения войны, как-то: моторные суда, гидро-аэропланы, скорострельную артиллерию, пулеметы и пр., связанное с ним теми же договорными отношениями и «узами дружбы», какие были установлены ею с Деникинской ставкой и «добровольческой армией».

Помощь английского правительства ген. Врангелю была оказываемая щедрой рукой консервативной части кабинета министров и правящих групп аристократии. Керзон и Черчиль, министры Великобритании, представлявшие наиболее консервативные течения английской буржуазии, стояли на точке зрения «вмешательства в русские дела» и ратовали за безусловную поддержку Врангелевского правительства, в то время, как умеренное крыло английского кабинета министров, представленное Ллойд-Джорджем, склонялось к тому, чтобы признать Советское правительство.

На состоявшемся свидании в г. Люцерне, (август 1920 г.) между Ллойд-Джорджем и премьер-министром Италии Джиолитти, английский министр заявил, что:

„На западе и на востоке требуют мира, но он может быть достигнут только на основе признания свободы наций...".

Расшифровывая понятие—«свободы наций»—должно иметь в виду изворотливость, свойственную буржуазным дипломатам Англии, стиснутой между революционным движением рабочих масс и скрытым недовольством английской торговой буржуазии, терявшей русский рынок сырья и сбыта и ничего реального не получавшей от политики блокады и непрерывных военных расходов по содержанию армии русских контр-революционных наемников. Ллойд-Джорджу трудно было бы к тому же яснее выразить категорическое желание английского торгового капитала и умеренной либеральной буржуазии заключить торговый договор с Советской Республикой, признав ее рабоче-крестьян. правительство——фактически существующим правительством России и начать с ней торговлю, прекратив состояние «скрытой войны»...

Английское рабочее движение оказывало могучее действие на ход переговоров с Советской Россией. Влияние рабочих представителей в парламенте, на трибуне палаты общин и в прессе было чрезвычайно велико, и лозунг «Мир с Советской Россией» захватил самые широкие слои трудящихся масс Англии. Революционные организации рабочего класса—«комитет действий»—оказывали давление на правительство тем более сильное, чем упорнее реакционная Англия стояла за вооруженное «вмешательство в русские дела».

Один из видных белогвардейских публицистов русской эмиграции, Дионео, пишет:

„...не подлежит ни малейшему сомнению, что большинство английского общества, по разным причинам, за установление сношений с Советской Россией и даже за признание власти большевиков.

Левые рабочие и „большевиствующая“ часть интеллигенции стоят за признание, ибо верят, что большевики создали в России коммунистический рай, в котором нет даже маленьких недостатков механизма. Все совершенно в Совдепии, но только некоторые колеса еще не вертятся по причине блокады, войны и саботажа контрреволюционеров. Английские большевики усвоили не только идеологию русского коммунизма, но и их неуклюжую терминологию.

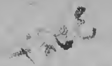
Английские большевики в Лондоне устраивают дважды в неделю шумные митинги, начинающиеся здравицами в честь Ленина и Троцкого, а заканчивающиеся пожеланиями скорее заменить парламент Советами...“

„В сущности говоря, в программах большевиков и крайних английских либералов разница только в терминологии“—говорит коммонер-шотландец, заискивая перед избирателями [1]).

Сочувствие английского пролетариата к Советской России вынуждены были констатировать самые заклятые враги рабоче-крестьянской Республики. Этот период борьбы английских радикальных политических течений, а главное массовых рабочих организаций и трэд-юнионов за интересы социалистической страны длился довольно долго, то ослабевая, то усиливаясь до крайних пределов, как, напр.: во время вторжения польских войск в пределы России и Украины.

Еще при «добрармии» и оказание ей помощи со стороны Англии встречало известные политические затруднения, и когда английский министр Черчиль передавал ген. Рома-

[1]) Из статьи „Англия и Советская Россия“—газета „Общее дело“. Париж, от 15 июля 1920 г., № 77.

новскому детали и практические шаги в деле снабжения контр-революционной армии, он писал, что:

„считает, в политических интересах, крайне желательным открытие мне кредита, для закупок по снабжению за границей, что *развязало бы руки англра (т. е. английскому правительству) в политическом отношении...*".

Англия должна была считаться с политической стороной дела, с проявлением чувств солидарности и симпатий со стороны широких кругов пролетарской общественности и народных масс к Советской России, и в силу этого ей приходилось прибегать зачастую к замаскированной помощи, путем открытия специальных кредитов, посылки оружия контрабандным путем и отпуска товаров от имени «частных» фирм и подставных агентур и лиц.

Ведя переговоры о заключении торгового договора с представителями Советской России (делегация Советской республики, с тов. Красиным, во главе), английскому правительству, осажденному последствиями экономического кризиса, ростом пауперизма и безработицы, забастовочным движением, всколыхнувшим всю страну, и требованиями умеренных слоев буржуазии смягчения кризиса путем открытия доступа сырья из России, т.-е. снятия блокады,— английскому правительству ничего другого не оставалось делать, как итти по пути примирения с Советской Россией.

Отсюда—чрезвычайная трудность в деле помощи Врангелю и его армии, и необходимость для английского кабинета крайней осторожности и скрытых действий.

К этому прибавились существенные разногласия между Францией и Англией по «русскому вопросу». Французский кабинет министров, как и вся реакционная Франция, настроенный непримиримо в вопросе о необходимости «воссоздания, восстановления России» и о выполнении ею «союзных обязательств» (уплаты царских долгов) не мог согласиться с точкой зрения Англии. На конференции в Лондоне, состоявшейся в августе м-це 20 г., между Ллойд-Джорджем и Мильераном возникли «серьезные разногласия по русскому вопросу и о методах его разрешения»..

„Вопрос о Врангеле"—писала белогвардейская газета—„один из опаснейших рифов в форватере Лондонской конференции, по которому Ллойд-Джордж ведет корабль мирового мира..." [1]).

---

[1]) Из газеты „Сегодня", от 5 августа 1920 г., № 164.

Закончившийся период военных действий между Советской Россией и Польшей и заключение «перемирия» создали для Красной армии реальную угрозу переброски вооруженных сил республики и польского фронта на Юг, чему не могли помешать ни дипломатические старания Врангеля столковаться с Польшей о совместных военных действиях, ни попытки Франции помешать заключению «перемирия».

Между тем, международная обстановка складывалась далеко не в пользу правительства ген. Врангеля. Английское влияние на контр-революционном Юге, при развале «добрармии» окончательно сходит на-нет, по мере выявления силы Советского правительства, с одной стороны, и с другой—в той мере, как жестокая и неумолимая экономика Англии требует ориентацию на «фактически существующее правительство России»... Уже переговоры Ллойд-Джорджа с Красиным пробили брешь в отношениях Англии к крымскому генералитету, что вызвало «горечь» в рядах «добровольцев» и донцов и недовольство английских представителей на Юге России.

«В Англии очень много прекрасных ораторов—съязвил на одном официальном приеме у Деникина английский офицер, намекая на англо-советские переговоры Ллойд-Джорджа,—но, если бы их было меньше, то Англия от этого, как и Деникинская Россия—были бы в выигрыше»....

Напрасно пытались консервативные и реакционно настроенные круги аристократии и военщины поддержать Врангеля—они были стиснуты и отстранены дальнейшим ходом событий. Конечно, это не значит, что Врангель лишился *всей* поддержки английского правительства, он стал получать немого *меньше* фунтов стерлингов и митральез.

Знамя контр-революционного протектора выпало из рук Ллойд-Джорджа, чтобы быть подхваченным *французскими* биржевыми дельцами и правительством третьей республики.

Отъезд из Крыма генерала Перси и оставление при ставке ген. Врангеля лишь «в целях осведомления» английского консульства с капитаном Болл во главе—знаменует собой конец английского влияния на южно-русскую контр-революцию...

Прощальные обеды и тосты на дредноуте «Рамилис», данные в честь ген. Врангеля, Шатилова и его сподвижников, членами британской военной миссии кажутся символи-

ческими при сопоставлении со скромным приглашением в Лондон представителей Рабоче-Крестьянской страны.

* * *

Буржуазная Франция—главный враг Советской республики. И, если военными успехами и размерами захваченной территории определялись издержки английского правительства на содержание, вооружение и экипировку армии Крымской белогвардейщины, то в отношении Франции необходимо подчеркнуть ее «неизменно благосклонное» отношение к претендентам на восстановление трона царя. Царская Россия оставалась в неоплатном долгу у французских кредиторов, и девять миллиардов рублей довоенного долга возросли за время империалистической войны до пятидесяти пяти миллиардов, причем одних процентов пришлось бы платить ежегодно два с половиной миллиарда. (Напомним, что ежегодный бюджет царской России в довоенное время едва достигал трех миллиардов рублей).

Франция—победительница в мировой империалистической войне, вышедшая из состояния войны с надорванной индустрией,—вынуждена была обратиться к излюбленным методам хищнического накопления ценностей за счет порабощения народов, колониального грабежа и биржевого азарта. Французская буржуазия, не довольствуясь покорением Германии и наложенной на нее колоссальной военной контрибуцией, поставила на карту все, чтобы вернуть своим акционерным предприятиям и банкам их прежнее положение. Будучи до войны европейским ростовщиком, французский капитализм, одетый в республиканскую тогу, с выцветшими от давности лозунгами 1789 года—«Свободы, равенства и братства»,—«освобождал» народы от бремени территорий, ввел «равенство» для обладателей ценностей, для денежной и военной аристократии и «побратался» со всеми царствующими династиями, объявив «Европейского жандарма»—Николая последнего своим «верным союзником».

Юг России, Украина, Донская область и Кубань могли дать Франции недостающее ей сырье; за счет отсталого русского крестьянского хозяйства можно было бы удовлетворить потребности французского капиталиста, акционера и рантье. Во французской влиятельной буржуазной прессе приводились данные о неисчерпаемых природных богатствах Украины и Дона. Донбасс приковывал внимание французских капиталистов, мечтавших о соединении северных губерний Украины магистралью с портами Чер-

ного моря, откуда можно будет вывозить уголь... «Верная союзница» Франции времен Николая последнего Россия могла притти, в случае победы контр-революции, к положению данницы полуколониальной страны. Но Великая Октябрьская Революция разрушила официальные «идиллические» отношения между Францией и Россией,—отношения, стоившие трудящимся массам России миллионов жертв на полях Галиции и восточной Пруссии, во имя чуждых народу целей... В результате «союза» с Францией—требования последней оплатить причитающийся миллиардный долг... Министерство Клемансо, предоставившее в 1906 году миллионные суммы царскому правительству на удушение русского революционного движения и освободительной борьбы Польши, требовало спустя пятнадцать лет, с трудно скрываемым цинизмом участия Польши в оплате своей доли старых царских долгов!..

Франция первая стала на сторону всех контр-революционных сил, возникавших и действовавших на территории Советских республик. Потерпев неудачу в попытках взорвать рабоче-крестьянскую власть изнутри, при помощи заговоров и отдельных военных вылазок, испытав, наконец, поражение в предпринятой оккупации Юга России и в попытке дессанта на Черноморском побережьи,—французское правительство активно помогает армиям донской контр-революции (Краснов, Деникин). Это не помешало, однако, Франции захватить в 1918 году некоторые суда Черноморского флота, обещая их вернуть «лишь по установлении в России правпорядка»... Заинтересованная с политической стороны в возможном ослаблении Германии и недопущении союза между нею и Советской Россией—если бы такой союз оказался возможным,—французская буржуазия поддерживает существование Польши, как «буфера» между Германией и Россией.

Рабоче-крестьянское правительство Советской Республики являлось для правящей клики Франции абсолютно неприемлемым, по самой своей сути, враждебное французскому плутократическому режиму и биржевым предприятиям правительства Мильерана. Но и помимо этого обстоятельства, заинтересованность Франции в получении «русского золота», которое она считала «незаконно присвоенным» большевиками, толкало ее на путь военных авантюр и безумных трат на поддержку русских контр-революционных мятежников. Безоговорочно поддерживая «добровольческую армию» ген. Деникина, имея на Юге широкую сеть агентур, прекрасно осведомленная о положении дел в России, Франция пыталась сначала непосредственно вмешаться в гра-

жданскую войну, высадив дессант в Одессе и направляя свои вооруженные силы против Красной армии, но эта попытка потерпела неудачу, вследствие революционного брожения, вспыхнувшего на судах французского флота, среди моряков.

Французское военное командование, располагавшее дивизией стрелков, подчиненной ген. Франше-д'Есперэ, действовало совместно с командованием «добрармией», усиливая последнюю офицерским и инструкторским командным составом.

Крах деникинской политики требовал некоторого пересмотра и внесения ряда поправок в дело «воссоздания России», и это было учтено французским правительством, требовавшим «демократизации» режима, расформирования явно реакционных и бессмысленно-монархических органов («Осваг»), привлечения в состав правительства «общественных представителей», реорганизации армии Юга России и перемен в высшем командном составе. Изменение курса во внутренней политике, новая аграрная реформа, проведенная Врангелем в пользу крепкого крестьянства (кулачества), «наделение» его землей, хотя это «наделение» означало не что иное, как закабаление трудящихся слоев деревни—все эти мероприятия были инспирированы, в значительной степени, французской дипломатией...

В отношении окраинных государств французское правительство держалось выжидательной политики (за исключением Польши, которая получала активную помощь в войне с Советской Республикой), стараясь примирить их интересы—сохранения самостоятельности и суверенности—с стремлениями русских контр-революционеров воссоздать «единую, неделимую Россию». Лишь после того, как ген. Врангелем было подписано знаменитое соглашение с атаманами казачьих войск (4 августа 1920 г.), французское правительство признало Врангеля (11 августа), формулируя признание в следующих словах:

> „Принимая во внимание военные успехи и усиление правительства ген. Врангеля, а также его заверение относительно демократического характера его внутренней политики и верности прежним обязательствам России, французское правительство решило признать правительство ген. Врангеля фактическим правительством Южной России...".

И то, что французское правительство являлось деятельным пособником и соучастником всего дела южной контрреволюции, отлично сознавал ген. Врангель, аппелировавший, в необходимых случаях к «нашей старой союзнице».

В одной из своих речей, произнесенной в весьма торжественной обстановке, ген. Врангель свидетельствовал о роли Франции в деле «борьбы с большевиками» в следующих словах:

„Я поднимаю бокал за присутствующих здесь дорогих представителей военных миссий и периодической печати дружественных нам держав Европы, С.-А. Соединенных Штатов и Японии. Прежде всего я горячо приветствую нашу старую союзницу Францию. *Франция первая признала наше правительство.* Это было первое драгоценное свидетельство твердой веры в нас, в наше правое дело и нашу способность во имя свободы и справедливости бороться с мировым врагом—большевизмом. За Францией Америка, в исторической ноте, с исчерпывающей глубиной раскрыла свою точку зрения на русский вопрос, указав на мировое значение единства и неприкосновенности России и невозможность признания когда-либо большевистского режима...“ [1]).

Французское военное командование принимает ряд мер для укрепления Крыма, в смысле его обороноспособности и обеспечения Врангелевского тыла; пребывание ген. Жоффра в Румынии имело, между прочим, целью более подробное ознакомление с «тылом» Врангеля и координацию возможных военных действий. Происходит обмен приветственных телеграмм между Врангелем и Жоффром. К штабу Врангеля прикомандировываются наиболее талантливые генералы и офицеры, лучшие инструктора. К работам по возведению укреплений и фортификации привлекаются французские инженеры. Одновременно с этим происходит секретная переписка Врангелевского министерства сношения с русским посольством в Париже, глава которой Маклаков решил, что:

„Необходимо принять безотлагательно все меры получения наших боевых запасов, вооружения, снаряжения и пр., оставленного русскими армиями в Румынии. Означенные потребности носят первоочередный характер. В связи с развитием операции, они должны возрасти...“ [2]).

В период русско-польской войны французское правительство предприняло все меры к объединению и согласованию военных действий войск белой Польши и «народной армии» ген. Врангеля.

[1]) Речь ген. Врангеля при посещении 1-го Корниловского полка.— „Воля России“, № 18, от 2 сентября 1920 г.

[2]) Секретная почто-грамма Начальника Управления—Российскому представителю в Константинополе. Севастополь, 11 августа 20 г.. № 998.

Мирные переговоры в Риге между представителями Польши и Советской России были близки к срыву, благодаря проискам французской дипломатии, осознавшей опасность, которая грозит контр-революционному Югу по заключении мира, так как это даст возможность Советской России перебросить освободившиеся военные силы с Западного фронта на Врангелевский.

Представители ген. Врангеля в Польше, с ген. Махровым во главе, пытались помешать подписанию прелиминарного мира между Польшей и Советской Россией. Крымское правительство и ставка старались воздействовать на «общественное мнение» Европы и французской буржуазии, в частности, чтобы недопустить мира с Советской Россией, ибо это повлекло бы за собой катастрофу для «южнорусского дела» и гибель «народной армии». В «Gaulois» ген. Врангель заявил:

> „Польша должна войти с нами в соглашение и приковать к своему фронту возможно большее количество войск; пусть эти два условия будут выполнены до будущей весны, и 1921 год увидит окончательное падение большевизма...“ [1]).

Министр «внешних сношений» при Крымском правительстве—Петр Струве заявил корреспонденту «Matin'а»:

> „Главная проблема—это проблема польская. В эту сторону обращены наши взоры, от нее зависит наше будущее... Если поляки положат оружие и подпишут мир с Москвой—все красные армии сосредоточатся против нас и раздавят своею численностью“.

К этому же времени относятся и дипломатические шаги Маклакова, уполномоченного представлять интересы Крымского правительства в Париже и возглавлять «дипломатический корпус» Врангеля, будировавшего французскую буржуазию и старавшегося всеми силами помешать рижским переговорам и их успешному завершению. С своей стороны Врангель предпринимает кампанию по формированию контр-революционных сил на Западе (Савинков, Булах-Булахович и др.) и подчинению их единому, в его лице, командованию. Савинкову, признавшему Врангеля верховной властью, телеграфно была указана Крымской ставкой необходимость совместной борьбы польских войск и русских белогвардейских групп с Советской Россией. Таким образом, велась эта настойчивая кампания по объ-

---

[1]) „Воля России“, № 28 от 14 октября 1920 г.

единению всего антисоветского фронта, и силы, составлявшие этот фронт, были спаяны одной общей ненавистью к режиму рабоче-крестьянской Республики. Роль же французского правительства и дипломатии достаточно ярко обрисовывается в деле военной и политической подготовки Врангелевского контр-революционного предприятия.

За помощь, оказанную французским правительством ген. Врангелю, в том случае, если бы контр-революция оказалась победоносной, должны были бы расплачиваться целые поколения русских рабочих и крестьян. В английской газете «Дейли Геральд» (в № от 30 августа 1920 года) опубликован текст тайного договора, заключенного между французским правительством и бароном Врангелем—последним от лица «восстановленной» России. Договор этот изложен в следующем виде:

Врангель обязуется:

„1) Признать все обязательства России и ее городов по отношению к Франции с приоритетом и уплатой процентов на проценты.

2) По сведениям Советского Правительства Франция конвентирует все русские долги и новый $6^1/2^0/_0$ заем, с частичным годовым погашением, на протяжении 35 лет.

3) Уплата процентов и ежегодного погашения гарантируется:

а) передачей Франции права эксплоатации всех железных дорог Европейской России на известный срок; б) передачей Франции права взимания таможенных и портовых пошлин во всех портах Черного и Азовского морей; в) предоставлением в распоряжение Франции излишка хлеба на Украине и в Кубанской области в течение известного количества лет, при чем за исходную точку берется довоенный экспорт; г) предоставлением в распоряжение Франции трех четвертей добычи нефти и бензина на известный срок, при чем в основание кладется добыча довоенного времени; д) передачей четвертой части добытого угля в Донецком районе в течение известного количества лет. Указанный срок будет установлен специальным соглашением, еще не выработанным.

Пункты *б, в* и *д* вступают в силу немедленно по занятии войсками ген. Врангеля соответствующих территорий. Суммы, вырученные благодаря экспорту сырья, имеют быть использованы для уплаты процентов по старым долгам.

4) При русских министерствах финансов, торговли и промышленности в будущем учреждаются официальные французские финансовые и коммерческие канцелярип, права которых должны быть установлены специальным договором.

5) Франция берет на себя задачу восстановления русских оружейных и снарядных заводов, при чем в первую очередь вооружается новая армия. Франция и Россия заключают наступательный и оборонительный союз, сроком на 20 лет. [1]).

Мы полагаем, что опровержение белогвардейской газеты не убедительно. Уже в договоре с казачьим атаманом Врангель обеспечивает себя пунктом о вывозе за границу хлеба и сырья, что вызвало критику кубанца Л. Быча (см. его письмо в «Истории Отдела») и его упреки по адресу Врангеля, что «все богатства Дона и Кубани будут вывезены за границу». Что касается пунктов: 1, 4, 5 и 6 договора—они приемлемы для любого империалистическаго государства по отношению к вассальному, каким и явилась Врангелевская «Россия». Белогвардейская пресса наделена, очевидно, достаточной долей не только злопыхательства, но и юмора, если она упоминает об «идеологических побуждениях» Франции.

Атмосфера интриг, взаимных упреков, парламентских сплетен и дипломатических уверток, в которых европейская буржуазная пресса играла далеко не последнюю роль, характеризует период агонии контр-революционных сил и является следствием тщетности усилий стран Западной Европы (в первую голову, правительство французской буржуазной и военной клики), направленных к завоеванию России и уничтожению Советского строя.

Первый период нескрываемого ничем ожесточения и вражды к рабоче-крестьянской Республике, спаял буржуазные правительства в одном желании—разрешить «русский

---

[1]) Газ. „Сегодня“, в № 195, от 10 сентября—1920 г., приводит опровержение „Последних Новостей“ условий договора между Францией и ген. Врангелем. „В сообщении „Daily Herald'a“ нет ни одного слова правды. В составлении его видны те же авторы, которые по-своему истолковывали последние ноты Ллойд-Джорджа и Джиолитти. Здесь снова проявляются те же приемы, которые позволяют большевикам одновременно вести переговоры с Ллойд-Джорджем, покупать в Лондоне большие газеты и снабжать средствами революционные „комитеты действия“. Здесь новое проявление дипломатии Советского правительства, направляющего всю свою политику на обострение разногласий между Францией и остальными союзниками. Договор внушает русским людям мысль, что Франция руководится в русском вопросе не идеологическими побуждениями, не желанием способствовать возрождению и объединению России, а чисто материальными выгодами и политикой экономического захвата. Таким образом авторы сообщения надеются лишить Францию симпатий ее союзницы и доверия русского народа...“.

вопрос» в интересах безработных членов российского царствовавшего дома и династии... Первые вылазки европейской реакции против вооруженного революционного народа были неудачны; разоружить пролетарскую революцию не могли ни африканские зуавы—резерв маршала Фоша, ни парижские рантье. Возникает официальное соперничество между Францией и Великобританией по вопросу о разрешении «восточных дел» (как это имело место на лондонской конференции). Российский Кобленц—вся белогвардейская эмиграция, нашедшая себе приют во Франции, ее политические деятели, ее пресса—вел настойчивую кампанию козней, лжи и политических интриг против Республики Советов. Распыленные по всем странам мира, российские белогвардейцы были особенно сильно представлены во Франции, этом сосредоточии общеевропейской реакции и центре военных приготовлений и помощи русской контрреволюции.

Начало переговоров между английским правительством и Советской делегацией по вопросу о возобновлении торговых сношений—вызвало оппозицию со стороны Франции. Одним из сильнейших аргументов, который выдвигала французская дипломатия против политики примирения с большевиками являлась уплата царских долгов и обязательств... Французский шейлок не мог расстаться с желанием заполучить золото по старому царскому счету; «золотой запас» России принадлежит Франции, и никто им не должен распоряжаться до оплаты по старым обязательствам. Рискуя оставаться в «блестящем одиночестве» при начавшихся переговорах о торговых сношениях Англии и России—Франция неофициально участвует в них, представленная Мильераном. Одновременно с этим французская пресса, а за нею и русская белогвардейская—открыли кампанию против «мира и признания большевиков», в которой участвовали лидеры всех политических партий и течений эмиграции, начиная от крайних правых, монархистов, до «социалистов» включительно. Бурцев заявлял:

„La lutte contre le bolschevisme – elle doit être organisée de façon à atteindre le but le plus rapidement possible“ [1]).

„Борьба с большевиками должна быть организована таким образом, чтобы вести к скорейшему достижению цели“.

---

[1]) „La cause commune“, № 96, от 15 мая 1920 г.

Печать кадетского направления объявляет, что

„единственное спасение мира от большевизма – в тесном единении демократических сил всех областей бывшей Российской империи и в координации политики и содействия европейской демократии в той борьбе, которую ведет вся русская демократия“ [1]).

«Жестокости» Советского режима служили излюбленной темой белогвардейской прессы, и о них писалось в то время, когда Врангель и Слащев топили в крови Юг России, когда диктатура Хорти в Венгрии и ужасы подавления восстания в Ирландии—напоминали собою худшие времена средневековья...

Открыт был поход всей европейской буржуазии против революционного слоя рабочего класса. Во Франции особенно сильно свирепствовал разгул клерикализма и черной реакции: рабочие организации были разгромлены полицией Мильерана, разогнана была конфедерация труда. Лучшие люди Франции—А. Франс, Барбюсс, Ромен Роллан,—представители революционного социализма,—Фроссар, Кашен, Лорио и др.,—не раз протестовали против реакционной политики «своего» правительства, но их голоса заглушались воем разсвирепевшей французской буржуазии и ее подголосков [2]). И в эти дни общеевропейского разгула, Врангелевские подголоски беспрестанно толковали о «жестокостях» Советского режима: Алексинский (бывш. депутат Государственной Думы, соц.-демократ) обращается с «открытым письмом» к Ллойд-Джорджу, в котором, перечисляя «жертвы красного террора»—Николая II, ген. Рузского, Радько-Дмитриева, Духонина и Корнилова,—заканчивает письмо следующим выпадом по адресу Ллойд-Джорджа, начавшего переговоры с Советскими представителями:

„Monsieur Lloyd George, ne serrez pas trop fort la main de l'ambassadeur bolscheviste: le sang du capitain Cromie (tué dans votre ambassade à Petrograd) pourrait vous rester aux doigts!“ [3]).

„Господин Ллойд-Джордж, пожатие Вами руки большевистского посла не должно быть уж очень горячим, ибо кровь капитана Кроми (убитого в Вашем Петроградском посольстве) может остаться у Вас на пальцах рук“!

---

[1]) „Последние Новости“, редактируемые М. Гольдштейном, № 19, от 19 мая 1920 г.

[2]) О роли французского пролетариата в борьбе против интервенции в России см. „Коммунист Интернационала“ №№ 1—20. Корреспонденции из Франции.

[3]) La Cause Commune № 99, июнь 20 г.

Но этот гнев белогвардейцев, обращенный по адресу Ллойд-Джорджа находит свое объяснение в том, что английские переговоры с Советскими представителями застали и Францию, и Врангеля с его подголосками врасплох... Попытки Франции вмешаться в русско-польские мирные переговоры и вынудить Пильсудского заключить союз с Врангелем оказываются неудачными, бессильными. Польша, истерзанная войной и финансовым банкротством, не могла изменить своего решения заключить мир с Россией. Переговоры врангелевских представителей, с ген. Махровым во главе, в Варшаве о координации действий также ни к чему не приводят, несмотря на деятельное участие французской миссии.

В связи с уходом из Крыма английских представителей и ген. Перси, Франция «транспортирует» в Севастополь дипломатов—графа де-Мартелль, адмирала де-Бон, ген. де-Бруссо и майора Пешкова... В черноморские воды прибывают французские корабли («Прованс», флотилии миноносцев) *). Да, Франция действительно была «верной» и старой союзницей Врангеля! Уже в период агонии Врангеля и его армии французское военное представительство на Юге предпринимает меры к спасению Крыма, и 4-го сентября 1920 года, через банк «Креди Фонсье д'Алжери и де-Тунис» предлагает доставить для «народной армии» снаряжение и обмундирование.

Французское правительство не скрывало своих отношений к ген. Врангелю... Снабжение боевыми припасами шло непрерывно. Начальник управления снабжения и заместитель Врангеля, Кривошеин, в одной из телеграмм сообщает:

> „Ген. Романовский препроводил председателю правительства проект контракта, сообщенного главкому начальником Французской военной миссии, о дальнейшей поставке французским правительством... [2]).

Плата за все, доставленное Францией для Крымского правительства производилась зерном, которое отправлялось по адресу французского министерства Торговли и Промышленности [3]). Озабоченное реализацией отпущенных ссуд

[1]) Характерная деталь: среди миноносцев, прибывших в Крым с представителями Франции на борту, один носил название: „Царь Николай II“..

[2]) Телеграмма Кривошеину, гл. нач. снабжения, № 165.

[3]) Телеграмма мин. ин. д. П. Струве—российскому послу в Париже, от 30 авг. 1920 г.

под товары и возвратом денег за пересланные материалы, французское правительство рассчитывало экспортировать из Крыма необходимый сырьевой эквивалент, что видно из телеграфной переписки Гирса и Струве, в которой первый просит расшифровать:

„Французское правительство поставило срочно вопрос, как мы оплатим просимое военное снаряжение. Пока определенных предложений им не передано, так как дело обсуждается Французскими ведомствами, но можно предполагать, что французы вернутся к идеям прежнего проекта, сообщенного Вам генералом Манженом. Для ведения переговоров срочно необходимы следующи данные:—какова действительная нормировка ввоза и вывоза в Южной России? „Имеются“ ли в распоряжении казны какие-либо экспортные товары, в каком положении частный экспорт „и каковы надежды на будущее?“ [1]).

Помимо официальной помощи, французская миссия и командование были заинтересованы в поощрении частной торговой инициативы, организации контор и торговых представительств в Крыму, и для этой цели к Врангелю был прикомандирован «уполномоченный» по организации в портах Черного и Азовского морей вывоза сырья и ввоза французских товаров Анании Ягда-оглы Ханукаева [2]).

«Правительство Юга России» само стремилось к сосредоточению в Крыму возможно большего экспортного фонда, для целей товарообмена и оплаты долгов Франции. Врангелем были зафрахтованы пароходы для доставки зерна в Марсель. Но эти меры чрезвычайно стесняли «частную инициативу» господ промышленников и капиталистов, недовольство которых торговой внешней политикой Крымского правительства выразилось ярко на «экономическом совещании», состоявшемся в сентябре 1920 года, при участии Коковцева, Коновалова, Рябушинского, Барка и др. Совещание внесло целый ряд пожеланий: о пересмотре фискальной политики правительства, об установлении «твердого курса» русской валюты и предоставлении полной свободы внешней торговли частному капиталу.

---

[1]) Из секретной телеграфной переписки между Н. М. Гирсом и российским представителем в Константинополе от 1 сентября 1920 г. за № 1300.

[2]) Отношение уполномоченного Ханукаева и договор с Французской военной миссией.—Февраль 1920 г. № 22.

„Правительство стремится и надеется в близком будущем установить режим свободной торговли“

— заявляет Петр Струве в одной из своих инструкций русскому посольству в Париже [1]).

В интересах французской буржуазии, наоборот, была монополизация внешней торговли Врангелем, ибо в этом случае правительство Франции могло с колоссальной пользой для себя расхищать достояние и богатства Крыма и Юга России, эксплоатируя задолженность русской контрреволюции и полную ее зависимость от французской миссии, банков и финансовых групп, выступавших контрагентами правительства Мильерана.

Таким образом, устанавливается связь французского правительства и военной клики с белогвардейщиной Юга России... Наступление Красной армии на Крым, взятие Перекопа, и, наконец, ее внезапное продвижение вглубь Крыма явилось для Франции совершенно неожиданностью. Разгром Врангелевской армии вынудил Францию спасать разбитые «остатки» войск крымской контр-революции, при чем корабли флота были предоставлены ею в первую очередь генералитету и белым офицерам. Есть достаточно оснований утверждать, что дальше этого помощь «верной союзницы» не шла... Врангель было предоставлен самому себе, о чем и говорит его последнее официальное сообщение:

„...ни одна из иностранных держав не дала своего согласия на принятие эвакуируемых...“ [2]).

Для принятия эвакуируемых генералов и офицеров белой армии в Севастополь прибыли французские суда: «Вальдек Руссо» и «Алжерьен», под флагом адмирала Дюмениль. На одном из них прибыл верховный комиссар Франции адмирал де-Рабек, который, по одной версии, пытался взять на себя посредничество в переговорах между отступавшей «народной армией» Врангеля (вернее, остатками войск) и победоносной Красной армией, но о предпринятых шагах адмирала де-Рабека в этом направлении ничего неизвестно...

Французская буржуазная печать с сожалением и тре-

---

[1]) Телеграмма Струве российскому послу в Париже—№ 324.

[2]) Из газет „Внешний Голос“, „Последнее сообщение Врангелевского правительства“.

вогой комментировала известие о поражении армии крымского барона [1]).

Российская белогвардейская эмиграция была поражена внезапным крушением ее кумира и вождя [2]). Собрание пятнадцати белогвардейских организаций, в том числе представителей земских и городских союзов, состоявшееся в Константинополе, под председательством П. Юренева, постановило признать необходимым сохранение южной русской армии [3]).

«Наша основная задача—спасти *ядро* наших сил—взывали последние радио Врангеля и им вторили все белогвардейцы.

Российская контр-революция, обреченная на гибель, взывала о помощи, и ее безнадежность и отчаяние ярко обрисовывается в декларации Российской политической

---

[1]) *„Echo de Paris"* (XI—1920 г.) подчеркивала, что Франция сделала все, что в ее силах для спасения Врангеля; *„Matin"*—отмечала, что связь большевиков, после победы над Врангелем с правительством Ангоры укрепляется; *„Journal des Debats"* упрекала в тяжкой ответственности те круги, которые говорили о силе Врангеля, недооценивая силы Красной Армии. Русская белогвардейская газета „Последние Новости" (№ 182, 25 ноября 1920 г.) сообщала, что „Франция не намерена в ближайшем будущем ничего предпринимать по отношению к России, вне чисто материальных забот о судьбе крымских беженцев...".

[2]) *Echo de Paris"*—особенно горячо оплакивает погибшую армию Врангеля. „Последние Новости" (№ 174, от 16/XI—20 г.) весь посвящен крушению Врангелевского правительства и разгрому его армии. В статье „Завтра", барон Нольде пишет: „Дело, с которым связал свое имя ген. Врангель, было близко и дорого антибольшевистской России—ближе и дороже, чем многие готовы были в том сознаться... Глубина горечи, вызванной последними известиями, позволяет измерить, как много надежд возлагалось на Крым. И мне кажется, что эта оценка вызывалась не только общей нашей солидарностью со всякой организованной и сознательной борьбой с Советами, но еще и убеждением, что в деле ген. Врангеля были вложены талант и смелость, молодость и размышление, так часто безнадежно отсутствовавшие в другие периоды борьбы..."

[3]) Из газеты „Руль", № 5, от 21 ноября 1920 г., из сообщения Кривошеина и Струве.

делегации в Париже, подписанной Львовым, Чайковским и Маклаковым, в следующих строках:

„...Большевизм не русская, а мировая опасность. Три года русские национальные силы льют свою кровь в борьбе с ней. Они защищают не одних себя; только близорукие люди не видят, что большевики—гибель для мировой демократии, что пока они не сломлены, не будет мира в Европе. Перед Европой становится призрак новой войны и новых военных союзов. Она не может не защищаться. Российская политическая делегация остается на своем посту“.

Но эти обращения к «мировой демократии» не могли никого обмануть и не вызывали того «демократического» подъема и энтузиазма, который так нужен был русским эмигрантам и разгромленным генералам...

Франция безмолствовала: она считала лишним помочь в ту минуту, когда помощь ее была всего нужнее русской контр-революции и ее «представительству» за границей. Французское правительство не видело смысла поддерживать агонирующий, *обреченный на-смерть* контр-революционный организм; ее политика имела целью поработить Россию, превратить ее в колониальную страну, в данницу Парижской биржи... Франция поддерживала Врангеля лишь постольку и до тех пор, пока его претензии на роль «правителя Юга России» соответствовали его военным успехам и размерам занятой им территории.

Франция считала выгодным заключать лишь *договоры рабства* с представителями контр-революционной России, но совершенно не заинтересована была в *договорах бессилия!*

Do ut des!—Таков смысл всех мероприятий французской плутократии и буржуазии в отношении контр-революционных «правительств» России.

* * *

Среди «великих держав» Европы, оказывавших поддержку южной контр-революции, *Италия* занимает особое место. Заинтересованная в открытии торговых сношений с Россией, а главное, с ее южными портами, итальянская буржуазия видела в блокаде Советской России и в гражданской войне серьезную помеху к установлению нормальных сношений. Италия теряла Южную Россию, как рынок для ввоза и вывоза, благодаря потугам Деникина захватить Москву и Врангелевской монополизации внешней торговли...

Правительство Италии, во главе с Джиолитти (человеком, которого «Форвертс»—орган шейдемановцев в Германии—считал воплотившим в себе либеральную буржуазию, без помощи которой мир не может быть оздоровлен), старалось найти пути примирения между воюющими сторонами, Советской Республикой, с одной стороны, и Европейской империалистической реакцией,— с другой.

При свидании Ллойд-Джорджа с Джиолитти в Люцерне, было подчеркнуто, что «на востоке и на западе ищут мира», намек на необходимость разрешения «русского вопроса» мирным путем... Английская либеральная буржуазия видела в итальянском правительстве своего естественного союзника по вопросу о возобновлении торговых сношений с Советской Республикой, в то время как Франция, интервенционистская политика которой и непримиримость были хорошо известны командующим классам Европы, квалифицировала эту «мирную» политику Англии и Италии, как «торгашество» и измену союзным обязательствам. Но было бы наивно считать итальянское правительство простым зрителем в событиях на Юге России... О роли итальянского правительства говорят хотя бы шаги верховного комиссара Италии в Константинополе, направленные к тому, чтобы предоставить в распоряжение Врангеля оставшиеся после войны военные материалы. Неофициальным правительством при Крымской ставке, Италия назначила Марио Траверси, на обязанности которого лежало заключение торговых сделок с «правительством Юга России».

При Марио Траверси состояли в качестве атташе: полковник Рингардт (из «царского посольства» в Риме) и журналист газеты «Темпо», органа итальянского министерства. Однако, итальянское правительство встретило неожиданную оппозицию... со стороны Ватикана, занявшего позицию, враждебную планам восстановителей «единой и неделимой России» и стремлениям Врангелевской ставки. В этом отношении, чрезвычайно ценны были факты, сообщенные на страницах европейской прессы графом Тышкевичем.—Петлюра, назначивший графа своим «послом» при Ватикане, был связан с римским престолом, оказывавшим содействие петлюровской «самостийной» украинской политике и питавшим надежду «окатоличить» Украину. Папа Бенедикт XV, его секретарь кардинал Гаспари принимали участие в соглашении Польши и Петлюры; папская курия в Риме дала инструкции католическим кругам в латинских странах относительно украинского во-

проса, чем и объясняется выступление членов католической партии в итальянском и французском парламентах в пользу признания Петлюры. В силу этого итальянское правительство было, в известной мере, связано политикой Ватикана и не могло официально проявлять сочувствия идеям «единой России» и контр-революционным замыслам Врангеля. Внутреннее положение самой Италии заставляло ее правительство быть одним из «лойяльных» по отношению к Советской Республике. Весь итальянский пролетариат, вожди профессионального движения, вся социалистическая печать—были враждебно настроены к российским контр-революционным реставраторам.

Один из русских белогвардейских журналистов писал, что

„..Нет другой такой страны в мире, где общественное мнение было бы так определенно отрицательно настроено по отношению к Врангелю, и где велась бы такая упорная дипломатическая работа против его признания—как это делается в Италии. Разгадку этого, кажущегося странным, отношения надо искать прежде всего во внутреннем положении самой Италии, а потом и в положении международном. Против Врангеля, как и раньше против Деникина и Колчака, ополчилась вся итальянская социалистическая партия, откровенная соратница и союзница русских большевиков,—видя во Врангеле нешуточную для них опасность. Но и смертельные враги социалистов—итальянские клерикалы — ничуть не менее враждебны Врангелю. Врангель—это угроза похоронить Украину, а Ватикан и сейчас не отказался от своей старой мечты о создании такой Украины, которая была-бы вассалом Польши, а со временем попросту превратилась бы в польскую провинцию. И, наконец, правящие круги, вынужденные лавировать между социалистами и клерикалами, угрожая и тем и другим,— смотрят на Врангеля, как на весьма досадную помеху в деле восстановления товарообмена с Россией [1]).

Могло-ли итальянское правительство при таких условиях оказать более широкую поддержку Врангелю, отвечающую расчетам российской белогвардейщины?!.

Имея на юге свое «неофициальное» представительство, Италия поощряла «частную» торговлю с Крымом. О-во «Италорусс» доставляло предметы снаряжения и обмундирования «добрармии», согласно заключенному договору. Должно принять во внимание, что итальянское правительство, в видах осторожности, выступает и в данном случае

[1]) Газ. „**Сегодня**", № 197, 12 Ноября 20 г.—Корреспонденция из Италии—Первухина.

неофициально: «Италорусс»—«частное» юридическое лицо, совершает коммерческую сделку по поставке того или иного необходимого товара, необходимого Врангелевской ставке, при чем возможность фиктивной сделки не исключена и весьма вероятна. Неоднократно имели место случаи, когда при передаче военного имущества правительству Крыма (напр., история передачи военного материала союзнической армии в Салониках) фигурировали не приемщики, а «покупатели», и эти передачи совершались под видом покупки имущества у «частной фирмы»...

Торговый агент в Батуме и Закавказьи так сообщает о действиях итальянского правительства в этих местностях:

„...в настоящее время Италия наводнила Закавказье своими агентами под названием „торговых агентов“...

Эти «частные» агентуры снабжали оружием Грузию, Кубань, Дон и Арзейбеджан. Кроме того, в одном из официальных документов упоминается о существовании договора между Донским правительством и «синдикатом итальянской промышленности» об обмене антрацита на мануфактуру для армии... «Международное о-во торговли и промышленности» предлагает правительству юга России свои услуги по доставке обмундирования из Италии, в обмен на зерно. Наконец, о представителе Италии на юге России г. Траверси известно, что он пытался купить «железный лом» в обмен на необходимое Врангелю военное снаряжение. На докладе Траверси, по этому поводу, Врангелем была положена следующая резолюция:

„**В. С. Налбандову.** Г-н Траверси предлагает вести переговоры о покупке „железного лома“ и продаже аэропланов, автомобилей и проч. Прошу его принять, оказать возможное содействие“ [1]) **Врангель.**

Но, как известно, под «железным ломом» подразумевался русский флот—народное достояние России (не Врангелевской), России рабочих и крестьян, которая распиналась и распродавалась по частям царской опричниной.

Несомненная поддержка итальянским правительством ген. Врангеля, снабжение последнего необходимыми военными материалами—установлена документально. Участие Италии в авантюре ген. Врангеля сдерживалось противодействием широких слоев итальянского пролетариата. Торговые отно-

---

[1]) Из архива Морского Управления Прав. В. С. Ю. Р.

щения и коммерческие сделки, которые заключались ею еще при Деникине, ее торговые успехи в Закавказьи, Азербейджане, несмотря на то и вопреки тому, что среди значительных слоев итальянской торговой буржуазии, идеи интервенции не встречали открытых сторонников—все это обрисовывает роль Италии в отношении крымской контрреволюции с той исчерпывающей полнотой, которая дает истории право пригвоздить ее к позорному столбу.

* * *

Втянутая в союз «великих держав» Европы со времени империалистической войны 1914 года, *Бельгия*, тоже принимала участие в поддержке Крымского правительства и Врангелевской авантюры. Между правительством «Юга России» и Бельгией было заключено «временное соглашение», предусматривавшее спорные вопросы, «могущие возникнуть между импортерами и экспортерами с обеих сторон (§ 13 «Врем. соглашения»). В том случае, если соглашение в выборе председателя Третейского суда не достигнуто, назначение его предоставляется Бельгийскому правительству (министерству торговли). Несколько акционерных предприятий поставляло для нужд Крыма товары и было связано с Врангелевскими «министерствами» договорами, как, напр., Акц. О-во «Кокериль» предложило «правительству Юга России» приобрести «44 железнодорожных моста однолейного типа Русского министерства» Эти мосты, «из специальной стали были до войны заказаны для Восточно-Китайской железной дороги по проекту Министерства Путей Сообщения». (Из телеграммы Врангелевского посольства в Брюсселе Кривошеину, от 3 сентября 1920 г.).

По части деятельности Бельгийского вице-консульства на юге России, в лице Гади и Мелиссарота, весьма показательно его предложение крымской экспортной комиссии: Бельгийские акционерные кампании предполагали доставлять в Крым «земледельческие орудия», экспортируя одновременно из Крыма сырье, табак и пр. Содействие «целой группы солидных заграничных банков» и «ввоз весьма значительного количества заграничных товаров» на пароходе «Мельпомена» выясняют роль Бельгийского правительства и заинтересованность его торгового капитала в сношениях с Крымом.

Ограничилась ли Бельгийская правящая клика и крупная финансовая аристократия, *лишь* поставкой «мостов» «земледельческих орудий» и «необходимых материалов»—на это

ответят революционные пролетарии Бельгии после того, как покончат с правительством колониальных дельцов, во главе с королевским социалистом Вандервельде.

* * *

Внеевропейские державы—С.-А. Соединенные Штаты и Япония—принимали участие в оказании помощи ген. Врангелю. Еще в «царствование» ген. Деникина, Соединенные Штаты Северной Америки, в лице верховного комиссара в Турции, связались с правительством Крыма, причем посредником в переговорах выступил адмирал флота Соед. Штатов Н. Мак-Колли[1]). Для ознакомления с положением дел на юге России были командированы Н. Деи и лейтенант с.-американского флота Г. Тиндаль.

В двадцатых числах января 1920 г. в Константинополь прибыл пароход «Сангамон», имевший 5.600 тонн военного груза направляемого в Новороссийск [2]). В марте 1920 г. прибыл в Феодосию из Нью-Иорка пароход «Честер Вальси», с грузом пулеметов и машин.

Деловитые янки, очевидно, считали нужным своими пулеметами спасти правительство контр-революционного барона ,что не мешало им, однако, транспортировать в Крым дипломатов, лейтенантов флота и даже одного... архиепископа, прибывшего в Крым в те достопамятные дни, когда Врангелевское духовенство собиралось итти «сквозь дым и огонь» красных «крестным ходом»—на Москву.

Соединенные Штаты Северной Америки, направляющие в Крым,—задыхавшимся в кольце Красной армии белогвардейцам, ждущим помощи *оружием* и *деньгами*—архиепископа—в этом проявился американский юмор...

Но за архиепископом—следовали пулеметы, шрапнель и смертоносные орудия войны, которые направлялись против пролетариев, отстаивавших грудью родную, Советскую землю!..

* * *

Меры, предпринятые французским правительством с целью помешать заключению русско-польского мира, оказались запоздалыми, в значительной мере, и не достигли цели, точно так же, как и все попытки Врангеля военными успехами на юге продержаться до лучших времен...

---

[1]) Отношение высшего комиссара С.-Штатов Сев. Америки в Турции, на имя генерала Деникина, от 17 ноября 1919 года за № 020612.

[2]) Отношение адмирала Мак-Колли ген. Лукомскому.

Правительство Деникина, поддерживаемое до конца Англией и бывшее у него на службе, оставило Врангелю задачу — продолжать дело «восстановления России» из Крыма, который должен был играть роль «поглощателя» Советской России. Этот период—период французского влияния и интервенционизма—был обозначен новыми вехами, новой ориентацией: надеждами «третьей России» эсеровско-кулацкой «демократии» на Врангеля, в котором видели нового «крестьянского царя». Но, по мере выявления всех своих потенциальных сил в области законодательного «устроения России», Врангелевское «царство» теряло свою заманчивость даже для кулачества.

Врангель был поддерживаем Антантой, и этого не следует забывать при оценке тех сил, которые служили опорой контр-революции в России... «Великая демократия биржи» из Парижа верховодила и держала в своих руках нити помещичье-буржуазного господства в Крыму, в период ее последних устремлений, чаяний и ожидания победы над Республикой рабочих и крестьян.

Контр-революционная общеевропейская коалиция активно поддерживала Врангеля давала ему все материальные возможности для успеха, все средства к достижению основной цели—удушения Советской Республики; и удар по Врангелю явился не только военной победой над контр-революцией Юга России.

Это удар по всему старому миру, с его прогнившим насквозь капиталистическим строем, изменнической дипломатией и продажным правительством.

Лишь помощью правительственных клик Антанты был силен контр революционный Юг; и «никакими молитвами отцов церкви» не спастись правительствам и командующим классам Европы от той участи, которая приуготована им грядущей Мировой Революцией.

И. Альф (И. Сеймович).

г. Одесса 17 июля 1921 г.

О распродаже русского флота.

I.

Вопрос о реализации Черноморского флота возникал неоднократно у так называемых Южно-Русских правительств разных формаций.

Каждый раз когда на Юг продвигалась Красная Армия и угрожала белым твердыням, перед контр-революционными правительствами во весь рост вставал вопрос:—Как же быть с флотом?

Правители юга трепетали не только при мысли о том, что флот может попасть в руки Советской власти; не меньше их беспокоило опасение (по точному выражению белых правителей в официальных документах), *«чтобы союзники не наложили рук на русский флот»*.

Лавируя между Сциллой и Харибдой, правители юга поочередно хватались за одну и ту же спасательную мысль: распродать флот пока не поздно.

Проект распродажи флота имеет свою историю, увенчанную и узаконенную, наконец, во Врангелевской Вандее невинной маркой «реализации негодного казенного имущества» [1]).

Раньше, чем перейти к фактическому описанию этой эпопеи, попытаемся вкратце проследить историю самого вопроса.

Впервые вопрос о распродаже ненужного морского имущества возник в марте месяце 1919 г., еще при Крымском краевом правительстве. Особенно остро он встал в связи с финансовыми затруднениями, для ликвидации которых

---

[1]) В Врангелевских архивах мы нашли дело за № 262, „о реализации негодного казенного имущества". Дело это начато 4 марта 1920 г. по приказанию начальника Штаба Главнокомандующего Новороссийской области, Означенные материалы и легли в основу настоящего очерка.

Л. П.

правительство и решило приступить к распродаже иностранцам ненужного судового имущества: железа, лома и негодных судов, имевшегося в большом количестве в портах Крыма. Однако осуществить этого тогда не удалось, ибо уже в апреле белое правительство спасалось в гостеприимном Константинополе, и Крым был занят Советскими войсками.

Вторично этот вопрос выплыл с прежней остротой в августе того же года уже после падения Советской власти.

Сразу, после водворения добровольческого правительства, со стороны частных пароходных обществ началось общее стремление к ликвидации судов, чтобы этим путем избежать захвата их добровольцами. Частные пароходные общества приписывали свои суда к иностранным портам, сдавали их в аренду иностранцам и совершали прочие фиктивные сделки подобного характера. Но это своевременно было учтено добровольцами, и правительство в свою очередь «наложило руку» на весь торговый флот, привлекло его к обслуживанию армий и этим прекратило всякую дальнейшую ориентацию на иностранцев. В виде исключения Севастопольскому портовому заводу было разрешено реализовать лом и ненужное портовое имущество, однако с тем, чтобы завод всецело выполнял работы добровольческой армии и вырученные за продажу суммы расходовал на поднятие производительности.

В августе того же года заводоуправление уже вело переговоры с представителем английской фирмы, работающей в Италии. Но эта сделка не состоялась, так как завод запросил по десять рублей за пуд железа; англичане же указывали, что фрахт за границу не выдержит цен на железо в Италии, не говоря уже о Константинополе, не являющемся центром металлургической промышленности и не имеющем заводов для переплава железа.

В октябре оборотные средства завода окончательно иссякли, и морское ведомство снова предложило добыть их путем продажи заводского имущества.

Эта операция явилась первой попыткой к реализации негодного имущества.

Тогда же был намечен план реализации негодного военного флота и составлен список судов, подлежащих продаже.

В августе 1919 года, в докладе о боевом расписании флота на 1919—1920 год за № 5378/ОН, командующий флотом вице-адмирал Ненюков сообщил главкому список негодных судов, в который вошли следующие суда:

Суда ликвидируемые:

а) Линейные корабли:
«Императрица Мария»,
«Евстафий»;
«Иоанн Златоуст»;
«Пантелеймон»;
«Три Святителя»;
«Ростислав»;
«Синоп»;
«Георгий Победоносец»;

б) Крейсер «Память Меркурия»;

в) Канонерская лодка «Кубанец»;

г) Эскадренные миноносцы:
«Счастливый», «Завидный», «Жуткий»;
Миноносец «Свирепый»;
Миноносец «Строгий»;

д) Посыльные суда:
«Казарский», «Разведчик»,
«Охотник», «Пендераклия»;

е) Транспорт «Березань»;

ж) «Новое дело»;

з) Суда речной транспортной флотилии.

В объяснительной записке к этому докладу командующий флотом следующим образом мотивирует необходимость ликвидации:

„Не менее важным, является осуществление срочной ликвидации многомиллионного имущества морского ведомства, находящегося в портах и отягощающего их зря и частью гибнущего за невозможностью охранить его должным образом, почему, параллельно с созданием органа по демобилизации частновладельческих судов, необходимо создать орган, который ведал бы ликвидацией упомянутого имущества.

В виду того, что продажа имущества морского ведомства русским предпринимателям является мало-возможной (принимая во внимание, что торговля в России стала на путь спекуляции, дающей предпринимателям с наименьшими затратами энергии и хлопот 100—300% по затраченным капиталам), желательно привлечь к намеченным операциям начальника Управления Русским морским транспортом, вице-адмирала Хоменко, который путем широкой рекламы может привлечь и заинтересовать в ликвидации иностранных предпринимателей“.

Доклад командующего флотом в целом, в том числе и по части ликвидации, был утвержден главнокомандующим ВСЮР. 25 сентября 1919 г. на крейсере «Адмирал Корнилов».

Здесь начинается игра интересов. В процессе торговли иностранные и отечественные дельцы убедились в выгодности предприятия, и охотников на «реализацию» нашлось много.

В примечании к докладу, комфлот подчеркивал, что работа по реализации негодного флота всецело принадлежит компетенции морского ведомства», и поэтому он выдвигает своих людей. Однако, в дальнейших аферах принимали участие не только промышленники, банкиры и спекулянты, к выгодному делу примазались также иностранные дипломаты, добровольческие генералы, общественные деятели и сами члены правительства. Дело всем понравилось и стало ходким.

II.

В начале 1920 г. когда Деникинская армия в панике откатывалась к Ростову, дальше на Кубань и кончила Новороссийской трагедией, белое командование отдало приказ о поголовной эвакуации Черноморского побережья и первым долгом спасало, конечно, флот.

Из Черноморских портов были вывезены почти все суда как военного, так и торгового флота и среди них мощные землечерпательные караваны Черно-Азовского морей.

Во время этой лихорадочной эвакуации с особой остротой стал вопрос: как же быть с флотом? Тем более, что ни сам Деникин, ни его ближайшие приверженцы не верили в успех своего дела и не знали, куда и как их выбросит бурная волна случайностей. Временно они задержались на Крымском побережье, туда же вывезли большую часть флота и землечерпалки. Громоздкие землечерпалки затрудняли эвакуацию, и снова встал вопрос о их ликвидации. Этим и начинается знаменательное дело «о реализации ненужного военного имущества».

Главнокомандующий областью, пресловутый генерал Шиллинг, предложил главному инженеру Крымских портов дать свои соображения, как быть в дальнейшем с громоздкими землечерпательными караванами и каково их назначение.

Главный инженер ответил Шиллингу обстоятельным докладом и изложил свой взгляд на дальнейшую судьбу землечерпалок.

Из доклада выясняется, что белым удалось сконцентрировать в портах Черноморского побережья, а затем

вывести в Севастополь и Керчь, большинство землечерпательных караванов всего Черного и Азовского морей, — Дунайские, Днепровские и прочие караваны.

По авторитетному заявлению инженера, эти «негодные» технические средства оценивались в десятки миллиардов, *а в самом деле были неоценимы.*

Мотивируя необходимостью затрачивать колоссальные средства на сохранение и поддержание караванов в исправности, при вынужденном бездействии их за отсутствием топлива, автор доклада предлагал караваны вывести за границу и пустить их в работу там.

По исчислениям его, караваны могут дать производительность до 140.000 кубических саженей в годовой строительный сезон, при чем работа их оценивалась в 280.000 фунтов (по 2 фунта стерлингов, за одну кубическую сажень), при стоимости содержания караванов за тот же период в 140.000 фунтов.

Эта простая арифметика, по мнению автора, являлась одним из мотивов перевода землечерпалок за границу, но главным моментом, конечно, являлась угроза захвата их Советской властью.

Но в связи с вывозом землечерпалок за границу, автор опять столкнулся с проклятым вопросом: — А, что если союзники захватят караваны?

Пытаясь миновать этот подводный камень, главный инженер Крымских портов нашел чрезвычайно любопытный выход:

„В случае одобрения предполагаемого плана и *во избежание захвата указанных судов какой-либо державой* во время их плавания за границей, *выход должен быть совершен под флагом частного владения,* а потому для выполнения всей операции необходимо иметь от главного командования следующие полномочия:

1) *Секретное предписание о вручении казенных караванов определенным лицам,* состоящим на государственной службе и ответственным за возвращение судов в целости законнному Российскому правительству,

2) Официальную передачу прав на караваны тем же чинам, как полномочным распорядителям для работ в славянских портах, или в других по соглашению с Антантой“.

Так разрешил вопрос о землечерпалках главный инженер Крымских портов. Мы не знаем затаенных предпосылок к этому чудовищно-мудрому проекту, но дальнейшая судьба землечерпательных караванов наводит на мысль, что проект «передачи караванов частным лицам» не обошелся без хищнических замыслов.

Доклад пошел путешествовать по разным инстанциям и собирать заключения белых властелинов. Некто (инициалы неразборчивы) на докладе наложил следующую иезуитскую резолюцию:

„До устройства органов М. Т.-Пр. в Крыму и до возможности обеспечить караван топливом—решить вопрос в желательном по докладу смысле—преждевременно. Принципиально же возражений не имею. *Сохранить государственное имущество необходимо*".

Генералу Шиллингу, которому неоднократно приходилось эвакуировать громоздкие землечерпалки (из Одессы в Новороссийск, а оттуда в Крым), все это, очевидно, изрядно надоело, и он начертил такую резолюцию:

„Спешно. Наштаглаву. В виду незнакомства с этим вопросом, представляю на усмотрение. С своей стороны полагаю, что если землечерпалки не нужны, то их лучше *заблаговременно эвакуировать в сербские порты*, для чего войти с Сербским Правительством в соответствующее соглашение, имея в виду возможность извлечения выгоды для казны. Керчь, 5 марта 1920 г., № 1251657. Командующий войсками Новороссийской области генерал-лейтенант Шиллинг".

Дело двигалось быстро. 4 марта был подан доклад, а уже 8 марта министр торговли и промышленности направил доклад за № 516 главнокомандующему Деникину, с сообщением, что «план эвакуации русских землечерпательных караванов за границу» составлен. Но доклад этот попался к Деникину уже во время междуцарствия, когда он перестал быть «верховным правителем». И доклад, продолжая путешествовать, побывал у Балабанова, Бернадского, Вильчевского и др. Каждый приложил к нему руку. Никто, однако, из этих «спасателей России» не задумался над тем, что увоз землечерпалок ставит Российское речное судоходство в безвыходное положение.

Наоборот, кто-то решительно поставил точку над «и» и над словом «эвакуация» карандашем надписал: «а не продать-ли»?

Судя по резолюции на полях, эти надписи сделаны Е. М. Балабановым.

По докладу министерства торговли и промышленности предполагалось поручить выполнение изложенного плана старшему инженеру торговых портов и торгового плавания, состоящему на «государственной службе».

Но дело с землечерпалками застряло из-за переворота. Генерал Вильчевский, которому вторично попался этот доклад 26 апреля начертил резолюцию: «Доклад в Совет».

Врангель при вступлении в командование, в целях упорядочения дела продажи и учета, приказал образовать

особый «Совет по рассмотрению имущества, подлежащего реализации».

По каким-то причинам, вопрос о землечерпалках в Совете не обсуждался. *Приказ об эвакуации землечерпалок*, на указанных в докладе условиях, последовал в административном порядке, *непосредственно от правительства*, помимо Совета. К эвакуации караванов было приступлено, и они под «частновладельческим флагом» двинулись в путь.

О дальнейшей судьбе этого ценнейшего имущества русского народа нам пока известно мало. Нет также сведений, производили ли эти караваны какую-нибудь работу за границей и какую пользу извлекало белое командование из их эксплоатации.

По нашим сведениям, в пути караваны по неизвестным причинам были распылены и рассортированы. Несколько землечерпалок, в частности «Кастор», впоследствии оказались в Грузии, другие остановились в Константинополе, часть попала в Болгарские, Сербские и даже Румынские порты, и лишь назначительная часть застряла в Крыму и перешла в распоряжение Советской власти.

За границей землечерпалкам пришлось разделить общую трагическую судьбу «эвакуированного» русского флота. Они захватывались и продавались с торгов за какие-то долги неизвестными кредиторами, или просто продавались лицами, коим они были поручены.

Так расправились крымские погромщики с этим ценнейшим имуществом русского народа, нанеся нашему речному судоходству нелегко поправимый вред.

III.

Землечерпалки сплавили, и наступила очередь всего флота. Вокруг «реализации» началась настоящая вакханалия. Под шумок эвакуации, в общей суматохе распродажей занимались все. Белому командованию было очень трудно не только направить дело распродажи в более или менее нормальное русло, но даже установить хоть какой-нибудь контроль и учесть, кто, что и кому продает.

Начальник отдела торгового мореплавания А. Силич, один из участников сплавки землечерпалок, докладом от 17-го апреля 1920 г. за № 666, сообщил главному начальнику снабжения, что, по постановлению высшей власти, из имеющегося в распоряжении морского ведомства большого количества транспортов, буксиров и других вспомогательных судов—часть может - быть ликвидирована, но только через особую междуведомственную. комиссию, и

с участием представителей ведомства торговли и промышленности, как «защитника интересов отечественного судовладения».

Однако, морское ведомство совершенно самостоятельно, без ведома министерства торговли и промышленности, *передало ряд судов частным лицам*, как-то: «Мария», «Антон» и другие. Отдел торгового мореплавания робко протестовал против подобных самочинных действий и просил принять меры к прекращению их в будущем, предлагая вместе с тем поспешить с учетом имущества, подлежащего ликвидации.

В этой же суматохе заводоуправление Севастопольских портов продало контр-агенту Лейбману около 500 тысяч пудов железа, из коих 140 тысяч пудов уже были погружены на пароход «Ризе» для вывоза за границу. Об этом стало известно морскому ведомству; оно наложило свое veto, запретив вывоз.

Главный инженер завода по этому поводу, в обстоятельном докладе от 27-го апреля 1920 года за № 1737, на имя командующего Черноморским флотом—настоятельно просил разрешения на вывоз. Автор доклада тщательно заботился привлечь на свою сторону общественное мнение, имелись даже ссылки на солидность покупателя, его патриотизм и особые заслуги, оказанные Лейбманом правительству, за что он, между прочим, «награжден еще старым правительством знаком отличия».

Однако, морское ведомство тормозило эту сделку, очевидно, полагая, что тому, что делает само ведомство, не должны подражать подчиненные ему органы. По докладу не видно, удалось ли увенчанному орденом патриотическому спекулянту Лейбману вывезти железо или нет.

Свою слезинку в деле реализации негодного имущества, вслед за другими, пролило и так наз. «бюро совета съезда горнопромышленников Юга России». Их отношение или вернее воззвание, напыщенное и с пафосом, говорило:

«Бюро совета съезда твердо верит в великое дело русской армии и полагает, что недолго осталось ждать того часа, когда она быстро и победоносно начнет продвигаться внутрь страны. Одним из первых этапов этого продвижения должно быть занятие Донецкого бассейна».

А поэтому «бюро» полагало, что ликвидация лома, судов и материалов должна происходить по известному плану, и «за границу может-быть вывезено только то, что не нужно стране». Далее следовал перечень предметов, кои нужны стране, а главным образом, Донбассу. Бюро горнопромышленников просило не продавать эти материалы.

Но несмотря на все эти пожелания, наставления и указания, в деле реализации продолжался сумбур и хаос. «Совет», о котором говорили еще с начала марта, упорно не оформлялся. Только 19-го апреля генерал Вильчевский известил особым посланием, что главнокомандующий назначил его председателем специального совета, на обязанности которого лежит определение количества транспортного имущества, могущего быть реализованным, принятие окончательных решений по существу поступающих предложений и окончательное утверждение сделок. К этому извещению генерал Вильчевский прилагал предложение банкирского дома «Борис Жданов» в Константинополе, заключающее, по его словам, «самое широкое предложение по покупке *в целях восстановлсния русского коммерческого флота*». Попутно генерал Вильчевский указывал, что «его превосходительство (генерал Врангель), считая настоящее предложение заслуживающим серьезного внимания, изъявил свое принципиальное согласие, о чем представителям банкирского дома послана телеграмма в Константинополь».

Надо заметить, что генерал Вильчевский, указывая в том же документе на обилие предложений по покупке «негодного морского имущества», подчеркивал, что большинство этих предложений исходит от лиц и учреждений, выполняющих только комиссионные поручения и не заключает в себе конкретных предложений, а потому не может быть принято к серьезному рассмотрению. Поэтому крайне любопытно остановиться на предложении банкирского дома «Борис Жданов», которое, очевидно, должно быть вполне самостоятельным и конкретным.

Документ этот перед нами. На нем собственноручная пометка Врангеля: «16 апр. Ген. Вильчевскому» и его своеобразная подпись, изображающая лягушку с вывихнутой лапой. Сверху в уголке надпись: «Г. Вильчевскому. Главком согласен. Прошу сегодня же доложить. Г. Шатилов». Между словами «Главком согласен» вписано: «принципиально».

Документ представляет собой доверенность на имя генерала Георгия Оттоновича Рауха, который имел какое-то отношение к английской миссии. В этой доверенности банкирский дом «Борис Жданов» просил Рауха «взять на себя труд ведения переговоров» с русским правительством от имени московской финансовой группы Жданова по вопросу о продаже ему торговых судов, транспортов и старого негодного военного флота для организации морского торгового общества. В доверенности подчеркивается, что в группе Жданова *участвуют представители крупнейшего английского частного капитала.* Рауху предлага-

лось получить «опсион», (т.-е. твердое поручение) от Крымского правительства на продажу указанного имущества, после чего в Крым должна была выехать специальная комиссия для установления цен.

Здесь не безынтересно отметить, что указанный «банкирский дом» представляет собою обычную мелкую меняльную контору, каких в Константинополе бесконечное множество. Весьма сомнительно участие «московской финансовой группы и крупнейшего английского капитала»; хотя все дальнейшие сделки велись *через английскую миссию* в Константинополе и Севастополе, но, очевидно, потому, что кое-кто из дипломатов, а, может - быть, и вся миссия в целом, были заинтересованы в афере. Очевидно, во главе дела был ловкий прожектер, сумевший заручиться необходимыми связями с генералитетом, с английской миссией и с прочими любителями торговых афер, которые во множестве вертелись вокруг «Южно-Русских правительств».

Первое заседание Совета было назначено на 22 апреля, но оно не состоялось в виду отсутствия начальника морского отдела вице-адмирала Саблина. Заседание было перенесено на 29 апреля.

Первым вопросом в повестке дня значилось предложение банкирского дома Бориса Жданова. Около этого дела уже зашумели. Погреть руки нашлось много охотников. Нажимались самые разнообразные пружины; к отпечатанному на машинке перечню вопросов, подлежавших обсуждению Совета 29 апреля, рукой секретаря и его юрисконсульта полковника Зверева приписан был еще один пункт: «Рассмотрение поступивших предложений».

29-го апреля заседание Совета тоже не состоялось. Выяснилось, что к этому делу причастна «комиссия по использованию всех средств на нужды обороны Крыма», под председательством полковника Ракитина. Существовала еще «комиссия по рассортированию судов и вещей, непригодных для морского ведомства», под председательством контр-адмирала Свешникова. Каждая из комиссий пожелала к этому делу приложить руку и стала выдвигать своих «покупателей».

Делом заинтересовался «сам» Кривошеин. Он притянул сюда и своих людей. Для начала Кривошеин ввел в комиссию морского ведомства, как контр-агентов правительства, своих ближайших соратников по спекулянтским делам инженеров Чаева и Шмидта. Чаеву впоследствии пришлось в деле «реализации флота» сыграть последние аккорды.

Между всеми этими комиссиями начались трения; каждая из них обделывала дела по-своему.

Морское управление заключило с Чаевым и Шмидтом какие-то таинственные контракты на продажу судов. Совет «по реализации негодного имущества» тщательно пытался вникнуть в эти таинства и получить копии контрактов, но безуспешно. Их прикрывал сам Кривошеин. Со всесильным временщиком бороться было трудно. Перед ним капитулировал даже Вильчевский. В своем докладе на имя Кривошеина 24-го мая 1920 года, ген. Вильчевский, ссылаясь на многочисленные прямые обязанности по вопросам снабжения, просил снять с себя обязанности «председателя Совета по реализации казенного имущества». Хотя отставка Вильчевского и не была принята, но вопрос о плодотворности работы Совета, этим все же был предрешон, и Совет с самого зарождения, медленно начал умирать.

Чтобы покончить с комиссиями, нужно отметить, что в июне была сделана еще одна попытка урегулировать, а, быть может и окончательно запутать, дело распродажи. Постановлением правительства была создана еще одна комиссия: «для выяснения негодного казенного имущества, подлежащего реализации» из представителей ведомств: морского и торговли и промышленности. Этим фактически аннулировалась работа Совета, под председательством Вильчевского, хотя этот Совет и продолжал влачить свое существование.

Приказом по флоту и морскому ведомству за № 165 от 28-го июля, была образована новая комиссия, под председательством флота генерал-лейтенанта Пономарева. Сам Кривошеин покровительствовал новой комиссии и очень торопил ее работы, особенно в части оценки и спецификации назначенных к продаже военных судов: «Синоп», «Златоуст», «Евстафий» и «Память Меркурия», на которые, очевидно, помощник командующего имел своих покупателей.

Таким образом, создались четыре однородные организации, ззанимающиеся одним и тем же делом и естественно мешающие друг другу.

IV.

Эти комиссии, наконец, собрали материалы и произвели кое-какой учет имущества и судов, подлежащих ликвидации. Приводим полностью красноречивую квалификацию имущества и судов, намеченных к продаже, согласно определению различных комиссий:

Категории флота, подлежащие реализации.

1) Пароходы и транспорты—*лом*, но в таком виде, что возможна их буксировка.

2) Пароходы и транспорты с целыми механизмами и котлами, но требующими капитального ремонта.

3) Пароходы и транспорты с механизмами, требующими *очередного* ремонта для выхода в море.

4) Пароходы и транспорты вполне исправные, на ходу.

5) Баржи железные и деревянные, годные для буксировки.

6) Паровые катера-буксиры.

7) Легкие паровые и моторные катера, годные для эксплоатации.

8) Старые негодные миноносцы.

9) Негодные небольшие боевые суда.

10) Негодные крупные боевые суда: «XII Апостолов», «Георгий», «Синоп», «Екатерина» и др.

11) Двигатели внутреннего сгорания всех типов.

12) Паро-динамо, провода, арматура, электрические моторы, распределительные коробки, рубильники и проч.—все годное после чистки и ремонта к употреблению.

13) Арматура и гарнитура паровых котлов и трубопроводов, годная после ремонта к употреблению.

14) *Лом* бронзовых сплавов.

15) *Лом* латунных сплавов.

16) *Лом* стали в единицах, позволяющих нормальную погрузку в трюм парохода.

17) *Лом* чугуна.

18) Стальные тросы.

19) Стальные канаты не брак.

20) Гребные суда, шхуны парусные и моторные, компасы, фонари, секстаны и проч. шкиперское имущество.

21) Пловучий док.

Далее следуют списки ненужных боевых судов, паровых и моторных шлюпок и различных материалов.

Список ликвидируемых боевых судов, составленный в 1920 году, значительно полнее «списка 1919 года», но там отсутствовал ряд судов, значущихся в списке 1919 года, вследствие того, что они уже были ликвидированы, а несколько крупных судов уже захватила Антанта.

Ниже приводим списки судов и материалов, предназначенных к продаже по определению 1920 года (в тексте нами выброшено несколько граф, имеющих чисто техническое значение).

СПИСОК № 1

судов, не нужных флоту, которые могут быть обращены в продажу.

Наименование судна	Тип судна	Год постройки	Водоизмещен.	Стоимость в золотых рубл. по ценам 1914 г.
„Пантелеймон"	Линейный корабль	1900	12.582 т.	416.020 р.
„Евстафий"	„ „	1906	12.840 т.	416.020 р.
„Память Меркурия" . .	Крейсер	1903	6 675 т.	189.100 р.
„Синоп"	Линейный корабль	1887	11.230 т.	
„Быстрый"	Миноносец	1914	1.200 т.	108.600 р.
„Жуткий"	„	1905	350 т.	21.000 р.
„Завидный"	„	1905	350 т.	21.000 р.
„№ 259"	Миноносец (Шихау)	1890	164 т.	5.740 р.
„№ 264"	Миноносец (Шихау)	1886	88 т.	4.763 р.
„Пос судно № 5" . . .	Миноносец (Пернов)	1895	120 т.	3.000 р.
„ „ № 1 . . .	Миноносец (Шихау)	1889	100 т.	3.000 р.
„ „ № 3	Миноносец (Белино-Фендрих)	1891	96 т.	2.400 р.
„ „ № 9 . . .	Германск. миноное.	неизв.	70 т.	2.100 р.
„№ 263"	Миноносец (Шихау)	1886	88 т.	1.320 р.
„№ 262"	Миноносец (Шихау)	1886	88 т.	880 р.
„№ 266"	Миноносец (Шихау)	1886	88 т.	528 р.

С этого списка представитель английских промышленников Harrison снял копию, ибо англичане интересовались русскими судами, предназначенными к продаже. Об этом в деле имеется личная записка секретаря Совета полк. Зверева, следующего содержания: «Справка: с разрешения Нач. Упр. торг.-пром. 23/6 в моем присутствии М-r Harrison сделал выписку из списка № 1 (первых 6 граф). Полк. Зверев. 23/6».

СПИСОК № 2

паровых и моторных шлюпок, никому не предназначенных и причисленных к 5-й категории (негодных по корпусу к исправлению).

Угольный склад, якорная площадка.

№ 80 (моторный катер).
№ 84 Тоже.
№ 85 (Мабс).
№ 90 (моторный бот).
№ 91 (16 вес. моторн. катер).
№ 199 (моторный катер).
№ 101 Тоже.
№ 105 вод. баркас).

Западная дамба Б. Мортонова эллинга.

№ 37 (моторный катер—железный минный эллинг)
№ 120 (моторный катер, деревянный).
№ 140 Тоже.

У базы подводного плавания.

№ 74 (моторный катер, деревянный).

На корабельной набережной.

№ 3 (моторный катер, железный).
и особо Дизель в 255 сил, находящийся на сохранении в Городской Управе в Балаклаве.

СПИСОК № 3

лом меди.

Южная бухта.

Бронзовый клинхет	35 пуд.
13 лопастей гребных винтов	1.200 пуд.

В механическом складе.

Паровой клинок линейного корабля „Иоанн Златоуст“	45 пуд.
Втулки 3 штуки	3 п. 20 ф.
Упорные кольца 24 штуки	50 пуд.
Фланцы 11 штук	30 пуд.
Крышки к воздушным насосам 24 штуки	50 пуд.
„ „ „ 6 штук	6 пуд.
Лом желтой меди	15 пуд.
Минный аппарат в 3 частях	300 пуд.
Часть воздушного насоса	60 пуд.
Пушка бронзовая	85 пуд.
Корпус холодильника	60 пуд.
Трубы красной меди	75 пуд.
Старых винтов гребных	750 пуд.

Красная медь.

Умывальники и гальюны	40 пуд.
Холодильник	100 пуд.
Лом труб	60 пуд.
	2.964 п. 20 ф.

СПИСОК № 4

сведения о ненужных материалах, имеющихся в складах Бонового дела Черного моря.

Наименование материалов.	Количество матер. ненужн. Боновому делу, согласно оператив. заданий Штаба Комфлота.	Примечание.
Трос стальной разной окружности	75.000 пуд.	50.000 пуд. отправлено на транспорт „Дыхтау" и 25.000 п. предназначено к отправке Комиссии капит. 1 ранга Длусского.
Шаров стеклянных	около 1.500.000 шт.	В данн. время на фронте потребовалось 20.000 шт, откуда заключаю, должно остаться тысяч 200.000.
Поплавки просмоленные	450 шт.	
Вьюшки индикаторных сетей Балтийского образца железных	около 40 шт.	
Цепи железные	около 10.000 пуд.	Погружено на транспорт „Далланд" около 2.500 пудов.
Якоря чугунные: черепаха 1-го и 2 образца, 4-х лапные и зубчатые	27.000 пуд.	Погружено на трансп. „Панаиотис" 71.005 пуд., остальной чугун предназначен к погрузке.
Кошки чугунные	2.500 шт.	Хранятся, так как требуются на фронте.
Железных разрывов из проволоки	250 пуд.	Проволока может итти на гвозди.

Далее следовал еще ряд списков машин, приборов по электротехнике, затонувших и выброшенных судов и пр.

Из приведенных списков видно, что туда включены ценнейшие и порой даже неоценимые материалы, в которых мы очень нуждаемся. В список № 3 и 4, например,

включены предметы, об оставлении которых для Донбасса так слезно молило «Бюро съезда Советов горнопромышленников», как-то: стальной тросс, металлические канаты, арматура, электрические провода, лебедки, подъемные краны и т. д. Начальник канцелярии морского управления, отношением от 14 июля за № 1472, сообщил комиссии, что в список № 4 включены под рубрику ненужных материалов 1.500,000 штук стеклянных шаров, в коих на фронте чувствуется большой недостаток, и просил их в продажу не назначать. В деле реализации имущества господствовал полнейший хаос, не учитывались даже интересы фронта, а об интересах страны, конечно, говорить нечего. В общем, правая рука не знала, что делает левая.

В этом же деле имеется еще список судов без обозначения их назначения; но, судя по тому, что часть из них уже была продана, очевидно, и остальные суда этой категории были предназначены для продажи.

В этот список вошли следующие суда и транспортные средства: «Виолетта», «Маргарита», «Каллерои Сепари», «Ризе», «Батум», «Туркестан», «Антон», «Чорох», «Амалия», «Поти» «Днепр», «Далланд», «Добыча», «Рион», «Дон», «Юлия» «София» (продана), «Кронштадт», «Херсон», «Саратов», «Белоруссия», «Владимир», «Великороссия», «Христиан Небе», «Александр Камбуров», «Петр Берг», «Дочь», «Александра», «Паванна», «Россия», «Кавказ», «Дружба», «Петр Карнов», «Эмануил», «Панаг и Вальяно», «Инженер Авдаков», «Малороссия», «Эрмитаж», «Прогресс», «Имприко» «Петр Регистр», «Коза», «Энергия», «Флора», «Моряк» и другие.

V.

Теперь разберемся в предложениях и покупателях, которые появились вокруг аппетитного «дела реализации».

Выше мы уже указывали, что контингент покупателей был самый разнообразный. В авантюре принимали участие, помимо присяжных спекулянтов и аферистов, генералитет, дипломаты, общественные деятели и пр.

Чрезвычайно много самых разнообразных предложений поступало в комиссии. Имелось много сделок, где задавались большими заданиями и оперировали крупными цифрами, но не меньше было и мелких.

Все они, как иностранные, так и отечественные спекулянты в своих предложениях неизменно исходили из соображений «пользы правительству и русскому народу». Одни обещали восстановить судоходство, другие сулили

в обмен на суда—товары, материалы и сырье, третьи уверяли, что прикладываются к этому делу лишь из соображения гуманитарных и т. д.

Характерно и то, что нити всех этих предложений, как иностранных, так и истинно-русских— *уходили за границу*, терялись, где-то в Константинополе, в Италии, в Париже, и в Лондоне, в иностранных миссиях или сомнительных банкирских конторах, при чем одни объявляли и подчеркивали, что они в связи с иностранным капиталом, другие же скромно умалчивали, откуда и каким образом они располагают средствами.

Все эти предприниматели нажимали самые разнообразные пружины, каждый имел своих покровителей. Одни обращались непосредственно к Главкому, другие действовали через Кривошеина, третьи прибегали к помощи Вильчевского, четвертые ориентировались на морское министерство, командующего флотом и т. д. Но все они, так или иначе, опирались на протекцию и находили поддержку в правительственных кругах, конкурирующих между собой.

Для большей ясности, все предложения можно разделить на три группы. К первой нужно отнести—предложения, исходящие от иностранных фирм, банков и лиц, ко второй отечественных предпринимателей, и к третьей—так наз. общественных деятелей, генералитет и пр.

Приведем из имеющихся материалов несколько наиболее ярких примеров. О «солидном» предложении банкирского дома «Борис Жданов» мы уже говорили выше, и на нем останавливаться не стоит.

Вот предложение «Итало-Русского Общества» «Societa Italo. Russa pei il mar Nero» (от 8-го апреля), обращенное к ген. Вильчевскому. «Итало-Русс» выявил желание взять на себя ликвидацию трех линейных судов: «Три Святителя», «Евстафий» и «Златоуст». Общество предполагало вывести их на буксире в Константинополь, там произвести оценку и выдать правительству значительную ссуду в иностранной валюте. После этого суда должны быть вывезены в итальянские верфи, где и предполагалось приступить к окончательной ликвидации.

На этом докладе, 8 апреля, ген. Вильчевский наложил следующую резолюцию:

„Упр. Торг. образовать смешанную специальную комиссию под председательством моего помощника Г.-м. Нерика,—и рассмотреть это предложение. Представит. флота, конечно, б. д. полное,— 8/IV Г.-м. Вильчевский“.

Но на эти же суда имел свои виды Кривошеин, и 16-го апреля, ген. Вильчевский должен был уже отменить свое распоряжение. Размашистым росчерком синего карандаша зачеркнул он свою первую резолюцию от 8/IV и начертил новую.

„В Морск. Ком. долож. там. 14/IV. В.“.

Вполне естественно, что Морская комиссия отвергла предложение «Итало-Русса». В следующем своем отношении общество жалуется на несправедливость подобного решения и пытается действовать на психику врангелевских правителей. Все письмо составлено в тоне отчаяния и упреков:

„Мы первыми откликнулись на нужды добровольческой армии, мы первыми привезли сюда четыре парохода с углем“.

Этот уголь они, конечно, продали с большим убытком для себя (все из любви к добрармии). Дальше они повествуют:

„Мы просим Вас указать подведомственным Вам органам нашу заслугу перед Добрармией и поставить нас в преимущественное положение при рассмотрении наших предложений товарообмена. Мы полагаем, что в интересах самаго Русского Правительства было бы поддерживать отношения с крупнейшим в Европе „Banca Commerciale Italiano“, которому принадлежит наше общество, являющееся на-половину русским, имея в своем правлении трех членов от крупной русской торговли и промышленности“.

Хотя все симпатии Вильчевского и были на стороне «Итало-Русса», но он был бессилен. На этом отношении он наложил резолюцию: «Ком. фл. Огласить на заседании. Г.-м. Вильчевский». Однако, оглашение слезного заявления на заседании комиссии не произвело нужного впечатления; не помогла даже угроза «Banca commerciale italiano», и «Итало-Русс» остался на мели.

Через командующего Черноморским флотом «Англо-Итальянская Кампания» («Anglo-Italiano trading Companis») вела переговоры на приобретение того же крейсера «Память Меркурия». Но тоже безрезультатно, хотя по этому поводу и велась большая переписка.

Некий предприимчивый француз г. Паскалэ (A. Pascalet) сделал правительству крупное предложение на покупку судов «Пантелеймон», «Евстафий», «Память Меркурия», «Синоп», «Георгий Победоносец» и др. Паскалэ предложил довольно выгодные условия и обязался полную стоимость в любой иностранной валюте, незамедлительно внести в

один из французских банков, на имя русского правительства. Переговоры эти велись через посредство французской миссии в Севастополе. Была назначена комиссия для осмотра и оценки указанных судов, и даже составлены проекты договоров, но вдруг дело сорвалось.

Совет в заседании своем от 18 апреля вынес следующее иезуитское постановление:

„В виду отсутствия сырья, предложение г. Паскалэ—отклонить“.

Хотя, как видно из договора, Паскалэ взялся перевозить из Севастополя суда своими средствами и никакой затраты сырья со стороны правительства не требовалось.

Отказ последовал по соображениям политического порядка. Во-первых, Паскалэ собирался вывозить суда в один из портов Средиземного моря и, во-вторых, деньги вносить в какой-либо французский банк. Врангелевские правители имели все основания предполагать, что их доброжелательница Франция «наложит руку на суда или деньги», и сделка не состоялась.

* *
*

Рассматривая предложения «отечественных предпринимателей», приходится констатировать, что здесь врангелевское правительство имело дело с прожектерами, аферистами и мелкими спекулянтами. Все они в один голос кричали о своем патриотизме, оперировали своими заслугами, льстили белым властелинам и этим старались расположить их к себе.

Не будем останавливаться на ряде жалких и дутых фирм, как «Омтис» (общество морской торговли, судоходства и страхования), «транспорт-банка» и пр. Приведем лишь несколько характерных примеров из имеющихся предложений.

Для начала остановимся на предложении «Русского подданного, мелитопольского первой гильдии купца, инженера Якова Яковлевича Нейфельда, *лично от себя и от группы финансистов русско-подданных*».

Нейфельд в своем отношении, грубо подчеркивая свое истинно русское происхождение,—убеждал, что в интересах русского дела иностранцам ничего не следует продавать:

„Мы, истинные сыны России, не желая, чтобы наши родные суда попали в чужие руки, предлагаем правительству предоставить, как валюту, так и все необходимые материалы, продукты и продовольствие, взамен судов, транспортов и всех пловучих средств, предположенных к продаже“.

Нейфельд, желая купить на самых выгодных условиях все продаваемое имущество, при этом скромно умалчивал, откуда эта группа русских подданных добывает такую колоссальную сумму иностранной валюты.

Доклад его был адресован самому Врангелю и носит собственноручную резолюцию последнего:

«20 апреля. Ген. Вильчевскому, для соответ. распоряжений. В».

В другом заявлении, после предварительных переговоров с Вильчевским, Нейфельд приводил точный перечень судов и материалов, кои он желал приобрести. За все покупаемое он обязывался уплатить любой иностранной валютой или нужными товарами.

Помимо этого, Нейфельд и его компаньоны обещали, правда, по мере возможности, не вывозить судов за границу, а использовать их для отечественного судоходства.

На этом докладе значится следующая резолюция ген. Вильчевского:

„Полк. Звереву. *Очень ценное заявление.* В совет. 1/5. Г.-м. Вильчевский".

Из материалов не видно, что вышло впоследствии из этого предложения, но нет сомнения, что это был один из очередных прожектов, безусловно питаемых какими-либо иностранными источниками, ибо никакая русская фирма не обладала сотнями миллионов иностранной валюты, в каковую оценивались предложения Нейфельда.

Приведем еще аналогичное предложение, исходящее от представителей «группы русских капиталистов».—

„От русских подданных Ильи Юльевича Файнберга, Ильи Исааковича Штейнберга, Капитана дальнего плавания Александра Робертовича Пелисье, представителей русских капиталистов".

Эти представители «русских капиталистов» заклинали Врангелевское правительство, что «в интересах будущего необходимо, чтобы все имеющиеся пловучие средства остались в руках русских подданных».

Они со своей стороны предлагали продать им все суда, материалы, лом и пр. предназначенные к продаже, и тоже на самых выгодных условиях.

Для придачи большей солидности своему предложению, в докладе отмечается:

„Считаем долгом прибавить, что единственный банк,—Московский народный,—уцелевший от разгрома, *ничего общего с обычными спекулянтскими банками не имеет*".

В заключение добавлялось, что этот «единственный не спекулятивный банк» имеет отделения в Лондоне, Генуе, и Нью-Иорке и заручился согласием тамошних банков— оказать им в этом деле широчайшее содействие. Из заявления становится очевидным, для кого старались эти представители «русских капиталистов».

Были предложения и более конкретные. Некий инженер Рубцов желал приобрести линейные корабли: «Три Святителя», «Евстафий» и «Златоуст».

Этот покупатель не прикрывался стыдливо фиговым листом и хотя не рекламировал, чьими он оперирует средствами, но это было и так ясно. Рубцов конкретно подходил к делу, определенно говоря в своем предложении:

„За корабль, доставленный мне в Константинополь, я уплачиваю 150.000 турецких лир, и т. д.“.

Все эти предложения так наз. «отечественных промышленников», производились иностранными биржевиками через подставных лиц или при их посредстве; последние являлись только контр-агентами, а иногда просто аферистами. Особенно ярко выявилось это нижеследующим фактом.

Некий аферист, именовавший себя бийским купцом и золотопромышленником Л. А. Сергеевым, помимо всяких Советов и комиссий, непосредственно с Врангелевским правительством заключили договор на покупку русских транспортных средств, якобы для образования «сербского акционерного общества», обязующегося обслуживать нужды Врангелевского правительства. Этот ловкий делец сумел заручиться всеми связями и начал действовать.

Заключив договор с Врангелевским правительством на покупку судов, он со своей стороны предложил акционерному обществу «Русский Коммерческий флот» в Константинополе—принять участие в этом деле.

Однако, Сергеев навязывал обществу неприемлемые условия: возлагал на него все финансирование, но оставлял за собой право перепродажи договора и свободную продажу акций.

Сделка показалась «Русскому Коммерческому флоту» невыгодной, об этом было сообщено ген. Лукомскому, и дело приняло некоторую огласку.

Генерал Лукомский личным письмом обратился к Врангелю, разоблачая аферу Сергеева, и сообщил, что Сергеев показывал некоторым лицам проект своего предложения,

на котором рукою ген. Шатилова наложена следующая резолюция:

„Генерал Врангель принципиально согласен с основными положениями этого проекта. Провести надо срочно, дабы союзники не наложили своих рук на наш флот“.

Далее встревоженный не на шутку Лукомский писал:

„Не знаю, как это дело попало в руки Сергееву, но то, что он его некоторым показывает—доказывает, что могут узнать и те, коим это знать не надлежит, и может получиться скверная история“.

На письме Лукомского наложена резолюция ген. Шатилова следующего порядка:

„19/4. Г. Вильчевскому. Исполнено радио-телеграммами и письмом о нежелательности вообще привлечения Сергеева. Г. Шатилов“.

На нем значится резолюция Вильчевского:

„Полк. Звереву. Хранить секретным порядком. 20/4. Г.-м. Вильчевский“.

Но полковник Зверев, очевидно, плохо выполнил последнее поручение г. Вильчевского.

«Русский Коммерческий флот», конечно, тоже отказался от сделки с Сергеевым.

Сергеев—это только один из характерных образчиков врангелевских деятелей.

* * *

К последней группе мы отнесли мелкие предложения, в коих участвовали спекулянты более мелкой квалификации. Кого здесь только нет, кто только не хотел заработать на реализации!. Здесь и генералы, и адмиралы, в отставке с мундиром и без мундира, и капитаны дальнего и ближнего плавания, и так наз. общественные деятели и просто русские люди. Среди этих предложений много смешных, наивных и жалких.

К примеру: председатель совета помощи добровольческой армии Г. Д. Матео сообщил, что он желает обзавестись собственным флотом и поэтому просит переуступить ему часть продаваемых пароходов.

Екатеринославский городской голова Филипп Матвеевич Акулов, описывая свою биографию, отмечает заслуги и подвиги, при чем поветствует, «что ныне он вынужден военными событиями к проживанию в Константинополе, но все же считает своим долгом трудиться по мере сил на пользу армии и русского дела», а поэтому просит про-

дать ему некоторые суда, на которых он будет перевозить товары для армии,—конечно, по удешевленному тарифу.

Капитан по адмиралтейству В. А. Проворихин просил уступить ему ряд судов, ибо он собирается организовать ловлю дельфинов для мыловарения. В обстоятельном докладе он подробно распространялся о природе дельфинов вообще, много говорит о гигиене, особенно в армии, пугал эпидемией и в заключение просил уступить ему суда, для благой цели—ловли дельфинов. К докладу прилагалось заявление мыловаренного завода Ф. И. Харченко с анализом дельфинового жира, с ученым трактатом о пользе подобного мыла и обещаниями отпуска для армии «дельфинового мыла» на особо льготных условиях. Аналогичное заявление приложило и общество южнорусских технохимических заводов.

Все эти доклады и заявления, однако, не удостаивались просмотра высоких сановников, они исчерчивались резолюциями менее важных чиновников, или просто залеживались «под сукном». Как исключение, на произведение некоего капитана Проворихина рукой Вильчевского наложена следующая резолюция:

„Для возможности обсуждения этого вопроса в Совете необходимо иметь конкретные предложения. 17/4. Г.-м. Вильчевский".

Было еще много других предложений, но все они настолько наивны, что на них останавливаться не стоит.

VI

От продажи лома и железа врангелевские правители перешли к распродаже негодных судов, дошли до старого военного флота и тогда на очереди встал вопрос о реализации исправных судов. Но так как не совсем удобно ни с того, ни с сего приступить к распродаже годных судов в большом масштабе, то приходилось изыскивать особые способы осуществления этого плана.

Аферист Сергеев подал мысль об организации «Сербского акционерного общества», для эксплоатации русских военно-морских транспортов; эта мысль была одобрена самим Врангелем. Правда, Сергеев на этом деле прорвался, но идея осталась, и его последователи начали осуществлять ее. Под эту очередную аферу подвели политическую платформу, мотивируя ее необходимостью создания оплота антибольшевизма на Балканах и помощи Врангелевским беженцам. В этом направлении и начали работать. Для большего успеха подготовку вели с разных сторон.

Помимо проекта Сергеева о создании «Сербского акционерного общества», приблизительно о том же говорил в своем докладе ген. Лебедев, в пункте 12 которого указывалось:

„Сербское государство чрезвычайно нуждается в морском флоте. Было-бы чрезвычайно полезно для русского дела в Сербии, если-бы некоторые пароходы добровольческого флота, малые Русско-Дунайского общества и общества „Шкуна", были сданы „Юго-Славянскому Ллойду", обществу, образованному сербскими и русскими капиталистами. За суда будет уплачиваться рыночный фрахт в любой иностранной валюте..."

Далее в нашем распоряжении имеется секретная почто-телеграмма военного представителя В. С. Ю. Р. в Болгарии, от 3-го марта, № 730, адресованная врангелевскому представителю при союзном командовании в Констатинополе.

В этом документе говорится, что несмотря на общее благоприятное отношение к врангелевским беженцам в Болгарии им все же приходится терпеть некоторые лишения. Представитель предвидит, что в будущем лишения увеличатся, и поэтому предлагает приступить теперь же «*к укрощению оппозиции и к привлечению прочных симпатий правительства*».

Этого можно достигнуть, по его мнению, «*передачей двух-трех пароходов*, лишнего железнодорожного имущества, узкоколейных путей и разных полезных грузов в аренду Болгарии». Эта почто-телеграмма, конечно, была тоже приобщена к материалам «о создании оплота антибольшевизма на Балканах».

Все эти шаги нужно считать предварительной подготовкой к общим действиям, которые вылились *в идею создания «Славянского Ллойда»*.

Об этом очередном буффе в деле «по реализации негодного имущества» имеется обстоятельный доклад, но без адреса и подписи, так что автор этого произведения остается неизвестен. Доклад, однако, носит ряд резолюций, отмечен входящим Управлением Главного Начальника Снабжения № 5774, 19-го апреля 1920 года, и вызвал содоклад и заключение одного из специалистов по части реализации землечерпательных караванов — инженера Силича.

Доклад начинается ссылкой на то, что из всех союзных правительств только Сербия открыла действительно гостеприимно свои границы, приютила русских беженцев,

и оказала им финансовую помощь путем установления льготного размена добровольческих денег на динары.

Далее исчисляется стоимость содержания беженцев для сербского правительства. По исчислениям автора, в Сербии сосредоточено свыше 10.000 русских беженцев и их содержание за март месяц сербскому правительству обошлось свыше 4.500.000 динар. Расход этот прогрессировал и в апреле должен был выражаться в сумме 6.000.000 динар. Эта сумма составляла около 10% всего доходного бюджета королевства, что последнему не под силу, и в дальнейшем выдача может совершенно прекратиться. Для спасения положения, автор доклада указывает на необходимость изыскания каких-либо новых источников дохода. Со своей стороны он выдвигает проект создания «Славянского Ллойда».

В докладе отмечается, что Сербское правительство и финансовые круги чрезвычайно заинтересованы в организации судоходства по Адриатическому морю; здесь же говорится, что предварительные переговоры с сербским правительством и финансистами выявили следующую желательную для них организационную схему:

> 1) „Главное командование и русские судовладельческие фирмы предоставляют некоторое количество судов.
>
> 2) Сербское правительство и сербские финансовые группы вносят в качестве оборотного капитала сумму денег, равную стоимости предоставленных судов.
>
> 3) Образуется Акционерное Общество „Славянский Ллойд", в распоряжение которого поступают суда и деньги. Акции общества делятся пополам между сербской и русской группами, а в пределах каждой группы—между ее участниками пропорционально внесенным деньгам или стоимости имущества".

К пункту «3», рукой врангелевского юрисконсульта сделана следующая приписка:

> „Необходимо настаивать, чтобы контрольный пакет, т. е. большинство акций, были в руках главного командования, дабы оно было хозяином дела. Нет сомнений, что Сербское правительство *должно будет на это согласиться*".

Далее в докладе разбирается вопрос: имеется-ли фактическая возможность уступить «Славянскому Ллойду» некоторое количество судов. Учитывая все возможные препятствия, вплоть до возможности эвакуации, докладчик приходит к заключению, что такая возможность есть. За-

тем он очень осторожно подходит к оценке возможных внешних препятствий и опасностей в передаче судов и отмечает следующие возможности:

„В этом отношении возможны две опасности. Первая: хотя военное положение сейчас делается все более и более благоприятным, но все-таки нужно предвидеть случай *эвакуации Крыма и лишения в этом случае Главного командования функций и полномочий правительства.* Это же положение может возникнуть и без эвакуации Крыма, *в случае признания союзниками Советского Правительства.* Если это произойдет до сдачи судов Славянскому Ллойду, то сдача не осуществится; если произойдет после сдачи, то *акции, поступившие в распоряжение Главного командования,* будут отобраны, и беженцы в Сербии опять останутся без помощи.

Вторая: Союзники, т. е. Франция и Англия *могут наложить на суда свою руку, подобно тому, как они накладывали ее на денежные средства в Париже и Лондоне; особенно это может случиться в момент передачи судов,* так как владение морским тоннажем дает в руки контроль над внешней торговлей, а к этому все стремятся".

В поисках средств устранить эти препятствия, автор доклада выдвигает опять те же способы, кои уже применялись при реализации землечерпательных караванов, и конкретно предлагает следующее:

„1) Намеченные к передаче суда предварительно передаются группе частных лиц, персонально избранных Главным командованием из числа лиц, пользующихся абсолютным доверием.

2) Передача эта производится или *путем продажи на льготных основаниях,* или сдачей в аренду, в зависимости оттого, какой способ будет намечен при последующей передаче судов Славянскому Ллойду".

Над первым пунктом о передаче судов частным лицам, рукой ген. Вильчевского приписано: «приемлемо».

На втором пункте значится его же надпись следующего содержания: «аренда предпочтительнее, ибо необходимо выговорить отчисления на содержание беженцев».

В дальнейших пунктах доклада указывается, что уполномоченным лицам поручается заключение договоров и осуществление передачи судов «Славянскому Ллойду», причем *денежные суммы и акции, которые будут реализованы при передаче, юридически поступают в собственность группы.*

Группа, однако, обязуется давать отчеты и исполнять приказания главнокомандующего независимо от могущих произойти политических перемен. Под этим пунктом значится резолюция ген. Вильчевского: «Безусловно необходимо».

В заключение докладчик высказывает уверенность, что правительство найдет 3—5 лиц заслуживающих полного доверия, коим можно поручить ведение этого дела. Здесь значится поправка Вильчевского: «*лица должны быть из коммерческого мира*».

По этому докладу 4-го мая за № 805, представил свое заключение инженер Силич. Последний восхищался этой комбинацией, видя в ней только положительные стороны, и к оценке вопроса подошел исключительно с точки зрения политической.

Он указывал, что идея создания «Славянского Ллойда» безусловно заслуживает одобрения. Из политических соображений крайне желательно упрочить русское влияние в Сербии, «которая может стать *при определенных комбинациях оплотом антибольшевизма*», и через посредство «Ллойда» с Балкан представится возможность распространить свою деятельность на возрождающуюся Россию. Кроме того, эта сделка обеспечит положение беженцев, снимет расходы с государства, и, наконец, сократит проникновение иностранных капиталов в Славянские страны.

Переходя к практической части доклада, Силич указывал, что из числа судов, находящихся в водах Черного моря, будущему «Ллойду» могли бы быть переданы: «два или три парохода добровольческого флота малого тоннажа, пароходы Русско-Дунайского пароходства и часть призов морского ведомства».

Подробную оценку всех этих доводов создателей «Славянского Ллойда» об обеспечении беженцев, о создании оплота антибольшевизма на Балканах, о проектах конкуренции и борьбы с иностранными капиталами в Балканских странах—мы дадим ниже.

Здесь же отметим, что этот проект был очередной попыткой врангелевских деятелей прикрыть какой-либо более или менее приличной ширмой аферу, направленную к ликвидации и передаче иностранцами—*годных судов русского флота*.

VII

«Аппетит приходит во время еды»,—говорит французская пословица. Эта старая поговорка не потеряла своего внутреннего смысла для врангелевского правительства.

Многочисленные комиссии по реализации негодного имущества, различные контр-агенты правительства, коммерсанты и комбинаторы, прожектеры с «Ллойдами» и прочие дельцы—не сумели удовлетворить хищнического аппетита белых властелинов.

Реализация флота уже несколько месяцев проводилась с особой лихорадочностью, однако на рейдах в Севастополе и в других Крымских портах еще стояли суда, и это мозолило глаза.

Дело распродажи, если и двигалось, то с гораздо меньшей скоростью, чем этого ожидали белые правители, и поэтому изыскивались все новые и новые способы ускорения его.

На помощь правительству пришел старый искушенный делец—Кривошеин. Видя доходность дела, он по своей природе, не мог, конечно, допустить, чтобы эти доходы шли мимо него, и выступил со своим планом. Как человек осмотрительный, кое-чему научившийся на поприще государственного деятеля, Кривошеин начал осторожно, с маленького. Он привлек к этому делу своего друга и соратника по разным спекулянтским похождениям инженера Сергея Николаевича Чаева, которому в будущем предназначалось сыграть главную роль в этом грабительском деле.

Читатель помнит, что в последнюю комиссию по реализации были введены, как контр-агенты и эксперты правительства, инженеры Шмидт и Чаев. Там они должны были обнаружить свои таланты и способности.

Работа их была весьма продуктивна. Как только начала свои занятия комиссия, Чаев и Шмидт сразу же сумели заключить с морским ведомством тайные договоры о покупке судов. Эти договоры вызвали конфликт новой комиссии с Советом по реализации и своим эпилогом имели заявление Вильчевского об отставке.

В области экспертизы инженер Чаев тоже сумел выявить себя рьяным защитником интересов казны. Приводим из дела небольшую иллюстрацию.

Представитель кампании «Энергия»—капитан I ранга Л.В. Белухин пожелал приобрести от морского ведомства суда: «Быстрый», «Жуткий», «Завидный» и «Катер № 12», обещая внести казне задаточную сумму иностранной валютой в следующем размере: 750 фунтов стерлингов, или 270 турецких лир, или же 50.600 германских марок. Остальную причитающуюся сумму, по расценке оценочной комиссии, предполагалось внести с небольшой рассрочкой, тоже иностранной валютой.

Инженер Чаев, которому эта сделка была послана на заключение, дал следующий отзыв:

„До выявления результатов предпринятого обследования стоимости судов, нельзя точно высказаться по этому вопросу. Тем не менее, следует заметить, что цена, предложенная заявителями—весьма понижена. 16/7. С. Чаев".

На отдельном листе приложено еще следующее добавление:

„Из заявления не видно, сколько заявители предлагают за три миноносца и катер. Но из личных объяснений выяснилось, что всего предлагают 2.000 фунтов—80.000 турецких лир, или около 10.000 пудов угля. Миноносец „Быстрый“ позднейшего типа, стоил до войны 2.000.000 руб.—200.000 фунт. *) на слом, следовательно, стоил тогда же, никак не менее 10.000 фунт., т. е. из 5%. ввиду вздорожания металла ныне втрое, цена его одного не менее 30.000 фунтов в крайности хотя 15.000 фунтов. Но, конечно, и за такую сумму продавать не стоит“.

Нужно отметить, что этот эксперт, как и все другие, в своей работе руководился меньше всего интересами казны. На ряд других предложений, где условия и расценка были гораздо ниже—последовали совершенно обратные отзывы.

И в настоящей оценке Чаев оперировал дутыми цифрами, выдумывал цены (сравните с довоенными ценами комиссии и оценку Чаева). В данном случае казенному эксперту Чаеву необходимо было: 1) доказать, что он рьяно защищает интересы своих доверителей и 2) добиться, чтобы суда не ушли куда-то в сторону, ибо он сам имел на них виды. Из этих соображений он и давал соответствующие заключения и тормозил распродажу.

Когда Чаев достаточно зарекомендовал себя, в качестве честного правительственного агента по реализации, он представил правительству свой проект реализации негодного имущества: в этом проекте он просил представить ему концессию по ликвидации негодного имущества и судов. Основные условия, предложенные Чаевым, были следующие:

1) Суда, годные к плаванию, доставляются на буксирах в Константинополь.

2) Суда, совершенно негодные, разбираются по частям на местах.

3) Все собранные части, равно и весь береговой лом, свозятся в Константинополь.

4) Все имущество, свезенное в Константинополь, оценивается в иностранной валюте специалистами, после чего назначаются торги.

---

*) В списке флота, составленном морским ведомством, миноносец „Быстрый“ оценивался в 108.600 руб. (в золотых рублях по ценам 1914 г.). *Редакция.*

5) Инженер Чаев получает 15% комиссионных и сверх того учреждает особое управление по сбору и приведению в порядок всего лома, подлежащего продаже, при чем все служащие состоят на службе у правительства, со всеми причитающимися правами.

6) Все расходы по разборке судов, по приведению в порядок лома по доставке в Константинополь, хранение, устройство торгов и т. д., до фактической продажи, правительство принимает на себя.

7) Инженер Чаев на организацию всего дела получает аванс в 150.000.000 рублей. *)

Здесь небезынтересно отметить, что этот величайший государственной важности вопрос о продаже народного достояния, оценивающегося в десятки миллиардов рублей в Совете правительства был рассмотрен и принят в течение 15-ти минут.

Представитель государственного контроля на заседании пытался протестовать против этой сделки, указав, что, согласно существующим законоположениям, всякие подряды и концессии должны сдаваться с торгов. На этом он настаивал и в данном случае. Однако, этот протест был заглушен, и предложение его отвергнуто с ссылками на исключительную спешность данного вопроса, указанием на необходимость воспользоваться оставшимися двумя-тремя месяцами спокойной погоды, пока можно будет суда вывести в Константинополь. Указывалось и на то, что торги могут ничего не дать и т. д. Предложение Чаева правительством было принято, и ему даны концессии на ликвидацию неоценимого имущества русского народа.

Такая легкая победа Чаева и столь поспешное постановление правительства объясняется только тем, что глава правительства Кривошеин был с ним в стачке, конечно, знал о целях и задачах проекта.

С этого момента Чаев становится центральной фигурой и главным рычагом в деле ликвидации негодного имущества. Заручившись концессиями, он продолжал работать в комиссиях, направлял их работу в своих интересах, и захватывал все новые и новые отрасли и области в этом деле.

---

*) Настоящие предложения Чаева цитируем по материалам, представленным нам одним из членов Врангелевского правительства, лично участвовавшим в обсуждении этого вопроса. Оригиналов документа нам разыскать не удалось. Сам Чаев в нижеприводимом докладе, между прочим, подтверждает факт получения от правительства концессии на реализацию имущества.

Сенаторская ревизия генерала Макаренко обратила внимание на то, что Северный Дон забит перевернутым вверх килем сверх-дредноутом «Мария».

Чаев сейчас же представил доклад в морское управление, просил поручить ему освободить док и реализовать корабль. В докладе он последовательно разбирал возможности, как это сделать, указывал, что средствами казны осуществить это трудно, пугал большими расходами, могущими дойти до половины миллиарда рублей и кончил предложением «*вложить в это дело свои крупные средства и взять весь риск на себя*».

Для осуществления этой операции, он предлагал два варианта. по первому, он берет на себя все расходы по вывозу корабля в док, разборке и реализации его. Для ликвидации имущества и частей корабля ему предоставляется свободный вывоз его за границу. Все вырученные за продажу валовые суммы делятся между ним и правительством пополам.

По второй вариации—вся работа по вывозу и разборке судна производится казенными средствами, но Чаеву предоставляется право реализации его, и он получает «за труд» 14% с чистой выручки.

По приказанию А. В. Кривошеина, доклад этот 19-го июля 1920 года за № 1543, был направлен в Совет при главнокомандующем, для рассмотрения, при чем указывалось, что: «Начальник морского управления присоединяется к первому из вариантов», т.-е. склонен отдать корабль в руки Чаеву для реализации своими средствами.

В деле нет указаний, как разрешил этот вопрос Совет, но, по газетным сведениям, Совет в заседании своем от 20-го июля утвердил 2-ю вариацию и решил произвести работы средствами казны, ассигновав для этой цели 300 миллионов рублей. Но это сути дела не меняет. Быть может, только Чаев в этом деле заработал немного меньше.

Чаев начал налаживать дело реализации, пытался поставить его на солидную ногу и привлечь возможно больше иностранных капиталистов.

Чаев выехал за границу организовать дело распродажи. Но грянул гром. Не успел Чаев развить своих операций, как уже Врангель со своей кликой должен был искать приюта в Лемносе и Галлиполи.

Лопнули. не успев расцвести, чаевские прожекты, увяли надежды Кривошеина с компанией.

VIII.

«Чаевские концессии» явились апофеозом врангелевских затей в деле «реализации русского флота». На этом оборвалась колоссальнейшая авантюра. Теперь подведем итоги гнусным проделкам так наз. «правительств Юга России» и осветим трагическую судьбу русского флота.

Весь флот, коим хозяйничали поочередно разные правительства «Юга России», разгромлен, разбросан, распылен, и передан иностранцам.

Несмотря на мудрые ухищрения, аферы и лихорадочный темп работы в деле «реализации флота», проявленные врангелевскими правителями,—«союзники», главным образом, Франция и Англия, *все же наложили руку на русский флот*.

Ценою окончательного разгрома флота—врангелевцы достигли одного: флот не попался в руки Советской власти, и русский народ лишен ценнейшего имущества.

Однако, путем распродажи Врангелевские заправилы достигли немногого. Сплавить им удалось лишь незначительную часть того, что было предназначено к продаже. Здесь помешал целый ряд обстоятельств: «Союзники» зорко следили за «реализацией». Второй помехой явился неожиданный удар Красной армии и поспешная эвакуация. Сплавить путем продажи Врангелевцам удалось только часть лому, землечерпательные караваны, мелкие суда, материалы, судовое имущество, машины, механизмы и пр. Но все это мелочь и частичка того колоссального плана распродажи которую затеяли белые.

Однако, спасти русского флота не удалось.

При эвакуации Врангель увез около 120 судов, груженных, помимо «беженцев» и армии, ценнейшими материалами и имуществом. Советской власти достались лишь неисправные суда и та часть флота, которая из-за отсутствия топлива, бунта команды, общей растерянности, паники не могла выйти в море.

Все суда, выведенные из русских вод, попали в безраздельное владение союзников.

Уже при отходе из Крыма на всех судах, как военных, так и коммерческих—*был поднят французский флаг*, и лишь на Врангелевском флагманском корабле одиноко развевался ничего не говорящий, Андреевский флаг.

Поднятие французского флага на русских судах означало безоговорочную передачу их французам.

Русский военный флот был загнан в Бизерту, туда же была собрана часть судов добровольческого флота, нахо-

дящаяся под Андреевским флагом. На все эти суда наложила руку Франция, в виде обеспечения за понесенные расходы по поддержке и эвакуации Врангелевской армии.

Участь русского торгового флота не менее трагична: пароходы русских пароходных обществ раскинуты чуть ли не по всем портам Европы, и там ими хозяйничают союзные правительства по своему усмотрению.

В английских и американских портах собралось большое количество судов Добровольного флота, кои обслуживают нужды этих правительств. До крушения Врангеля правительства выплачивали кое-какую арендную плату судовым обществам. После эвакуации эта выплата прекратилась.

При эвакуации Одессы, находящиеся там лучшие пароходы «Ропита» (Русск. Об-во Пароходства и Торговли) были захвачены Францией в принудительную «аренду», и до сих пор большая часть этих судов находится в их руках. В частности, лучшие русские пароходы—«Император Александр Ш» и «Император Николай I» тоже захвачены французами. Франция также до падения Крыма платила аренду, а теперь продолжает безвозмездно пользоваться судами, в счет погашения долгов правительства Врангеля.

Часть русских судов и почти все баржи Русско-Дунайского пароходства «заарендованы» или захвачены Румынией.

В начале 1921 г. на баржи Дунайского типа заявил претензии даже Петлюра, и он каким-то образом добился признания за ним права на распоряжение ими. Петлюра сдал часть этих барж в аренду румынам, а часть продал.

В момент эвакуации Крыма в Грузинских портах находились пароходы «Ропита» — «Веста» и «Ространса»— «Мария». Меньшевистское правительство Грузии захватило эти пароходы, рассматривая их, как военную добычу, и во время бегства из Грузии, вывело их под грузинским флагом в Константинополь.

Здесь на пароходы заявили претензии правления «Ропита» и «Ространса» и потребовали возвращения пароходов обществам. Этот вопрос рассматривала смешанная франко-грузинская комиссия. Она нашла претензии пароходных обществ основательными и решила вернуть пароходы обществам. Видя такой оборот дела, грузины запродали пароходы итальянцам, и те со своей стороны опротестовали решение смешанной комиссии. Пока шли эти споры, Англия наложила на суда свою руку, за долги Грузинского правительства.

Так бесцеремонно расправляются за границей с русским народным достоянием.

Не менее трагична участь той части судов, которые под тем или иным видом были переданы в частные руки, или, как говорили Врангелевцы: «вверены лицам, состоящим на государственной службе», со всеми гарантиями и пр.

Естественно, что Врангелевское правительство, оказавшись на положении «беженцев», было заинтересовано в окончательной ликвидации тех судов, которые еще не были захвачены Антантой. Начались попытки распродажи их, чтобы лишний раз поживиться за счет реализации русского тоннажа.

Врангелевские агенты Савин, Полежаев и Князев, попытались продать часть пароходов Добровольного флота, но встретили в этом препятствие,—их признали не правомочными на отчуждение русского государственного достояния.

Иностранцы предпочитали захватывать суда, но распродажа в общей неразберихе и суматохе все же происходила.

Для полноты картины нужно сказать еще несколько слов о той части торгового флота, которая находится в руках правлений различных пароходных обществ: Ространса, [1]) Ропита [2]) и др. Правления этих акционерных обществ все сконцентрировались в Париже.

Часть судов, которые номинально числились в распоряжении правлений, а фактически находились в распоряжении Врангеля, после эвакуации «Верховного правителя» в Константинополь—перешла в распоряжение пароходных обществ. Весь торговый флот находящийся в руках этих правлений, сконцентрировался в проливах, в Марсели и в других европейских гаванях и был обречен на полное бездействие, по целому ряду причин.

Пароходные общества пытались эксплоатировать суда, оказавшиеся в их распоряжении, но безрезультатно. Раньше всего потому, что эти пароходные общества оказались беззащитными, без правительства, могущего поддержать и защитить интересы русского торгового флота.

Иностранные правительства со своей стороны всячески старались уничтожить флот, и это им удается.

Положение русских пароходных обществ за границей крайне плачевное. Из-за неприспособленности к заграничному плаванию, расстройства административного аппарата, крайней изношенности судов и финансовой беспо-

---

[1]) (Рус. Транс. и Страх. об-во).

[2]) (Рус. Об-во Параходства и Торговли.

мощности, им не удается встать на ноги и конкурировать с хорошо организованными обществами Запада.

Все эти общества находятся накануне полного краха. Пароходы один за другим уплывают из их рук, захватываются и распродаются за долги.

Как на показательный пример можно сослаться на консульские суды в Константинополе, которые только тем и занимаются, что задерживают, накладывают аресты и продают с торгов русские пароходы за долги, за неуплату жалованья командам пароходов и пр.

В начале 1921 г., правление Добровольного флота, сдало пароход «Владимир» на 9 месяцев, по 15.000 турецких лир в месяц каким-то русским предпринимателям, зафрахтовавшим его для рейса в Америку. Но «Владимир» был задержан за долги в Константинополе, и не мог выйти.

В то время там же, за долги, с торгов был продан грекам пароход «Россия», за 63.000 турецких лир. Пароход принадлежал «Ространсу».

Катастрофическое положение толкает правления обществ на всякие авантюры, вплоть до распродажи своих же судов.

Правление «Ропита», например, пыталось распродать часть своих судов Англо-Русскому обществу. Но этому воспротивились капитаны судов, которые объявили парижское правление неправомочным и обратились за разрешением спора в Марсельский коммерческий суд. В результате продажа была запрещена, и на капитанов судов возложена ответственность за целость пароходов.

В заключение нужно сказать несколько слов о несчастных командах, ввергнутых в эту авантюру.

Их судьба не менее трагична, чем участь родных судов, с той разве только разницей, что людей с торгов не продают, хотя их головы наравне с другими беженцами, Врангелем котируются на Парижской бирже.

Команды судов месяцами не получают жалованья. В Константинополе их кормят наравне с беженцами и нищими; в других портах не дают и обедов, и команды буквально голодают. Нередко можно встретить в портовых городах Европы оборванного русского моряка с протянутой рукой.

До этого довела их авантюра Врангелевских разбойников.

Такова в самых общих штрихах судьба русского «эвакуированного» флота.

Наши сведения, разумеется, очень отрывочны и далеко не полны. Вообще сейчас очень трудно оценить весь

трагизм и катастрофическое положение русского флота за границей, так грубо и бесцеремонно оторванного от родных вод. Но и сказанного достаточно, чтобы уяснить себе, какой вред причинили русскому народу Врангелевские авантюристы.

«Реализация негодного имущества» кончилась полным разгромом и передачей в руки иностранным хищникам части русского торгового и военного флота, которая была в руках белогвардейцев на Юге.

IX.

Теперь пора подвести итоги авантюре реализации негодного казенного имущества.

— Чем объясняется это преступное и безрассудное расхищение русского народного достояния?

Ответ очень простой:—погоней за наживой.

— Валюта, только валюта! Какой угодно ценой, хоть гибелью всей России. Таков был лейтмотив Врангелевских проходимцев.

Белые генералы были далеки от оптимизма простаков горнопромышленников, мечтавших о победах добрармии и грезивших о захвате Донбасса, или других «спасателей России», работавших над ее «восстановлением». Генералы знали, что рано или поздно будет конец их авантюре, что надеяться не на кого. А быть выброшенными на тротуары Константинополя и без пиастров в кармане—дело не из приятных.

Врангелевские правители очень хорошо знали цену союзной помощи. Знали по урокам истории, что эта помощь оказывается не ради блестящих эполетов Врангеля и его генералов. Они прекрасно учитывали, что настанет черный день. И они припасали валюту на этот черный день: флот мог дать валюту.—Поэтому, загоняй флот.

— А Россия?—Но какое им дело до России! Была бы валюта, а там наплевать на все.

Вся деятельность Врангелевских заправил по части реализации проходила под угрозой: «Как бы союзники не наложили рук на флот».

Говорилось, правда, и о возможности эвакуации, и о возможном тогда захвате судов Советской властью. Но это было нестрашно. Путь к отступлению был—к союзникам.

Но там уже флоту конец. Из Крыма можно перебраться в Константинополь вместе с флотом, но оттуда куда?

Оттуда не уйдешь, и флот, без всякой пользы белым властелинам, попадет к союзникам.

А что рано или поздно Врангелевцам пришлось бы оказаться в положении «почетных узников» и любоваться прелестью минаретов Оттоманской столицы,—в этом они не сомневались. Этим и объясняется лихорадка, которая так трепала белых воротил, когда они бились над ликвидацией «негодного имущества».

— Увезти бы... Не опоздать бы...—бичевала назойливая мысль.

Когда Шиллинг эвакуировал Одессу, французы захватили в «принудительную аренду» лучшие русские пароходы. В 1919 году, эвакуируя Севастополь, союзники захватили все новейшего типа миноносцы и не отдали их до сих пор. Французский полк. Трусов, в том же году, арестовал Крымское правительство и не выпустил его до тех пор, пока все ценности и деньги его не *были сданы французскому командованию*. Союзники, наконец, наложили свою руку на все денежные средства Южно-Русского правительства в Лондоне и Париже. Все это знали белые правители, и отсюда этот страх перед Антантой.

— «Чтобы союзники не наложили рук на наш флот»,— стало жупелом для белых. Об этом говорилось в докладе об «эвакуации» землечерпательных караванов, о том же говорила резолюция ген. Шатилова на проекте афериста Сергеева, приведшего в священный трепет ген. Лукомского:—«что будет, если об этом узнают союзники»? Об этом же, наконец, говорится в проекте создания «Славянского Ллойда».

И здесь встала новая задача: «надо надуть союзников». Бедные Врангелевские генералы, они были настолько наивны, что думали своими слабыми силами надуть этих акул.

Но в погоне за наживой люди приходят в азарт, слепнут и не видят, где им расшибут лоб.

План «надувательства» был составлен, с соблюдением всех элементарных правил приличия, чтобы вышло все по-джентльменски. Раньше всего развели с полдюжины разных «комиссий по реализации», правомочных и неправомочных,—и Верховный Совет... Вокруг комиссий этих поднялся необыкновенный шум, толпились заявители, конкурировали друг с другом, надували,— каждый хотел урвать кусочек пожирнее.

Комиссии эти были лишь ширмой; они рассматривали предложения, выуживали покупателей, оценивали капиталы, обследовали благонадежность покупателя, но не разре-

шали вопроса. Сделки разрешал кто-то другой, помимо комиссий. Единственно дельное, что сделали комиссии, это составление квалификации флота, подлежащего ликвидации.

Присмотритесь к этой квалификации, и вы увидите, что Врангелевское правительство решило продать буквально весь флот и все имущество, за исключением разве только десятка боевых судов.

Ведь неудобно же правительству «эвакуироваться» без крейсеров и дредноутов, хотя бы в Константинополь. Во-первых, не производит никакого впечатления, а, во-вторых, те же союзники могут и притянуть:—Где флот? Эту часть нужно было оставить, чтобы торжественно, как подобает правительству, под французским или другим флагом въехать в Константинополь.

Мы видим, что в списке числятся, помимо пароходов и судов, требующих крупного ремонта, суда, *требующие только очередного ремонта для выхода в море, и даже пароходы и транспорты вполне исправные и на ходу*. В категорию же материалов включено имущество, в котором Россия не только чувствует острую нужду, но которую порою не разыщешь и днем с огнем. В список были включены даже предметы, в коих нуждался фронт белых (стеклянные шары для мин).

— Чем же объясняется такая щедрая расточительность? Конечно, только погоней за валютой.

Под шумок работ многочисленных комиссий, происходила ликвидация судов и имущества. Ликвидировалось оно двумя путями: самим правительством и правительственными лицами и учреждениями от себя и для себя. О незаконной ликвидации раньше всего свидетельствует жалоба инженера Силича на то, что морское ведомство, помимо установленных правительством комиссий, передало частным лицам ряд судов: «Мария», «Антон» и др.

Морское ведомство, в свою очередь, продало спекулянту Лейбману 500.000 пудов железа, принадлежавшего Севастопольскому портовому заводу, из коих, к моменту захвата, 140.000 пудов уже было нагружено на пароход «Ризе» для вывоза за границу. Наконец, комиссия по учету имущества нашла сотни тысяч пудов имущества, уже погруженных на суда.

Хищения были бесконечны. Поскольку можно судить по материалам и протестам в деле, все эти сделки считались «незаконными» и производились помимо самого правительства и установленных им для этого организаций. Но, ведь, естественно, что кроме высших правительствен-

ных сановников, и более мелкие пытались себе сколотить пиастры.

Теперь перейдем к так назыв. официальным правительственным операциям.

Раньше всего сплавили землечерпательные караваны, и пока бесследно.

В дальнейших своих операциях правительство пыталось избежать шумных сделок и предпочитало «частную инициативу» в деле реализации. Излюбленным являлся способ передачи судов «надежным лицам, состоящим на государственной службе», и вывоз судов за границу «под частновладельческим флагом», как это сделали с землечерпалками и собирались сделать с судами для «Славянского Ллойда».

Непосредственных сделок с иностранными фирмами всячески избегали, совершенно основательно полагая, что союзники могут вмешаться в дело, а это может оказаться чревато последствиями. На этом основании были отклонены предложения «Итало-Русса», «Англо-Итальянской Компании» и др. Иезуитское постановление Совета в ответ на назойливые предложения предприимчивого француза Pascalet было вызвано тем же обстоятельством.

Особо стояло «солидное» предложение банкирского дома «Бориса Жданова». Но здесь какую-то таинственную роль играл ген. Раух и английская миссия в Севастополе. Во всяком случае, это предложение—одно из ряда вон выходящих.

Правительство охотно прибегало к помощи «солидных», частных предпринимателей, вроде золотопромышленника Сергеева, правда, впоследствии оказавшегося дутым, Чаева, Шмидта и др. Применением такой «частной инициативы», правительство избегало шумных сделок, обезопасило себя от нежелательных и неожиданных вмешательств своей строгой покровительницы—Антанты и, наконец, здесь ближе и вернее могли быть заинтересованы сами правительственные сановники, вплоть до самого Врангеля.

И в лице Чаева они нашли достойного выполнителя своих планов. Чаевские «концессии» явились венцом Врангелевских достижений в деле реализаций.

Во-первых, Чаев был человек свой, из высшего круга, правая рука Кривошеина в спекулянтских делах. На него, испытанного не раз уже в самых головоломных операциях, можно было положиться. Во-вторых, наружно все обстояло прилично. Правительство сдало концессии на реализацию негодного имущества частному лицу; это лицо должно

было привлечь к участию иностранных капиталистов, и, получив деньги, делить их с правительством. Чаев стал тем громоотводом, который должен был отвести возможные, внезапные удары.

К чести Врангелевских правителей нужно отметить, что в деле авантюр и надувательств они не застыли в одних формах, а все время совершенствовались.

Солидные банкирские дома, вроде «Бориса Жданова», сделки с промышленниками и акционерами, даже концессии Чаева—их не удовлетворили. Дело с реализацией шло быстрым темпом, создавались и выискивались все новые формы быстрейшей ликвидации. В поисках путей к ликвидации родился грандиозный план создания «Славянского Ллойда». Этот проект должен был компенсировать всесторонне Врангелевских правителей.

Раньше всего на этом деле собирались прилично заработать, а затем создать на всякий случай лазейку для отступления. Под эту патентованную авантюру пытались подвести солидный политический фундамент, и обставить дело прилично, по крайней мере, наружно.

Над проектом работали настойчиво и упорно, в нем принимали участие солиднейшие правительственные сановники, и к делу пытались подойти организованно. Но, к несчастью Врангелевских заправил, на деле все вышло как-то комически и не серьезно.

Если в какой-либо из предыдущих афер может возникнуть хоть тень сомнения, были ли Врангелевские правители заинтересованы лично, то здесь это исключается. Здесь ясно и слепому, что инициатива этой аферы исходит из недр самого правительства. Это подтверждается, прежде всего, фактом предварительных переговоров с Сербским правительством и финансистами.

— Кто вел эти переговоры и по чьим полномочиям?

Очевидно, полномочия на продажу морского тоннажа иностранной державе или группе капиталистов—может дать *только правительство*. В дальнейшем, это же подтверждается фактом предварительной подготовки.

Из Болгарии, Сербии и Константинополя, со стороны самих членов правительства и близких им лиц—сыпались доклады, записки, телеграммы и все били в одну точку: беженцы нуждаются, правительства, содержащие их, бедны, нуждаются в транспортных средствах, нужно заручиться их симпатиями—для этого нужно им дать суда. И в общем итоге рождается грандиозный план создания «Славянского Ллойда». Все это говорит о том, что правительство кровно было заинтересовано во всей этой афере.

Каковы причины этой заинтересованности?

В своем докладе Силич приводит крайне наивные доводы.

Конечно, идея создания базы к отступлению, хотя бы на Балканах—была вполне понятной предосторожностью. Но мы знаем, что в этом отношении Врангелевским правительством—ничего не было сделано. Белые были застигнуты врасплох, эвакуация прошла панически; никаких предварительных мер предпринято не было. И белым осталось одно—поднять французский флаг и, скрежеща зубами, сдаться на милость своей покровительнице Франции.

Можно возразить, что они не успели. Но против этого говорят факты. Крах ожидался. Лихорадка в деле реализации об этом говорит красноречиво. Белые правители думали только о себе, они пытались обеспечить только себя. Отсюда бешеная погоня за валютой.

А способы и проекты Силича по организации оплота антибольшевизма—это детский лепет.

Способ упрочения русского влияния на Балканах, создания там оплота антибольшевизма, путем посылки туда, по рецепту Силича, 3—5 русских спекулянтов, «состоящих на государственной службе», продав им 5—6 суден,—это только плоды досужей фантазии бездарного «государственного мужа». Еще более наивна мысль о сокращении, таким путем, проникновения иностранных капиталов в Балканские страны. Неужели кто-либо серьезно мог думать, что Врангелевские авантюристы могли бы конкурировать с каким бы то ни было капиталом?

Все эти доводы не серьезны, и только младенцу дозволительно мечтать, что таким путем можно создать «оплот антибольшевизма». Не верили в это и сами Врангелевские деятели, кроме разве простаков и невежд. Вся эта политическая платформа явилась лишь вывеской и ширмой.

О возможности дальнейшей борьбы никто не думал, все были заняты собою. Врангелевские дельцы пытались все разбазарить, набить карманы, а затем распылиться. В этом направлении шла вся работа. Есть много данных, подтверждающих это обстоятельство.

Прежде всего, показателен и неопровержим факт *передачи судов частным лицам*, путем продажи на льготных условиях.

В докладе предусмотрено, что, если даже суда будут сданы в аренду, то по осуществлении сдачи судов «Ллойду», *денежные суммы и акции, которые будут реализованы после передачи, юридически поступят в собственность этой группы лиц*». И это положение ни с чьей стороны из Врангелевских правителей не встретило возражений. Ген. Виль-

чевский, не задумываясь, начертил резолюцию над этим пунктом: «*приемлемо*».

Государство создает на своем теле паразитов, награждает их имуществом, деньгами и т. д. Это авантюра чистейшей воды. И объяснение может быть только одно: в авнтюре все заинтересованы, все к ней причастны.

Цену всем этим фиктивным договорам, обязательствам, отчетам и т. д. мы знаем. Мы также знаем, что это за доверенные лица, «состоящие на государственной службе». Это мы видели по Сергееву и Чаеву, об этом говорят исчезнувшие землечерпалки.

Ведь, Сергеев у Врангелевского правительства заслужил абсолютное доверие, заручился рекомендацией самого Врангеля. Этот самый Сергеев сумел получить на руки даже «ключ» к секретам и тайнам Врангелевских авантюр (резолюция ген. Шатилова),—а он оказался простона-просто аферистом, от которого впоследствии все отказались. Но, несмотря на ряд авантюристических проделок Сергеева, его проект осуществлялся, ценнейшее имущества собирались передавать безоговорочно другим лицам. Рука ген. Вильчевского не дрогнула, когда он наложил резолюцию «приемлемо». Даже больше, этот же Вильчевский подчеркивал: «*лица должны быть из коммерческого мира*».

А золотопромышленник Сергеев разве не был из коммерческого мира? Где гарантии, что новые «лица» не окажутся такими же аферистами?

Но это, очевидно, мало беспокоило Врангелевских деятелей. Они не разбирались в средствах, не щадили никого и ничего, лишь бы достать валюту.

* *
*

Эта колоссальная авантюра, с чудовищными проектами распродажи русского флота, является лишь одним из звеньев, в грандиозном вихре опустошения и грабежа, учиненном белыми вандалами на нашем юге. Их хозяйничание на юге, было сплошным разграблением достояния русского народа. Из Крыма Врангель высосал все жизненные соки. Все, что могло быть продано, вывезено, за что можно было получить злочастную валюту,—было сплавлено.

В этом буйстве грабежа не считались ни с чем,—ни с интересами страны, ни с голодным населением, ни даже с собственной армией. Из Северной Таврии и других местностей, на которые распространилось Врангелевское

влияние—было выкачено все: зерно, фураж, овощи, фрукты,—буквально все, что только производилось. Из Крыма выкачивали все запасы вина, накопленные десятилетиями, весь табак, фрукты и пр. запасы.—Все это вывозилось за границу, под видом товарообмена. В обмен же, голодающее население получало ничего не стоющие бумажки с георгиевской лентой и разбитыми колоколами. Когда нечего было выкачивать и вывозить, флот оказался ненужным, и начали продавать его.

Трудно предвидеть, во что могла бы вылиться эта «реализация», вакханалия грабежа в дальнейшем, если бы успели продать флот. К счастью, Красная армия положила предел безрассудному буйству вороватых и слабоумных генералов.

Л. Полярный.

ПРИЛОЖЕНИЕ

к статье „О распродаже русского флота“.

№ 1.

Доклад о реализации землечерпательных караванов.

УПРАВЛЕНИЕ
ТОРГОВЛИ и ПРОМЫШЛЕННОСТИ
при
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМ
Вооруженными силами на
ЮГЕ РОССИИ.
ГЛАВНЫЙ ИНЖЕНЕР
КРЫМСКИХ ПОРТОВ.
4-го марта 1920 г.
№ . . . .
Телеграф. адрес.
„Керч-Портострой“

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

ГЛАВНОНАЧАЛЬСТВУЮЩЕМУ

НОВОРОССИЙСКОЙ ОБЛАСТИ.

Во исполнение резолюции Начальника Штаба Главноначальствующего Новороссийской области, имею честь доложить:

В настоящее время в портах Черного моря, находящихся на руках Добрармии, сосредоточены мощные землечерпательные караваны, состоящие в заведывании местных управлений работ в портах.

Напряженными усилиями местных и центральных портовых установлений удалось значительную часть караванов, находившихся в портах, ныне занятых большевиками, также перевести в порты вооруженных сил Юга России и тем спасти для Родины технические средства, оцениваемые в миллиард рублей, а на самом деле, неоценимые. Будучи сосредоточены, главным образом, в Керченском и Севастопольском портах, караваны эти в настоящий момент представляют собою мертво лежащий капитал, который не только не приносит никакой реальной пользы, но еще требует от Государства многомиллионных затрат на свое сохранение и поддержание в исправности. Между тем, по условиям гражданской войны и при крайнем недостатке в топливе даже для оперативных морских перевозок, представляется совершенно невозможным ожидать

получения топлива для производительной работы этих караванов в текущем 1920 году. Опыт 1919 года показал, что при гораздо более лучших условиях большая половина землечерпательных караванов бездействовала. Между тем, имеющиеся землечерпательные караваны, будучи пущены в действие, могли бы произвести ценные, обширные работы. Производительность этих машин, находящихся во вполне исправном состоянии, достигает до 140.000 куб. сажен в годовой строительный период, что при современной средней стоимости землечерпательных работ за границей в два фунта стерлингов за 1 куб. саж. дает работу, оцениваемую в 280.000 ф. ст. в год, при примерной стоимости содержания караванов за то же время в 140.000 фунтов.

Таким образом, если бы явилась возможность использовать в заграничных портах, имеющиеся русские караваны, то работа их дала бы в распоряжение Добрармии около 280.000—140.000=140 фунт. ст. в 1920 году, каковая сумма обеспечила бы существование около $\frac{140000}{1 \times 52} = 2700$ инвалидов или членов офицерских семей, считая по одному фунту стерлингов в неделю на человека или же получаемая валюта могла бы быть использована иначе, по усмотрению главного командования.

Кроме указанных причин (бездействие караванов в русских портах из-за отсутствия топлива и возможность полезной для целей Добрармии работы их за границей) необходимо указать еще на следующие мотивы, побуждающие к переводу наших караванов в порты Западной Европы:

1. При оставлении караванов в русских портах возможны повреждения их и даже затопление при военных действиях, и т. п. Родина может лишиться ценного и даже незаменимого технического имущества.

2. Временный перевод караванов за границу сохранит для России и без того немногочисленные кадры опытных инженеров портостроителей и моряков-специалистов по землечерпательным работам, жизни которых угрожает безусловная опасность от большевиков, вследствие их прежней работы на пользу Добрармии.

3. Суда землечерпательных караванов, имея узко-специальное назначение, являются совершенно ненужными при военных операциях, к которым они не могут быть приспособлены. Равным образом, кадры специалистов, работающих на них (общим числом до 150 человек) также не

могут принести пользу армии, оставаясь в русских портах. При этом в случае перевода караванов за границу, могут быть приняты меры к тому, чтобы весь персонал состоял из невоеннообязанных, за исключением незаменимых специалистов и инженеров—руководителей работ, последнее в целях сохранения руководства караванами в русских портах.

Совокупность всех приведенных соображений заставляет считать перевод русских землечерпательных караванов за границу не только желательным, но с государственной точки зрения и необходимым.

Обращаясь к условиям для осуществления изложенного плана и пользуясь данными опыта при заблаговременной эвакуации в марте 1919 года Керченских караванов в Новороссийск, в полном составе машин и персонала, надо считать, что переход караванов за границу является вполне возможным и потребует для своего осуществления следующего:

1. Денежных средств в сумме до 5-ти миллионов рублей для обеспечения месячного содержания каравана, выдачи эвакуационного пособия и оплаты первоначальных расходов, при чем дальнейшее содержание караванов будет происходить на деньги, выручаемые за работы ими производимые.

2. Получения угля в количестве до 40.000 пудов, при чем часть угля могла бы быть заменена нефтью в половинном количестве.

3. Содействия военных властей при отправлении.

4. Месячный срок на подготовку перехода.

В случае одобрения предлагаемого плана, и во избежание захвата указанных судов какой-либо державой во время их плавания за границей, выход судов должен быть совершен под флагом частного владения, а потому для выполнения всей операции необходимо иметь от главного командования следующия полномочия:

1. Секретное предписание о вручении казенных караванов определенным лицам, состоящим на государственной службе и ответственным за возвращение судов в целости законному российскому правительству.

2. Официальную передачу прав на караваны тем же чинам, как полномочным распорядителям, для работ в Славянских портах или в других по соглашению с Антантой.

Личный персонал, обеспечивающий надлежащее направление всего дела и отвечающий за сохранение пору-

чаемого ему государственного имущества, должен быть намечен исключительно из числа лиц, находящихся на государственной службе, в составе десяти лиц технической администрации.

Обращая еще раз внимание вашего превосходительства на особую важность немедленного перевода русских землечерпательных караванов за границу, имею честь просить ваших по сему поводу распоряжений.

Главный инженер Крымских портов (подпись).

За заведующего частью торговых портов и мореплавания инженер (*Силич*).

Спешно.

Наштглаву.

В виду незнакомства, с этим вопросом, представляю на усмотрение.

С своей стороны полагаю, что, если землечерпалки не нужны, то их нужно заблаговременно эвакуировать в Сербские порты, для чего войти с Сербским правительством в соответствующее соглашение, имея в виду возможность извлечение выгоды для казны.

Керчь, 5-го марта, 1920 г., № 0251657.

Командующий войсками Новороссийской области генерал-лейтенант *Шилинг*. Врид. Наштавойск, полковник *Коновалов*.

Резолюция на докладе:

«4/3 *Шилинг*».

«Морс; А. В. Силичу. 8/3—20 В. Н.».

«До устройства органа М. Т. Пр. в Крыму и до возможности обеспечить караваны топливом—решить вопрос в дополнительном по докладу смысле преждевременно. Принципиально же возражений не имею. Сохранить государственное имущество необходимо. 8/3—920».

«Прошу инженера Силича лично доложить генералу Романовскому все детали вопроса. А».

№ 2.

Обращение генерала Вильчевского об образовании совета по реализации негодного казенного имущества.

НАЧАЛЬНИК
УПРАВЛЕНИЯ СНАБЖЕНИЙ
при
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМ
Вооруженными силами
на ЮГЕ РОССИИ
19-го апреля 1920 г.
№ 3707.
Гор. Севастополь.

Начальнику Морского Управления
и Командующему Флотом.

За последнее время на имя главнокомандующего правительства и различных правлений поступает от отдельных лиц всевозможных обществ и компаний целый ряд предложений о продаже им или их доверителям, пришедших в негодность и старых кораблей военного флота, торговых судов и транспорт, а также всевозможного технического транспортного имущества, могущего служить материалом при постройке или ремонте коммерческих судов.

В большинстве случаев предложения эти исходят от лиц или учреждений, выполняющих только комиссионные поручения, и не заключают в себе конкретных предложений и потому не могут быть приняты к серьезному рассмотрению.

Главнокомандующий, придавая настоящему вопросу особое значение, и в целях его объединения, приказал образовать под моим председательством специальный Совет, в составе начальников управлений: Финансов, Морского и Государственного Контролера. В заседаниях Совета будут участвовать также юрисконсульт и секретарь Совета полковник Зверев.

На обязанности Совета будет лежать определение перечня могущего быть проданным транспортного имущества и принятие окончательных решений по существу поступающих на этот счет предложений.

Вместе с сим препровождаю копию поступившего к главнокомандующему предложения банкирского дома «Борис Жданов» в Константинополе от 9-го сего апреля, заключающего в себе самое широкое предложение о покупке, в целях восстановления русского коммерческого флота. Его превосходительство, считая настоящее предложение заслуживающим серьезного внимания, изъявил свое

принципиальное согласие, о чем представителям банкирского дома послана телеграмма в Константинополь.

Сообщая об изложенном, прошу вас сообщить мне в срочном порядке, для доклада Совету, перечень кораблей, судов, транспортов и проч. имущества, которое представляется для нас совершенно не нужным и может-быть теперь же использовано на международном рынке.

С своей стороны полагаю, что в виду срочности вопроса, на рассмотрение Совета мог бы быть теперь же представлен перечень уже выясненного во вверенном вам управлении негодного имущества с тем, что дальнейшие заседания Совета будут происходить в зависимости от сообщаемых вами данных.

О времени и месте засеадния Советов вы будете извещены по получении от вас просимых сведений.

Приложение: Копия заявления банкирского дома «Борис Жданов» от 9/21 сего апреля.

Генерального штаба, генерал-майор *Вильчевский.*
Скрепил начальник канцелярии, полковник *Выговский.*
С подлинным верно: полковник *Зверев.*

№ 3.

Предложения банкирского дома „Борис Жданов“.

Maison de Banque
„BORIS JDANOFF“.
Succursale de Constantinopole
Grande rue de Pera № 344.

Constantinopole, le 9/21 Апреля 1920 г.

ВАШЕ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО
Милостивый Государь,
Георгий Оттонович!

На основании ваших личных переговоров с вами имеем честь обратиться к вам с покорнейшей просьбой взять на себя труд осуществления переговоров с представителями русского правительства от имени нашей московской финансовой группы, по вопросу о продаже нам, в целях организации морского торгового общества, ставящего себе задачей сохранение в русских руках Русского коммерческого флота, как национального достояния, торговых судов и транспортов старого негодного военного флота, могущего послужить источником ремонтного материала для восстановления Коммерческого флота, механизмов, в самом широком смысле этого слова и вообще имущества и

материалов, необходимых при постройке, ремонте и содержании судов Коммерческого флота.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ Георгию Оттоновичу РАУХ.

Осуществляя это поручение, вы имеете словесно, или буде-то нужно письменно, изложить представителям правительства, всю широту вопроса, поставленного нами в основание нашего общества, при чем указать на то обстоятельство, что в нашей группе участвуют представители крупнейшего английского частного капитала, взаимоотношения, с которыми построены на таких основаниях, что контрольный пакет общества, какого бы размера ни достиг затрачиваемый капитал, всегда остается в наших руках.

В связи с этим, вы имеете сообщить, что основанием метода покупки и сдачи имущества служат наши следующие положения:

§ 1. После телеграфного уведомления вашего о согласии правительства на предложения, изложенные вами и получения вами Опсиона, мы согласны внести немедленно в Константинополе, наличным депозитом 25% (двадцать пять процентов) от предварительной оценочной стоимости передаваемого нам имущества.

§ 2. Одновременно с этим, но не позднее как в десятидневный срок имеет прибыть в Севастополь наша комиссия для установления окончательных цен и условий.

§ 3. При осуществлении оценки, приемки и передачи нам обговоренного имущества наша комиссия имеет выполнить всю свою работу в кратчайший срок, но не более четырнадцати дней, в каковой срок представители правительства, с своей стороны имеют выполнить и закончить все формальности.

§ 4. Окончательный расчет по каждой принятой группе имущества производится в Константинополе по взаимно выработанному способу.

В дополнение к вышеизложенному имеем честь обратить ваше внимание на то обстоятельство, что емкость имущественного приобретения, в виду исключительных поставленных нашим обществом целей не ограничиваются никакими рамками.

С совершенным почтением
представитель финансовой группы *Борис Жданов.*

РЕЗОЛЮЦИИ:

«16 апреля. Ген. Вильчевскому, В.». *(Врангель).*

«Г. Вильчевскому. Срочно. Главком принципиально согласен. Прошу сегодня же доложить. *Г. Шатилов.*

№ 4.

Письмо Генерала Лукомского.

Глубокоуважаемый
Петр Николаевич!

Сейчас выяснилось, что Сергеев сделал представителям Акционерного Общества «Русский Коммерческий Флот» довольно странное предложение, изложенное в прилагаемой копии его предложения (для подписи представителям этого общества).

Кроме того выяснилось, что он считает, что акции образуемого общества могут свободно продаваться.

Таким образом, он хочет заручиться: 1) правом перепродажи того договора, который он заключит с правительством, и 2) правом перепродажи акций.

Другими словами—это пахнет плохо.

Кроме того, мне передавали, что Сергеев показывает некоторым лицам проект своего предложения, на котором рукой генерала Шатилова положена резолюция примерно следующего содержания: «Генерал «Врангель, принципиально согласен с основными положениями этого проекта. Провести надо срочно, дабы союзники не наложили рук на наш флот».

Не знаю, как это попало в руки Сергееву, но, то, что он некоторым показывает—доказывает, что могут узнать и те, коим это знать не надлежит, и может получиться скверная история.

Затем Сергеев подчеркивает, что он с Вами близко знаком и, что Вы ему вполне доверяете. Это носит характер некоторого давления на некоторые круги.

Насколько Вы, Ваше Превосходительство, знаете Сергеева и насколько он вообще заслуживает доверия.

Здесь его не знает никто, а он плохо знает Бийск, купцом коего числится, говорит, что больше работал в Германии и Петрограде и потому плохо знает тех, кто работает в Бийске.

Акц. Общ. «Рус. Комм. Флот», как видно из прилагаемого заявления, уже отказалось иметь дело с Сергеевым.

Прошу дать указания и разъяснить, насколько Сергеев заслуживает доверия.

Прошу принять уверение в глубоком уважении и преданности.

А. Лукомский.

Секретно.

№ 5.

Почто-телеграмма.

Константинополь. Представителю главнокомандующего вооруженными силами на юге России при союзном командовании в Константинополе.

При наличии в общем благоприятного отношения к русским Болгарского Правительства и населения нам все же приходится испытывать многие затруднения в отношении улучшения положения эвакуированных сюда воинов. Как только придется увеличить их число, затруднения будут сложнее и возрастут еще больше, когда начнем просить о предоставлении нам вывоза продовольствия, лошадей, военных материалов и прочего. Надо теперь же принять меры к удовлетворению практических соображений болгар к укрощению оппозиции и к привлечению прочных симпатий правительства. Если-бы могли вывезти в Болгарию имущество, которое нам ненужно, но которое могло-бы быть использовано с успехом в Болгарии, мы-бы сильно подняли настроение в нашу пользу.

Например, передача болгарам в аренду двух-трех пароходов, лишнего железнодорожного имущества, узкоколейных путей и разных полезных грузов сыграло бы, несомненно, большую роль. Представляю эти соображения на усмотрение Вашего Превосходительства. 3 мая 1920 г. София. № 730. Полковник.

Резолюции на почто-телеграмме:

«10/V. Г. Вильчевскому для руководства. Г. Шатилов».

«Гр. Канц. 1) В Совет предложение о передаче болгарам 2—3 пароходов. 2) Заключение. 20/V. Г.-л. Вильчевский».

«Отд. Морсил. 23/V. Г.-л. Вильчевский».

№ 6.

Доклад о создании „Славянского Ллойда".

Из всех союзных держав только Сербия, действительно, гостеприимно открыла свои границы и дала приют беженцам с Юга России и не только дала им возможность там поселиться, но оказала им широкую финансовую по-

мощь, путем установления льготного размена наших денег на динары.

В виду значительного количества беженцев, скопившихся благодаря этому в Сербии, свыше 10.000 человек, размен этот требует больших ассигнований, и за март месяц сербское правительство израсходовало на этот предмет свыше 4.500.000 динар, каковой расход в будущем должен еще повыситься, в виду прибытия в апреле новых транспортов беженцев и невозможности быстро подыскать для них работу и заработок. В апреле размен выразился в сумме 6.000.000 динар. Если принять во внимание, что весь доходный бюджет королевства, при весьма тяжелых новых налогах, исчисляется в 700.000.000 динар, то делается совершенно ясным, что Сербскому Правительству не под силу тратить свыше 10% своего дохода на содержание русских беженцев и неизбежным явится значительное сокращение этой помощи.

Между тем, в Сербии скопились главным образом, семьи лиц, служащих и по сие время в разных учреждениях и частях Главного Командования или семьи лиц и лица, служившие в этих учреждениях, временно оставшиеся за штатом, которых необходимо поддержать ибо при продвижении вперед они будут снова необходимыми.

Главное Командование не имеет в своем распоряжении достаточного количества иностранной валюты, для того, чтобы принять на свой счет расход по содержанию сербских беженцев и сделать этого, конечно, не может.

Точно также рассчитывать на получение валюты путем вывоза сырья невозможно, ибо, как количество наличного сырья в Крыму, так и возможность его вывоза ограничены и далеко не покрывают потребности чисто военного снабжения.

Поэтому необходимо изыскивать какие-то иные способы и источники, дабы не поставить наших беженцев в совершенно безвыходное положение.

Сербское правительство и сербские финансовые круги чрезвычайно заинтересованы в организации судоходства по Адриатическому морю. Они могли бы это сделать, обратившись к английским и французским капиталистам, но их пугает передать в кабалу иностранному капиталу дело, от которого зависит вся внешняя торговля. Что же касается русского капитала, то к нему они относятся с полным доверием и очень желали бы привлечь его к участию в этой организации.

Из переговоров с правительственными и общественными деятелями выяснилась возможность и желательность для них осуществления следующей схемы:

1) Главное Командование и Русские судовладельческия фирмы представляют некоторое количество судов.

2) Сербское Правительство и сербские финансовые группы вносят в качестве оборотного капитала сумму денег, равную стоимости предоставленных судов.

3) Образуется Акционерное Общество „Славянский Ллойд", в распоряжение которого поступают суда и деньги. Акции общества делятся пополам между Сербской и Русской группой, а в пределах каждой группы между ее участиками пропорционально внесенным деньгам или стоимости имущества.

4) Если будет признано нежелательным продавать русские суда обществу, хотя бы принадлежащему на половину Русскому Правительству и русским группам, но все-таки иностранному, то аналогичная комбинация может быть осуществлена путем передачи судов на льготных основаниях в аренду, при чем в таком случае договор, в зависимости от его льготности, подлежит оценке и сумма, которую внесет Сербская группа, определится этой оценкой.

Для решения вопроса возможно ли пойти навстречу пожеланиям Сербского Правительства, необходимо прежде всего выяснить—имеются ли для этого в наличии свободные суда. Конечно, суда нужны, как для обслуживания потребностей Главного Командования, так и на случай возможной эвакуации. Но, повидимому, далеко не все суда, принадлежащие Правительству и разным обществам, коих владельцем фактически является то же Правительство, могут быть использованы, отчасти по своему состоянию, отчасти по недостатку топлива, и во всяком случае сейчас значительная часть их стоит без дела по недостатку спроса на перевозки в пределах Черного моря.

Необходимо настаивать, чтобы контрольный пакет, т.-е. большинство акций, был в руках Главного Командования, дабы оно было хозяином дела. Нет сомнения, что Сербское Правительство должно будет на это согласиться.

Несомненно, что в случае эвакуации они понадобятся, но и при таких обстоятельствах, надо думать, многие из них будут неиспользованы по различным причинам, как-то: тот же недостаток топлива, недоразумения с командами, малая приспособленность для целей эвакуации и т. п.

Между тем для каботажного плавания в Адриатическом море они могли-бы быть использованы с успехом, особенно в виду наличия там некоторых хотя и незначительных

средств, а доход от их эксплоатации обеспечил-бы возможность продолжать помощь нашим беженцам.

Если на основании приведенных соображений будет признано возможным и желательным осуществить передачу некоторого количества судов, то необходимо с особой осторожностью обсудить возможные к этому препятствия.

В этом отношении возможны две опасности:

Первая:—хотя военное положение сейчас делается все более благоприятным, но всетаки нужно предвидеть случай эвакуации Крыма и лишения в этом случае Главного Командования функций и полномочий Правительства. Это же положение может возникнуть и без эвакуации Крыма, в случае признания союзниками Советского Правительства. Если это произойдет до сдачи судов Славянскому Ллойду, то сдача не осуществится, если произойдет после сдачи, то акции, поступившие в распоряжение Главного Командования, будут отобраны и беженцы в, Сербии опять останутся без помощи

Вторая:—Союзники, т. е. Франция и Англия, могут наложить на суда свою руку подобно тому, как они накладывают ее на денежные средства в Париже, Лондоне; особенно это может случиться в момент передачи судов, так как владение морским тоннажем дает в руки контроль над внешней торговлей, а к этому все стремятся.

Парировать эти возможности очень трудно, но, повидимому, можно сделать следующим образом:

1) Намеченные к передаче суда предварительно передаются группе частных лиц, персонально избранных Главным Командованием из числа лиц, пользующихся абсолютным доверием.

2) Передача эта производится или путем продажи на льготных основаниях, или сдачей в аренду, в зависимости какой способ будет намечен при последующей передаче судов Славянскому Ллойду.

3) Вышеуказанной группе поручается заключить надлежащие договоры и осуществить передачу судов Славянскому Ллойду на основаниях, кои будут разработаны и им преподаны Главным Командованием, при чем денежные суммы и акции, которые будут реализованы при передаче, юридически поступают в собственность группы.

4) Группа обязуется все получаемые деньги как при заключении договора, так и в качестве дивиденда передавать учреждениям, заведующим беженцами по указанию Главнокомандующего.

5) Группа обязуется давать отчет и исполнять приказания Главнокомандующего по отношению к переданному ей имуществу, независимо от могущих произойти политических перемен.

6) Во всяком случае группа обязуется сдать отчет и передать все деньги, акции и имущество будущему Русскому Правительству.

Нет сомнений, что Главное Командование может найти 2—5 лиц, заслуживающих полного доверия и поручить им эту операцию, благодаря которой наши беженцы в Сербии получат возможность существовать, не прибегая к христорадничеству, а их кормильцы получат возможность предоставить все свои силы в распоряжение Главного Командования.

Резолюции на докладе:

«Отд. Морепл. Прошу личный доклад 28/IV. Г.-л. Вильчевский».

№ 7.

Заключение инженера Силича по вопросу о создании „Славянского Ллойда".

Доклад по вопросу об образовании Славянского Ллойда".

Идея создания Славянского Ллойда с началом его действия у берегов Сербии, безусловно, заслуживает полного одобрения по следующим соображениям:

1) Из политических соображений крайне желательно упрочить Русское влияние в Сербии, которая сможет стать при определенных комбинациях оплотом антибольшевизма.

2) Организовавшийся в пределах Сербии Славянский Ллойд, став на твердую ногу, будет иметь возможность распространить свою деятельность на возрождающуюся Россию по упрочении государственного порядка.

3) По соображениям государственной экономии является необходимым создать фонд помощи укрывшимся в Сербии, как пострадавшим от военных действий, так и беженцам, освободив, таким образом, Государственное Казначейство от расходов.

Начальнику Управления Снабжений.

4) В частности участие России в создании того же Славянского Ллойда сократить проникание иностранных капиталов и влияние западных государств в славянских странах. В то же время значительное число русских судов не может быть использовано для обслуживания Крыма в настоящий момент по условиям разрухи: отсутствия угля и достаточного количества грузов и недостатка денег в Государственном Казначействе. Пароходные предприятия держат свои суда в заграничных водах для извлечения доходов или держат на привязи в портах без пользы. Увеличение морских перевозок в случае расширения тер-

ритории Главного Командования может последовать не ранее лета 1921 года, так как при полном расстройстве железнодорожного транспорта нельзя ожидать притока грузов к портам для экспорта до восстановления железнодорожного хозяйства. Заграничный импорт состоит в зависимости от вывоза сырья, которого в данный момент почти не извлечь. Между тем непроизводительный простой русских коммерческих судов, как принадлежащих казне (Добровольный флот, Русско-Дунайское пароходство), так и находящийся в чартере у казны, требует в настоящее время громадных расходов Государственного Казначейства. (Чартер «Херсона» исчисляется в 26.295.000 руб. в месяц, «Саратова»—18.913.000 руб. и т. д.).

По приведенным соображениям и по мотивам, изложенным в рассматриваемой записке, полагаю, что передача судов, состоящих в ведении Главного Командования, Славянскому Ллойду, если таковой будет организован, может быть допущена на условиях годичной аренды с правом продолжения договора. При этом необходимо выговорить обязательство распространить действия этого Ллойда на русские воды.

Из числа судов, находящихся в водах Черного моря, могли бы быть переданы: два или три парохода Добровольного флота малого тоннажа, пароходы Русско-Дунайского пароходства и часть призов Морского ведомства.

Точное выяснение судов, подлежащих передаче, может быть сделано по получении от инициаторов предложения данных о желательном размере судов и необходимом их числе. Выбор руководителей—вопрос, разрешаемый личным усмотрением Главнокомандующего, но, дабы исключить личную заинтересованность кого бы то ни было, не исключая и инициаторов, необходимо остановиться на лицах, имущественно заинтересованных в России.

Исп. д. Начальника Отдела Торговых Портов и Мореплавания инженер (подпись).

4-го мая 1920 года. № 805.

№ 8.

Доклад Инженера Чаева о реализации сверх-дредноута „МАРИЯ“.

17-го июля 1920 г.

ИНЖЕНЕР
С. Н. ЧАЕВ
г. Севастополь.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ
КОМАНДУЮЩЕМУ МОРСКИМИ СИЛАМИ ЧЕРНОГО МОРЯ.

Осведомившись о желании вашего превосходительства возможно скорее освободить Северный док от линейного корабля «Мария» и притом с возможно меньшими загратами казны, я счел своим долгом изучить весь вопрос с возможной полнотой.

При существующей постановке дела, при отсутствии надлежащих вспомогательных средств, при обычных в казне стеснениях в кредите, при отсутствии личной заинтересованности персонала и рабочих успешно вести работу совершенно невозможно. Только при полной свободе распоряжений, каковая возможна только при коммерческой постановке дела, «Марию» можно подготовить к переворачиванию и вывести из дока в три-четыре месяца со дня твердого и окончательного решения вопроса. Подсчитать теперь же в короткий срок, во что обойдется подготовка «Марии» к выводу, перевертыванию и разборке представляется трудным и почти невозможным как за краткостью срока, так и в виду особой сложности работ при многих неизвестных переменах.

Можно только с уверенностью сказать, что намечавшихся до сих пор сумм далеко не будет достаточно, и при неизбежной в таких задачах широте надо быть готовым истратить своевременно значительно более полутора миллиарда в рублях и нескольких десятков тысяч турецких лир.

Большая неопределенность в расчетах и огромный риск естественно подсказывают мне желание произвести работу на комиссионных началах.

Но, с другой стороны, сознание необходимости произвести работу быстро и верно заставляет искать способ получения полной экономической и административной независимости. Последнее возможно только, как полагаю, при условии вкладывания в дело своих крупных средств и при взятии риска на себя.

У Вашего Превосходительства, конечно, имеются свои соображения и потому выбор способа производства ра-

бот, естественно, принадлежит Вам, а потому позволю предложить два варианта:

Первый вариант:

1) Корабль выводится из дока не позднее трех с половиной месяцев со дня подписания соответственного договора.

2) По выводе из дока, корабль переворачивается и разбирается на части в срок, не позднее 9-ти месяцев.

3) Все работы производятся мною за свой счет.

4) Все получаемые от реализации валовые суммы как в иностранной, так и в русской валютах делятся между правительством и мною пополам.

5) Для реализации имущества и частей корабля разрешается свободный вывоз его за границу.

Второй вариант:

1) На работы открывается кредит в рублях и лирах согласно предварительных смет. Кредит расходуется способом по Вашему указанию.

2) Срок вывода из дока и полной разборки определяется по ходу отпуска кредита и в зависимости от порядка расходования кредита.

3) Все расходы производятся за счет казны, кроме содержания моей высшей администрации и агентуры за границей, каковые содержатся за мой счет.

4) На покрытие моих расходов и в уплату за труд уплачивается 14% с чистой выручки от продажи частей и корпуса «Марии».

В случае принципиального согласия Вашего Превосходительства и выбора способа производства работ, я немедленно представлю подробные условия и попрошу только возможно скорейшего решения, дабы я мог, не теряя времени выехать за границу как для исполнения возложенного на меня поручения по реализации портового имущества, так и для подготовки по данному делу, а именно организации капитала и закупки приспособлений.

Подписал С. Чаев.

Верно: За делопроизводителя (подпись).

В. срочное. Совершенно секретно.

Начальнику Управления Торговли и Промышленности.

Для ознакомления.

За управляющего делами Совета
при Главноком. (подпись).

Июля 19/I дня 1920 г. № 1462. Гор. Севастополь.

Экономическая политика белых.

Представители буржуазии, ее лакеи, когда заходит речь об экономическом развале России, о нашей всеобщей разрухе, всегда ссылаются на «коммунистические эксперименты», как на начало всей хозяйственных бед и несчастий. Волей истории Юг России, в частности Крым, в течение 1919—1920 годов стал сферой господства и влияний частной инициативы в области хозяйства. Силой помещичье-буржуазной диктатуры означенный район оказался отрезанным от Социалистической Федеративной Советской Республики. Здесь буржуазия стала «княжить и володеть», проводя свою испытанную экономическую политику. Представляется, поэтому, любопытным обозреть «творческую» деятельность класса, который, по мнению его ученых идеологов, имеет вековечную монополию на руководительство экономической жизни народов.

Промышленность.

Предварительно необходимо указать, хотя-бы в общих чертах, на положение главных отраслей промышленности в 1919 году, когда правительство генерала Деникина находилось в зените своего могущества, когда белые войска занимали всю Украину, а временами проникали далеко и на территорию Великороссии. Прежде всего, заслуживает внимания состояние Донецкого Бассейна: добыча угля крайне ничтожна в 1919 году. Угля не хватает даже для снабжения основного потребителя—железных дорог. Ничтожные размеры производства вынудили правительство Деникина, стоявшее в принципе за свободу торговли, прибегнуть к нормированию цен и установлению государственного распределения угля. С этого момента и возникает между правительством белых и торгово-промышленными организациями конфликт, продолжавшийся впоследствии в Крыму. Бюро горно-промышленников Юга

России требует объявления полной свободы торговли и уничтожения всякой регламентации. Не следует однако преувеличивать значение этого спора. Буржуазия прекрасно уживалась с правительством Деникина, которое всячески поощряло и покровительствовало частной инициативе. По старой царской традиции, правительство белых щедрой рукой выдает промышленникам субсидии.

Регламентация угольной промышленности проводилась через Главного Уполномоченного по Донецкому топливу А. В. Мономахова и Комитет по топливу (Комтоп). Характерно отметить, что, несмотря на регламентацию угля и ничтожность размеров добычи, промышленники ведут переговоры о вывозе угля за границу, где цены на уголь стояли очень высокие. В последний период хозяйничанья белых в Донецком бассейне правительство Деникина санкционирует вывоз за границу 10.000.000 пудов угля через порты Азовского и Черного морей. Вывоз этот не состоялся исключительно по независящим от белых обстоятельствам. Экспорт угля предполагался в Италию и Ближний Восток. Покровители частной инициативы ничего не имели против вывоза, хотя в то время железные дороги страдали от отсутствия угля, а Новороссийску приходилось снабжаться исключительно английским углем. [1]).

Аналогичная политика проводилась и по отношению к нефтяной промышленности в Грозненском и Майкопском районах. Размер добычи означенной промышленности был необычайно ничтожен. [2]).

Выплавка металлов за время деникинщины совершенно прекратилась. Металлургические заводы пускают в ход не доменные печи, а мартеновские. В связи с расстройством транспорта, является мысль об использовании паро-

---

[1]) Вывоз антрацита за границу был осуществлен фирмой „Донуголь" с которой вполне „зримыми" нитями были связаны предсовета донских министров Попов, главком донской армии Сидорин и др.

Антрацит был вывезен в Геную в обмен на итальянскую обувь и мануфактуру, и имел в Италии большой успех. Пошли разговоры не только о снабжении антрацитовых предприятий всеми техническими принадлежностями до железнодорожных включительно, но и о приобретении целого ряда лучших предприятий Донбасса итальянским консорциумом. Переговоры прекратились одновременно с переселением большинства прожектеров с русской территории на Халки и другие острова Мраморного моря.

[2]) Майкопская нефть полностью была в руках англичан уже с первых шагов Деникина.

возостроительных заводов для ремонта паровозов и использовании для технических целей металлургических заводов. Но вопрос о ремонте не нашел своего разрешения во время существования добровольческой армии, и выпуск ремонтируемых паровозов фактически прекращается[1]).

Еще хуже обстоит дело с промышленностью в Крыму. Крым, как местность дачная, всегда обладал ничтожной промышленностью. Правительством белых было сделано все, от него зависящее, для разрушения этой промышленности. Данные о состоянии Крымской промышленности в 1920 году имеются в архивных материалах Отдела Управления Торговли и Промышленности в виде анкеты по промышленным предприятиям, произведенной в июле. Анкета охватывает всего 32 предприятия с количеством рабочих в 2663 чел. Из них:

Свыше	100	рабочих—	6	предприятий
„	50	„	9	„
„	25	„	5	„

В остальных предприятиях количество рабочих колеблется от 18—22. Опросу подверглись, главным образом, табачные фабрики и заводы, вырабатывающие сельско-хозяйственные машины и двигатели. Из анкеты видно, что подавляющее большинство предприятий работает либо на оборону, либо на правительственные органы продовольствия. Известная часть предприятий работает лишь отдельными цехами, другие, хотя и работают полностью, но все же производительность их по сравнению с 1919 годом сокращена на 75—85%%. Причины сокращения производительности сводятся по анкете к следующему: отсутствие топлива, нефти, керосина, дров, сырья, квалифицированных рабочих. Приведем несколько примеров.

Владельцы машиностроительного завода Лангемана в Сарабузе в своем ответе пишут, что на заводе работает

---

[1]) Ремонт ж.-д. подвижного состава средствами промышленников для их пользования этим составом был в принципе разрешен, но никаких реальных результатов не дал, т. к. пресловутая „частная инициатива“ в этом вопросе тотчас приняла крайне уродливые формы. Вместо „ремонта“ предприниматели занялись собиранием для своих нужд вполне исправного имущества, которое за соответствующую мзду, с ведома и попустительства правящих кругов, материально заинтересованных в этом вопросе, относилось к категории „требующего ремонта“ Таким путем были созданы два маршрута фирмой Донуголь и целым рядом других—поменьше. *Примечания Редакции.*

всего 22 человека. До войны работало—300 человек, во время войны свыше 500. Владельцы жалуются на отсутствие сортового железа. Владельцы табачной фабрики Месаксуди сообщают, что фабрика, вместо обычных 7.000 пудов табаку в месяц, вырабатывает 1200—1700 пудов. Отсутствует топливо и, главное, листовой табак. Владельцы завода «Крымское машиностроение» в Симферополе пишут, что завод их работает исключительно на оборону. Вырабатывает части танков и ремонтирует броневые автомобили. Производительность крайне низкая, по причине отсутствия ломового и сортового железа.

Нельзя не указать при этом, что листовой табак, ломовое и сортовое железо вывозились в больших количествах из Крыма за границу, о чем красноречиво свидетельствуют данные об экспорте. Ломовое железо находилось в значительных количествах во всех портах Крыма, и правительство Врангеля спекулировало им, приобретая за него валюту.

Некоторые предприятия жаловались на реквизиции. Завод сельско-хозяйственных машин и орудий Мильруда в Евпатории реквизирован Донским Корпусом для изготовления варочных котлов и походных кухонь. Благодаря ходатайству земства, реквизиция в июне снимается, но заводу поставлено требование посвящать две трети производства исполнению военных заказов,—изготовлению казацких пик.

Пользовавшаяся особым покровительством кожевенная промышленность влачила жалкое существование. Кожевенных заводов в Крыму в 1920 году насчитывалось 25—30, среди них технически хорошо оборудованных—немного. Производительность этих предприятий по минимальным расчетам превышает 100 тысяч кож крупного сырья, не считая мелкого. Сырьевых рессурсов для кожевенных заводов в Крыму было вполне достаточно. Правительство генерала Врангеля не скупилось и выдавало кожевникам значительные субсидии. На закупку экстракта заводчики получили 120.000.000 рублей, на организацию сбора коры и сумаха—30.000.000 рублей, на закупку жиров и материалов—50.000.000 рублей. Однако, несмотря на покровительство, кожевники вместо предполагавшихся 9000 кож в месяц—давали только 2000. Контрольные комиссии, Совещания и угрозы—не помогли. Кожевенная промышленность захирела.

Еще более любопытную картину представляет состояние соляной промышленности за время врангелевщины. При

уходе Советской власти из Крыма, в 1919 году в буграх Евпаторийского района осталось 18.000.000 пудов соли.

Добыто в 1919 году		2.000.000 пуд.
„ 1920 „		1.600.000 пуд.
Итого		3.600.000 пуд.

Между тем соляные промыслы Евпаторийского района при самой плохой эксплоатации должны были дать урожай минимум в 4.000.000 пуд. ежегодно. За два года, таким образом, должно было быть добыто при самых тяжелых условиях не менее 8.000.000 пудов, а на самом деле добыто меньше половины минимума, и то не средствами промышленников.

В 1919 году, за время краткого пребывания Советской власти Евпаторийский Усовнархоз привел в образцовый порядок почти все промыслы. До ухода Советской власти (июнь 1919 года) почти все бассейны были подготовлены к выволочке, оставалось согреть раны солнцем и произвести выволочку. Последнее хотя и сделано было промышленниками, но не полностью. Одни испугались дорогих цен на рабочие руки, другие нашли более выгодным заниматься легкой спекуляцией.

Что касается добычи 1920 года, то из 1.600.000 пудов выволочки, на долю сакского промысла, перешедшего к новому субарендатору, Днепрсоюзу, приходится 1.000.000 пудов. Остальные арендаторы 30-ти слишком промыслов выволокли всего 600.000 пудов.

Если что и было сделано в области соляной промышленности белыми, то исключительно в направлении разрушения промысла; так: правительством генерала Врангеля на многих участках были сняты подъездные пути, для постройки бешуйской линии.

Обзор состояния промышленности в Крыму в 20 году будет неполным, если не упомянуть еще о расцвете прожектерства в области промышленного строительства. Управление Торговли и Промышленности генерала Врангеля было засыпано дождем эфемерных проектов создания самых разнообразных промышленных предприятий. Тут проект создания и сахарно-рафинадного завода, и суконных фабрик, и ряда кожевенных, мыловаренных, салотопенных и химических заводов. Все эти проекты преследуют одну и ту же цель—получение субсидий. На-ряду с ходатайством о правительственной субсидии, неизменно возбуждается ходатайство о выдаче разрешения на вывоз

без валютного отчисления известного количества сырья, главным образом зерна, для приобретения за границей предметов оборудования соответствующего предприятия.

Авансы кое-кто получал, но ни одно сколько-нибудь значительное предприятие на территории Крыма не возникло. Возникло лишь несколько предприятий чисто кустарного типа на средства мелких предпринимателей, да и то в условиях, когда не требовалось почти никакого заграничного оборудования для этих предприятий. В эпоху этого бумажного грюндерства с соответствующими проектами выступали и заграничные предприниматели, обычно в компании с русскими промышленниками. Проекты в таких случаях носили еще более дутый характер. К числу подобных начинаний нужно отнести выдвинутый некоей русско-американской группой проект осуществления южнобережной железнодорожной линии, устройства на Южном берегу городов-курортов.

Все эти факты прежде всего свидетельствуют о том, что буржуазия в условиях хозяйственной разрухи, наступившей в течение мировой и гражданской войн, играет роль чисто паразитическую, перенося центр своего внимания из области производства в торговлю, сулящую ей при данной конъюнктуре большие барыши. Кроме того, распределение скудных запасов сырья через частный торговый аппарат лишает этот процесс целесообразности и планомерности, необходимых в условиях хозяйственного кризиса.

Правительства Врангеля и Деникина в своей погоне за валютой форсировали вывоз ценного сырья и, кроме того, всей своей финансово-экономической политикой усугубляли разруху и без того жалкой промышленности Крыма.

Торговля.

В области торговли, за время хозяйничанья белых, существовало большое оживление. Можно сказать, что капитал весь устремился в торговлю. И существовавшие торгово-промышленные предприятия, и банка, и даже само правительство занимались торговыми операциями.

Необходимо однако отметить, что внутренняя торговля в период врангелевщины была очень слабо развита. Передвижение товаров внутри Крыма доходило до минимума. Причин, обусловливавших данное явление, было много. Тут и расстройство транспорта и подводная повинность,

подорвавшая значительно гужевой транспорт. Большую роль сыграли в этом отношении революционные отряды зеленых, производившие систематические нападения на товарные транспорты и сделавшие не безопасным передвижение не только по шоссейным, но и по железным дорогам. Правительство Врангеля тратило очень много энергии на борьбу с зелеными, но последние были почти неуловимы, силы их увеличивались систематически после каждой мобилизации, объявленной белыми. Местное население, в особенности татарская беднота, оказывали всяческое содействие революционным отрядам.

Внутреннюю торговлю парализовала также в известной мере противоречивая политика белогвардейского правительства, отсутствие в этом отношении какой-либо твердо продуманной системы. Правительство то объявляло внутреннюю торговлю совершенно свободной, то вводило, так называемую, разрешительную систему. Вывоз товаров каботажем все время регулировался разрешительной системой.

С другой стороны, агенты и власти на местах не обнаружили достаточно творчества по части контролирования внутренней торговли. Контроль являлся для них источником дохода и давал возможность урвать у спекулянтов солидную часть барышей.

Зато в области внешней торговли замечается большое оживление. В Крыму в 1920 году возникает ряд экспортно-импортных обществ, ставящих своей целью создание тесной связи с европейским рынком, в целях налажения внешнего товарообмена.

Естественные условия Крыма определяли, само собою разумеется, как экспорт, так и импорт. Крым располагал определенными запасами доступного к вывозу сырья в виде зерна, соли, вина, табаку, фруктов. С занятием Северной Таврии, запас зерна, доступного вывозу, весьма значительно увеличился.

Все экспортеры, равно как и правительство, в своих экспортных операциях преследовали одну цель—*получение как можно большего количества иностранной валюты*, которая, в виду обесценения русского рубля, чрезвычайно высоко котировалась в Крыму.

Необходимо указать при этом, что правительство Врангеля не достаточно финансировалось союзниками для приобретения им предметов воинского снаряжения. Оно нуждалось в значительном валютном фонде. Так как получение валюты могло быть обеспечено исключительно пу-

тем вывоза за границу имевшегося в большом количестве сырья, то правительство пришло к мысли об установлении хлебно-вывозной монополии. Монополия эта была установлена в августе, заключалась она в общих чертах в том, что правительство закупало через частный торговый аппарат хлеб, при чем 80% закупки оно оплачивало по твердой, обусловленной договором цене, остальные же 20% скупаемого хлеба оплачивались предпринимателями, на обязанности которых лежало свезти и погрузить все 100% хлеба на судно, фрахтуемое также частными предпринимателями, на условиях свободного договора. Правительственная твердая цена включала в себя все расходы по закупке, подвозу и погрузке хлеба на суда. За эти услуги правительство гарантировало предпринимателям оплату 20%, вырученных за все погруженное количество зерна, иностранной валютой.

Хлебные рессурсы некоторых районов Крыма, особенно тяготеющих к портам, оказались скоро исчерпанными форсированным экспортом (доклад главного уполномоченного по продовольствию за июль 1920 года).

Благодаря блестящему урожаю 1919 года, в Северной Таврии имелся значительный избыток зерна. Валовой сбор пшеницы и ржи в 1919 году определяется для Северной Таврии в 80 миллионов пудов, ячменя и овса—60 миллионов пудов.

За вычетом из валового сбора расходов по обсеменению полей. продовольствования местного населения и прокорма скота, избыток хлеба от урожая 1919 года исчислялся приблизительно в 50 миллионов пудов и зерно-фуража в 50 миллионов.

Эти-то рессурсы хлеба и зерно-фуража и привлекли главное внимание частно-торгового капитала и правительства Врангеля. Производилась закупка хлеба в Северной Таврии в таком порядке: В виду существования хлебной вывозной монополии, закупка была поручена целой серии правительственных органов, которые передали закупку мелким маклерам-спекулянтам, в редких случаях кооперативам.

Так как частно-торговый аппарат работал на средства казны, без риска, то он совершенно не считался с поднятием цен.

Главная его цель заключалась в быстрейшем выколачивании из деревни хлеба. В рапорте командующему 1-й армией штаба—офицером, которому было поручено рас-

следование причин поднятие цен на хлебные продукты, положение хлебной торговли обрисовано следующим образом.

„Мелкие агенты, получившие от правительственных организаций и закупочных комиссий доверенность и деньги, кое-что сдают этим организациям, а на остальные деньги спекулируют, не без ведома этих же организаций. При закупке хлебных продуктов были установлены цены предельные (секретные), твердые и справочные, но эти цены были не для всех обязательны.

Кроме того, разница между предельными и твердыми ценами была очень велика. В виду существования конкуренции между скупщиками при скупке ими без риска, разница эта ими уравнивалась очень быстро, зачастую покупка производилась по ценам выше предельных, в надежде на скорое их помещение“.

Эти агенты, несмотря на существование монополии сами вывозили за границу хлеб.

Обмен производился на условиях частичного товарообмена, например: за пуд хлеба платили в Северной Таврии в сентябре 10 фунтов керосина и 2000 рублей деньгами. Так как керосин на рынке расценивался по 2000 рублей за фунт, то цена пуда хлеба фактически равнялась 22.000 рублям. Еще в большей мере хлебная вакханалия разыгралась в конце сентября, когда по распоряжению Врангеля контр-агентам управления торговли было разрешено производить в порядке неограниченного товарообмена без стеснения в ценах закупку хлебных продуктов.

На разыгравшуюся свисто-пляску в области торговли хлебом указывал Аладинский крестьянский кулацкий союз, но на его доклад барон Врангель наложил следующую резолюцию: «Считаю тон подобных записок неприличным и предлагаю впредь не беспокоить. Врангель».

Ввоз и вывоз в 1920 году.

Общая картина вывоза с 1 февраля по 1 сентября 1920 года такова:

Ячмень (отчасти овес и пшеница) около		. .	3.000.009 пуд.
Соль	„	. .	830.000 пуд.
Льняное семя	„	110	120 тыс. пуд.
Табак	„	. .	120.000 пуд.
Шерсть	„	. .	63.000 пуд.

Вывоз остального сырья был незначителен. Что касается картины вывоза по месяцам, то дело обстояло следующим образом:

Вывоз из пределов Крыма с 1-го февраля по 1-е сент. 1920 г.

Наименование предметов вывоза	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август
	П у д о в.						
Ячмень	106.092	130.667	18.000	216.542	205.839	864.048	315.645
Овес	—	—	--	—	47.970	11.150	8.000
Пшеница	—	2.945	—	5.000	500	—	4.100
Льняное семя	34.326	9.400	—	1.700	65.298	100	3.250
Шерсть	15.710	—	1.981	8.237	14.765	15.256	7.011
Табак	73.395	6.826	3.214	23.875	—	6.087	5.600
Соль	500	103.000	275.503	135.946	157.698	57.987	—

В настоящей таблице не указан вывоз через порты Северной Таврии заготовленного там в порядке «нормальных договоров», выразившийся по данным от 11 сентября в 800.000 пудов.

Резкое падение цифр вывоза приходится констатировать в апреле и августе. Объясняется это тем обстоятельством, что в означенные месяцы происходит изменение порядка вывоза. В феврале и отчасти в марте замечается ослабление действий экспортных правил и работ так называемых экспортных комиссий. Добровольческая власть подготовляет эвакуацию Крыма и, в связи с этим, всячески форсирует экспорт. В августе же происходит коренной перелом в условиях вывоза хлеба и фуража, благодаря установлению пресловутой хлебно-вывозной монополии. В августе и сентябре происходят крупные заготовки хлеба на местах контр-агентами управления торговли и промышленности. Вывоз, благодаря указанной причине, естественно падает.

Что касается соли, то вывоз ее совершенно ничтожен по отношению к тем запасам, которые имелись на территории Крыма. Объясняется это установлением 50 сантимной пошлины с пуда вывозимой соли, которая вытеснила

крымскую соль совершенно из рынков Ближнего Востока, куда она обыкновенно экспортировалась.

Необходимо указать, что приводимые нами цифры не могут считаться точными, в виду того хаоса, который царил в области экспорта и импорта за 1920 год. Прежде всего надо отметить, что зачастую грузы, значащиеся как вывезенные каботажем, на самом деле довольно часто попадали за границу. Желая избавиться от валютных отчислений, взимавшихся с экспортных товаров, экспортеры вступали в соглашение с владельцами пароходов, которые по выходе в море направляли свои суда в Константинополь, Варну и другие заграничные порты. В своих объяснениях по этому поводу капитаны пароходов приписывали изменение маршрутов игре стихии,—бурям, штормам, авариям. Дело дошло до того, что власть поручила сторожевым судам следить за пароходами, чтобы последние не изменяли маршрутов. Были возбуждены судебные дела против некоторых капитанов, но все это ни к чему не привело. Контрабандный вывоз и вообще обход экспортных правил продолжался в течение всего 1920 года.

Помимо того, Управление Торговли и Промышленности жонглировало статистическими данными. Приведенная нами таблица представляет собою справку, выданную великобританскому консульству. Цифры эти не сходятся с данными других таблиц, составленных Управлением для внутреннего обращения. Чтобы полнее обрисовать изменение экспортной политики в зависимости от военного положения белогвардейцев, приведем секретный приказ генерала Шиллинга от 17 декабря 1919 года, изданный в Одессе и действовавший в Крыму в начале 1920 года.

„К выпуску частного сырья за границу приказываю препятствий не чинить, на условиях получения на право вывоза определенного количества валюты, каковая должна вносится в Константинополе и других городах, имеющих агентов Управления Торговли и Промышленности на специальный текущий счет".

На практике все сводилось к тому, что всем желающим, готовым подписать установленную формулу подписки, давались разрешения в любом количестве, без всякой гарантии обратного ввоза. Никто к этим подпискам серьезно не относился, и не учитывалась действительная необходимость выплатить установленное валютой отчисление.

Дело дошло до того, что таможня заявила главному уполномоченному Управления Торговли и Промышленности

Зайцеву, что она отказывается от наблюдения за исполнением требований приказа о выписке коноссаментов на адрес утомпрода.

* * *

Картину ввоза можно себе уяснить из следующей та-

Ввоз товаров в порты Крыма и Геническ

		Январь		Февраль		Март	
		Пуд.	Ф.	Пуд.	Ф.	Пуд.	Ф.
I гр. Жизненные припасы.	1. Продов., жиры	—	—	—	—	1	08
	2. Слад., пряп., напитки и проч.	4313	15	3849	22	3579	09
	3. Сахар	1166	16	—	06	—	14
	4. Сахарин	—	—	—	—	—	—
	5. Чай	2	27	1045	09	6222	24
	6. Проч. прод. прод,	2051	17	—	32	2	37
	Итого	7534	35	4895	29	9806	12
II гр. Металлы и изделия из них.	1. С.-х. машин и оруд.	—	—	—	—	—	—
	2. Пр. мет. и изд.	10	09	—	—	119	07
	Итого	10	09	—	—	119	07
III гр. Писчебумажн. товары и произведения печати.	—	147	11	—	09	—	—
IV гр. Прядильные материалы и изделия из них.	1. Мануфактура	1222	06	5	20	24	04
	2. Пред. одеян.	3	06	—	12	1	16
	3. Пряжа, нитки, сети, мешки и пр. издел. пряжи.	741	23	18	02	256	11
	Итого	1966	35	23	34	281	31

блицы статистической части Отдела Торговли и Промышленности. В таблице показано количество грузов, прибывших из-за границы и выпущенных таможней на внутренний рынок за время с 1 января по 1 сентября 1920 года, по данным Отдела таможенных сборов Управления Финансов.

с 1-го января по 1-е сентября 1920 г.

Апрель		Май		Июнь		Июль		Август		ИТОГО	
Пуд.	Ф.	Пуд.	Ф.	Пуд.	Ф.	Пуд.	Ф.	Пуд.	Ф.	Пуды	Ф.
501	13	1542	20	2060	25	872	24	1146	23	6124	33
7526	22	12404	02	25239	17	15366	01	7952	30	80230	38
859	07	9230	03	25595	38	14812	13	3505	15	75169	32
—	—	3	31	6	27	103	33	15	14	129	25
669	10	5	—	345	14	25	37	2918	07	11234	08
14860	10	9314	35	31989	26	17366	34	1021	06	76607	37
24416	22	32500	11	85237	27	48547	22	16559	15	249297	13
—	—	2034	12	798	24	1351	33	2626	15	6811	04
1062	37	505	16	2134	39	5569	09	4191	11	13593	08
1062	37	2539	28	2933	23	6921	02	6817	26	20404	12
544	03	4416	29	7000	28	7783	29	7214	30	27107	29
990	04	7387	38	15443	31	16892	20	10089	14	52055	17
6	22	639	17	4678	36	910	01	551	38	6791	28
618	21	1126	23	4763	13	5936	27	1845	08	15306	08
1615	07	9153	38	24886	—	23739	08	12486	20	74153	13

Ввоз товаров в порты Крыма и Геническ

		Январь		Февраль		Март	
		Пуд.	Ф.	Пуд.	Ф.	Пуд.	Ф.
V гр. Материалы и продукты химического производства.	—	453	27	—	05	—	—
VI гр. Топливо (растит. и минеральн.)	—	34813	27	—	—	6222	24
VII гр. Кожи, изделия из нее и обувь всякая.	—	1259	13	44	06	10	09
VIII гр. Прочие товары, не вошедшие в предыдущие группы.	—	234	34	921	37	5	—
	Всего	46420	31	5885	—	16445	03
Ввоз минеральн. топлива (твердого и жидкого) и смазочных материалов, по данным Отдела горного и топлива.	Жидкое	—	—	89000	—	—	—
	Смаз. мат.	—	—	—	—	—	—
	Каменный уголь . . .	—	—	72500	—	—	—

К указанной таблице необходимо сделать следующее замечание. В ней отсутствуют грузы, относимые к категории военных. Они ускользают от учета таможень. *По своему количеству военные грузы превышают все остальные.* Так по данным Отдела горного топлива, за отчетный период только им одним ввезено топлива и смазочных масл около

с 1-го января по 1-е сентября 1920 г.

Апрель		Май		Июнь		Июль		Август		ИТОГО.	
Пуд.	Ф.	Пуд.	Ф.	Пуд.	Ф.	Пуд.	Ф.	Пуд.	Ф.	Пуд.	Ф.
527	24	12417	16	13105	23	10411	25	4933	19	41849	19
72	29	5207	20	14336	24	56058	—	71239	09	187950	13
108	17	554	16	3295	19	2935	06	1137	—	9344	06
732	38	3711	08	12839	33	22727	37	19768	35	60942	22
29080	17	70501	06	163635	17	179124	19	140156	34	671049	07
101130	38	33547	25	106351	35	3189	18	30436	28	363656	24
—	—	10907	—	3341	30	1992	35	8591	21	24833	06
474343	—	852676	—	1056792	—	263051	—	1252835	—	3972197	—
								Всего . .		4360686	30

4½ миллионов пудов, т.-е., в семь раз больше, чем всех остальных грузов.

Самую главную роль в импорте 1920 года играют жизненные припасы. За ними следуют растительное и минеральное топливо, третье место занимают прядильные материалы и изделия из них, четвертое место прочие группы,

последнее место в ввозе, занимает 7 группа (кожи, изделия из них в всякая обувь). Здесь необходимо иметь в виду, что в Крыму имелась своя довольно солидная кожевенная промышленность, а по сему ничтожность размеров импорта означенных товаров не играет существенной роли. Последнее место на самом деле занимает ввоз металлов и изделий из них (вторая группа), другими словами— ввоз орудий производства, необходимых в сельском хозяйстве, единственная отрасль производства, игравшая видную роль в Крыму. Как известно, в русском импорте главная роль всегда отводилась машинам и фабрикатам.

По месяцам ввоз особенно значителен в июне. Это обстоятельство находит себе объяснение в указанной выше причине: канун объявления и момент установления хлебно-вывозной монополии должны были ознаменоваться понижением ввоза, в виду того, что импортеры не могли рассчитывать на компенсацию.

Как известно, в течение всего 1920 года торговая практика в Крыму выдвигала на роль денег тот или иной товар. Тут роль денег последовательно играли табак, вино, шерсть и, наконец, в последние месяцы хозяйничанья Врангеля роль денег играл ячмень. При подобных условиях все выгоды от внешней торговли доставались тем, кто вел ее в натуральной форме. Для иллюстрации приведем справку из Вестника Таврической агентуры сельск. союза (№ 1, октябрь, 1920 г.). Приблизительно в начале октября стоимость пуда ячменя равнялась одной турецкой лире—20.000 рублей врангелевских денег. Цена пуда ячменя в портах Южного берега 5—7 тысяч рублей, в Черноморских и Азовских портах — 1700—2000 рублей. Местный экспортер часто обменивал пуд сахарного песку на 17 пудов ячменя в Черноморском порту. Между тем при обмене в деревне крестьяне давали 34 пуда ячменя.

Излишек прибыли экспортеры таким образом получали за счет деревни. Размер барышей равнялся 400.000%. И чем более падал курс врангелевского рубля, тем выгоднее становилась торговля.

Спекуляция и мнимая борьба с ней.

Непрерывный рост цен, вызванный главным образом систематическим падением курса врангелевского рубля, равно как и ограниченность предложений при товарном голоде, создали благоприятную почву для спекуляции. Товары, привезенные из-за границы, переходили из рук в

руки, от одних торговцев к другим. От таможни до потребителя товар переходил через десятки посредников, из которых каждый получал прибыль по указанным выше размерам.

Сознание неминуемости вздорожания товаров побуждало торговцев задерживать выпуск их на рынок, дабы получать повышенную прибыль.

Страдали от этого главным образом рабочие, городская и деревенская беднота. Временами дело доходило до волнений, в результате которых власть вынуждена была делать вид, что она готова бороться и с торговцами, и с банками. В наиболее острые моменты, когда цены делали слишком резкие скачки вверх, гражданские и военные власти созывали специальное совещание по борьбе со спекуляцией. Этой же задачей должна была заниматься специально организованная при Врангеле комиссия по выработке мер по борьбе с искусственным взвинчиванием цен, сокрытием товаров и прочими разновидностями спекуляции.

В смысле издания приказов по борьбе с указанным злом, правительство Деникина и правительство Врангеля проявили большое усердие.

4-го ноября 1919 года Деникиным был издан грозный временный закон об уголовной ответственности за спекуляцию.

Согласно статье 2-й этого закона, «виновные в спекуляции предметами продовольствия или иной общей необходимой потребности, или материалов, служащих для их изготовления, подвергаются: лишению всех прав состояния и смертной казни, или ссылке на каторжные работы на время от 4—20 лет, и, сверх того, денежному взысканию в 250.000 рублей. Вместе с тем, принадлежащие осужденному товары и материалы, бывшие предметами спекуляции, — конфискуются».

Дела указанного характера были изъяты из общей подсудности и переданы военным судам. Закон обещает частным и должностным лицам за обнаружение спекулятивных сделок вознаграждение в размере 5% стоимости конфискованных у осужденных товаров.

В начале 20 года севастопольский градоначальник, гегенерал Турбин объявил, что закон 4-го ноября не достигает цели и издал постановление о наложении наказания на спекулянтов в административном порядке. В целях привлечения населения к участию в этой борьбе, лицам, обнаружившим спекуляцию, обещано вознаграждение в 10% стоимости конфискованных товаров.

Впоследствии размер вознаграждения был увеличен до 50%.

Врангель, в свою очередь, издал ряд аналогичных приказов.

Отдельные администраторы, равно как и городские управы, кроме того, в борьбе со спекуляцией применяли таксирование предметов продовольствия. И все же ничто не помогло, спекуляция процветала во-всю.

Практика знает ряд процессов против спекулянтов мелкого пошиба, против мелюзги. Приведем несколько примеров:

31 августа в Симферопольском окружном военном суде судились четыре человека за сокрытие 12 пудов сала, с целью продажи их по повышенной цене. Все четверо были приговорены к ссылке на каторжные работы сроком на 4 года каждый и взысканию по 150.000 рублей. Стоимость сала равнялась 782.650 рублям.

1-го сентября в Симферополе же слушалось дело крестьянина Кючкина по обвинению в продаже сыра по 700 рублей за фунт 27-го мая тогда, как цена на рынке была—500 рублей за фунт. Приговор—4 года каторжных работ и денежное взыскание в 100.000 рублей.

21 августа—дело крестьянина Берзина: продажа сахара по разным ценам в один и тот же день, по 2.200 и по 2.400 рублей за фунт. Приговор—2 года 8 месяцев каторжных работ и денежное взыскание.

29 августа обвинялся некий Коломийцев в покупке свинины по 11.300 рублей за пуд (цена тогда была 10.000 рублей). Приговор—4 года каторжных работ и штраф.

В этот же день судились обыкновенные уличные торговцы за повышение цен на щавель с 400 до 500 рублей и на молоко с 200 до 220 рублей. Приговор все тот же суровый—4 года каторги и денежное взыскание.

Приведенные дела типичны. Почти все газетные сообщения о судебных процессах, возбужденных против спекулянтов, носят аналогичный характер. Белогвардейское правительство обрушивало свой карающий меч на головы несчастной мелюзги, занимавшейся уличной торговлей и оставляло в покое спекулянтов крупного калибра.

Между тем, спекуляция во время врангелевщины носила массовый характер. Спекулировали купцы, банки, офицеры, солдаты, сестры милосердия и фельдшера. В одном из приказов указывается, что некоторые сестры милосердия и фельдшера спекулируют медикаментами. Об офицерах и солдатах другой приказ говорит: «Офицеры и солдаты занимаются спекуляцией, перевозя для продажи продоволь-

ственные и другие предметы из одного пункта в другой, пользуясь для сего полученными по бесплатным требованиям подводами».

Спекулировали и журналисты, и государственные деятели, и даже епархиальные ведомства. Вместе с тем, дел, возбужденных за спекуляцию против военных лиц и крупных спекулянтов—почти нет. Из немногочисленных дел, возбужденных против «пиратов от торговли», приведем наиболее типичные.

Дело представителя общества «Восток»—Сироткина, скрывшего в складах Славянского национального банка, с целью повышения цены, 100 мешков сахару, 257 ящиков мыла, 1.200 штук топоров, 1.000 штук столярных пил и 500 комплектов белья. Дело это было прекращено, хотя товар конфискован.

Ревизия, назначенная кредитной частью Управления Финансов, установила наличность спекуляции валютой в русском для внешней торговли банке на огромные суммы. Резолюция начальника кредитной части Сувчинского такова: «Принимая во внимание наличность спекуляции во всех банках, делопроизводства прекратить». Бернадский—министр финансов—санкционировал предложение Сувчинского.

Сам Бернадский состоял членом франко-русского общества, получившего от правительства генерала Врангеля аванс в 12 миллионов франков. В этом обществе принимали участие столпы российской буржуазии: Каменко, Вышнеградский, Пряткин, Смирнов, Тикстон, Дерюжинский, Третьяков и другие. Означенное общество спекулировало во-всю, что выяснилось в конце сентября,—для правительства генерала Врангеля. Бернадскому, в связи с этим делом, было предложено подать в отставку.

Очень близкое участие принимал в делах акционерного общества «Хлеб» сам Кривошеин. Означенное общество на местах всячески боролось с агентами Отдела продовольствия, которые вынуждены были делать заготовки по твердым ценам, вследствие чего пытались несколько ограничить в возможностях, частных торговцев, путем реквизиции в портах-амбарах по нарядам Отдела продовольствия.

Высокий покровитель и участник общества «Хлеб» принял сторону акционерного общества и приструнил уполномоченных по продовольствию.

Еще более рельефно выступает в этом вопросе подлинное лицо буржуазно-помещичьей власти при обзоре банковской политики управления Финансов. А так как этот вопрос

связан с финансовой политикой правительства Врангеля, то предварительно необходимо сделать обзор состояния финансов в Крыму в 1920 году.

Финансы.

То обстоятельство, что союзники отказались финансировать правительство ген. Врангеля, предопределяло заранее финансовое положение вооруженных сил на Юге России. У последнего белогвардейского правительства были весьма ограниченные возможности для получения денег: 1) налоги, 2) печатный станок.

Что касается обложения, то правительство Врангеля в полном соответствии с своей классовой природой, выдвинуло на первый план косвенное обложение. Обложены были: спиртные напитки, вино, табак, сахар, чай, кофе и безалкогольные напитки. Ставки акцизов были подняты в 300—4.000 раз выше против ставок 1917 года.

Прогрессивный подоходный налог взимался в размерах анекдотических. Для иллюстрации сказанного позволим себе привести следующую газетную заметку, заимствованную нами из белогвардейского официоза «Таврический Голос» (№ 347 от 13 октября):

„Анекдотический налог".

„Сейчас чиновники податной инспекции производят сбор с граждан сумм прогрессивного налога. Суммы эти, поистине, анекдотичны: 59 руб. 29 коп., 73 руб. 15 коп. и все в таком же роде. Для сбора этих не грошей, а чего-то такого, чему имени даже нет, держится и оплачивается штат служащих, выдается квитанция, стоимость которой выше всех выписываемых в ней сумм. Словом, работает канцелярская машина. Многие и не оплачивают налог, по той простой причине, что не могут разыскать мелких денег—58 руб. 28 коп.

Профессор Гензель выработал проект об обложении прироста ценностей, но он был отвергнут Бернадским, начальником Управления Финансов. Зато таможенные сборы, по отношению к прежним ставкам, были повышены; сперва в 100, а затем в 1000 раз. Принесли они правительству Врангеля очень немного: за 1920 год всех таможенных сборов поступило около 550 миллионов, цифра жалкая и совершенно ничтожная, если принять во внимание курс врангелевского рубля.

Управление финансов пыталось установить монополию на соль, табак, виноградное вино и др. Соляная монополия

даже была установлена, но уже перед самой кончиной правительства Врангеля, так что о ней и говорить не приходится. Да и вообще соляная монополия ничего дать не могла, в виду плачевного состояния соляных промыслов и снятия подъездных путей.

Почти единственным источником, питавшим при подобных условиях правительство Врангеля, явился печатный станок. Производительность последнего, несомненно, была исключительная.

Относительно количества денег, выпущенных правительством Деникина и Врангеля, мы находим в журнале «Русское Хозяйство» (Орган финансов, торговли и промышленности—издавался в Севастополе в сентябре и октябре 1920 года) следующие данные:

Количество денежных знаков, выпущенных Добровольческим командованием в 1919 году и Донским правительством . . . . 3 миллиарда.

Начало 1920 года	12	„
Март 1920 года, перед эвакуацией	30	„
Май 1920 „	15	„
Август 1920 „	50	„

К сожалению, мы не располагаем официальными данными относительно работ экспедиции по изготовлению денежных знаков в период деникинщины. Зато у нас имеются точные данные о работе печатного станка за 1920 год, и мы должны констатировать, что цифры, приводимые упомянутым журналом, не верны.

Справка, выданная нам по данному вопросу Уфинотделом г. Феодосии, гласит следующее:

Экспедиция, за время ее существования в 1920 году, заготовила с февраля по октябрь включительно следующее количество денежных знаков:

сторублевых	119.600.000
двухсотрублевых	233.880.000
двухсотпятидесятирублевых	823.595.000
пятисотрублевых	16.216.583.000
тысячных	1.748.292.000
пятитысячных	19.392.435.000
десятитысячных	138.334.910.000
Итого .	176.869.295.000

Приходится сожалеть, что у нас нет более подробных сведений о том, как распределяются означенные цифры по месяцам и, самое главное, о количестве выпущенных

в обращение денежных знаков, так как, несомненно, известное количество изготовленных денежных знаков представляло собою брак и в обращение не поступало.

Кое-какие сведения относительно последних месяцев найдены нами в остатках архива Управления Финансов Врангеля. С 1-го июля по 7-е августа экспедицией изготовлено денежных знаков на сумму в 255.013.064.000 рублей. С 15 сентября по 15 октября Феодосийской экспедиции был дан наряд на изготовление 60 миллиардов, из коих изготовлено было всего 45 миллиардов. С 15 октября по 15 ноября был дан наряд на 150 миллиардов. Выполнение этого наряда не могло состояться, так как Красная армия заняла Крым в начале ноября.

Вообще, работа экспедиции сильно отставала от предъявляемого к ней требования правительством Врангеля, что ставило последнее зачастую в довольно критическое положение. Так, например, невыполнение полностью сентябрьского наряда, по словам начальника отделения кредитной части, сильно отразилось на фронте и тыловых учреждениях. Приостанавливались срочные заготовки для армии, нарушались договоры, уплачивались крупные неустойки, расторгались заключенные на более или менее выгодных условиях договоры, чинам армии не выплачивалось в установленные сроки содержание.

Самое крупное место, как видно из приведенной выше таблицы, занимают десятитысячные, самое последнее место—сторублевые денежные знаки. В нарядах последнего месяца имеется уже заказ на 25-тысячные купюры, что находится в связи с систематическим обесценением врангелевских денег.

О количестве денег, бывших фактически в употреблении в период врангелевщины, трудно сказать что-либо определенное. Мы ничего не знаем ни об обязательствах государственного казначейства, выпущенных Феодосийской экспедицией, ни о количестве находившихся в обращении и котировавшихся очень высоко романовских денег, керенок и проч.

Довольно значительным следует считать количество фальшивых денег, обращавшихся на территории Крыма. Одних фальшивых пятисоток было в обращении, по данным Управления Финансов от 19 июня, *9 миллиардов*.

Необходимо, кроме того, отметить, что экспедиция изготовляла одновременно знаки главного командования и так называемые «Донские». Последние почему-то ценились выше денег главного командования. На них все время держался лаж, который временами достигал 70%.

Трудно себе представить финансовые перспективы, какие имелись у правительства белых. Бернадский выдвинул проект девальвации. Им были даже заказаны во Франции и Англии новые денежные знаки на сумму в *22 миллиарда*, которые должны были пойти в обмен на девальвированные денежные знаки.

Деньги эти были доставлены в Крым. Но проект Бернадского самым решительным образом был отвергнут финансово-экономическим совещанием, и новые деньги так и не были выпущены в обращение.

Большое оживление царило в обозреваемом году в области банковского грюндерства. Вот неполный список банковских отделений, работавших в различных городах Крыма:

В Севастополе	14
В Феодосии	17
В Симферополе	19
В Ялте	13
В Евпатории	9
В Керчи	7
Итого	79

За это же время возникало большое количество, так называемых, меняльных лавок. Управление Финансов, поскольку оно вообще проводило политику, всячески благоволило к частным кредитным учреждениям, в противовес таким же учреждениям кооперативного характера. По вопросу о предоставлении кредита, кредитная часть рекомендовала всем отделениям Государственного банка руководствоваться такими соображениями: «Так как у той части населения, которая объединяет различные кооперативы, наблюдается обилие денежных знаков, которые либо сохраняются населением у себя без всякой пользы для оборота, либо направляются на спекулянтские сделки,— задачей момента является извлечение этих денежных знаков и обращение их на производственные цели».

Зато кредитная часть покровительствовала другой «части населения», объединяемой не кооперативами, а банками, и частным предпринимателям: им ссуды выдавались. Покровительство это сказалось не в одном предоставлении кредита: управление финансов укрывало банки, деятельность которых в 1920 году почти исчерпывалась спекуляцией товарами и валютой. Вексельно-учетные операции за весь этот год почти не производились.

В банковских складах, в подвалах, спекулянты выдерживали свои товары до желательного им повышения цен. Торговцы часто сдавали банкам на хранение товары, которые не должны были быть пущены в немедленное обращение, либо получали на них подтоварные ссуды, Операции эти были для банков довольно выгодны.

За такого рода комбинации банки получали 12% годовых, 2—3% комиссионных и пр. Банки сами участвовали в реализации товаров, получая за это комиссионные.

Банки стали, таким образом, хранилищем чая, мыла, спичек, шерсти, мануфактуры, рыболовных крючков, коньяку, галантерейных товаров, бумаги, земледельческих орудий, и, вообще, всяких товаров и предметов насущного потребления.

Возмущенный спекуляцией народ, настойчиво указывал на роль банков в дороговизне и на совершение ими спекулянтских сделок.

В начале 1920 года, по предложению начальника снабжения, должны были быть обревизированы все банки для установления точного количества товаров, скрываемых торговцами в банках, и участия банков в спекуляции. В свою очередь севастопольский градоначальник обратился к банкам с предложением сообщить, какие ссуды под залог товаров ими выданы. Ответы банков обнаружили, что последними скрываются огромные количества товаров. Начальник снабжения предложил тогда издать закон о недопустимости выдачи подтоварных ссуд, в особенности, под предметы первой необходимости.

Министр финансов Бернадский воспротивился изданию подобного закона, мотивируя это тем, что Управление Финансов имеет возможность регулировать деятельность банков циркулярами и внезапными ревизиями.

Управление Финансов вскоре разослало циркуляр банкам, в котором предлагает выдачу подтоварных ссуд производить только под сырье и фабрикаты лишь в исключительных случаях, а ссуды под предметы первой необходимости должны быть вовсе прекращены. После издания циркуляра, комитет акционерных банков г. Симферополя возбудил перед Бернадским ходатайство об отмене циркуляра. Начальник Управления Финансов тотчас же отменил циркуляр.

Вообще, в вопросе о борьбе со спекуляцией управление финансов придерживалось такой тактики: официально оно поддерживало борьбу со спекуляцией, рассылая соответствующие циркуляры и инструкции, на деле же оно укрывало подведомственные ему спекулянтские учреждения,

затушевывали и сводя на-нет всякое судебное дело, возбужденное против банковских учреждений. Мы выше уже указывали на ревизию деятельности Русского для внешней торговли банка и на последовавшее заступничество управления финансов. Также обстояло дело с Соединенным и другими банковскими учреждениями.

Банки, по докладам ревизоров, спекулировали товарами, валютой, выдавали ссуды под романовские деньги, производили операции по обмену крупных денежных купюр на мелкие. Но все же Управление Финансов сделало все от него зависящее для того, чтобы прекратить начатые судебные преследования против банкиров, обнаруживая при этом необычайную терпимость и снисходительность.

Эта двойственная политика вводила зачастую в заблуждение представителей Управления на местах, принимавших все написанное в циркулярах, как подлинное выражение политики своего центрального управления. Так, например, управляющий симферопольским отделением государственного банка в своем докладе, в мае 1920 года, предложил центру принять меры против использования спекулянтами сейфов в частных банках.

Начальству пришлось волей-неволей разъяснить прямолинейному чиновнику, что циркуляр—циркуляром, а на деле представители управления должны руководствоваться соображениями другого порядка. На означенном докладе рукой главы ведомства положена такая резолюция:

«Мы не можем касаться сейфов, потому что это будет полнейшее подражание большевистским приемам».

Покровительствуя банкирам, спекулянтам и прочей капиталистической сволочи, Бернадский не забывал и «той часть населения», т.-е. пролетариата. В архиве Управления Финансов нами найден очень любопытный доклад о борьбе с профсоюзами, в виду того, что «непрерывное увеличение оплаты труда может привести к полному финансовому краху», Управление Финансов предлагает увеличить предложение труда путем привлечения новых рабочих элементов, могущих понизить заработную плату.

Такими новыми элементами должны были явиться артели красноармейцев, уголовных преступников и приглашенные специально артели рабочих из Турции или Балканских государств.

Кроме того, предлагается «вести планомерную борьбу с профсоюзами, поскольку означенные союзы ставят на первый план благополучие своих членов и стремятся принести в жертву этому материальному или узко-партийному

благополучию благо государства и родины. Подобная борьба отнюдь не должна носить грубо-насильственный характер, как-то: разгон профсоюзов, арест председателя и членов правления, отправление на фронт секретарей,— а должна протекать в плоскости чисто-экономической борьбы работодателей и рабочих, при чем задача правительства дожна состоять в том, чтобы предоставить работодателям возможность накопить достаточное количество материальных средств,—главным образом, в виде предметов продовольствия, мануфактуры и проч., которые и дадут возможность работодателям вести с профсоюзами борьбу на экономической почве. Кроме того, желательно принять меры к уничтожению монопольного права профсоюзов на целый ряд отраслей труда и дать возможность работать тем, которые не желают вступать в союз, но при теперешнем засилии лишены возможности применять свой труд, опасаясь репрессий со стороны хорошо организованных членов союзов».

Классовая природа врангелевщины в этом проекте сказывается весьма рельефно. Необходимо лишь добавить, что проект этот в известной части был осуществлен: артели арестантов и пленных красноармейцев были привлечены к работам, за которые ничего не получали. Артели же рабочих из Турции не были приглашены: Бернадский, его покровители и их присные вскоре сами поехали в Турцию безо всякого приглашения...

Резюмируя сказанное, мы можем отметить, что финансовая политика генерала Врангеля носила характер ничем неприкрытой авантюры, которая неминуемо должна была вызвать рано или поздно экономический взрыв. Безвыходность положения была ясна и для самих творцов финансово-экономической политики. Особенно финансовая политика барона свидетельствует о том, что врангелевская затея представляла собою авантюру, которую проводили буржуазно-помещичьи элементы, лишенные веры в свои силы, свою способность творить, но решившие использовать известную ситуацию для извлечения возможно большей сверх-прибыли.

Я. Шафир.

Орловщина.

К концу 1919 года разложение добровольческой армии достигает своего апогея. Откатившиеся в каких-нибудь два месяца под мощными ударами рабоче-крестьянской армии от Орла до Крыма, жалкие остатки деникинских полчищ собираются на Крымском полуострове, деморализованные, растерянные, лишенные веры в дело, которое защищают. На полуострове положение этих остатков Белой армии оказывается катастрофическим. Красная армия подходит к Крыму, скоро вступает на полуостров, занимает Армянск, а затем подходит даже до Юшуня. Чрезвычайно тяжелым оказывается и положение всего населения полуострова, отрезанного от главного района снабжения, от Северной Таврии. Сами правительственные круги говорят о неминуемом экономическом «взрыве» в Крыму. К тому времени складывается общее убеждение у всего населения, что судьба Крыма уже предрешена, что приход красных—дело нескольких недель, а временами кажется даже, что и дней.

Этой уверенностью в наступлении начала конца проникнуто и подавляющее большинство офицерства. Начинается массовое дезертирство среди офицерства, которое, несмотря на беспрерывные облавы и строжайшие приказы Слащева, всячески уклоняется от отправки на фронт. Офицеры, чувствуя приближение часа возмездия, сбрасывают свои мундиры, переодеваются в штатское и всячески ищут пути и выходы к обеспечению себе отпущения грехов у Советской власти.

Разложение сузившегося добровольческого тыла сказалось также и в закулисной работе многих военных деятелей из лагеря добрармии, стремящихся, как это всегда

бывает в момент бессилия и расхлябанности власти, к устройству «дворцовых переворотов». Все злоключения Деникина: военные поражения, озлобление широких слоев населения, конкуренты тогдашнего главкома Юга России, ставят в вину определенному кругу лиц, стоявшему у власти. Бездарность, халатность и преступность руководителей погубили, дескать, всю кампанию против Рабоче-крестьянской России. Необходимо переменить командный состав, главарей—и все пойдет по иному. Такова «философия истории» конспираторов-белогвардейцев в начале 1920 года, философия, достойная по своему глубокомыслию помещичьих тупиц-авантюристов. Эта закулисная работа, если верить Г. И. Раковскому, автору книги «В стане Белых» (изд. 1920 г., Константинополь), «едва не вылилась в форму переворота».

Г. И. Раковский в своей книге рассказывает о едва не совершившемся перевороте в Джанкое, затеянном генералом Брянским, управляющим делами у Шиллинга, и Слащевым, имевшем целью устранение генерала Шиллинга с поста главноначальствующего в Крыму. Заговорщицкая атмосфера царила и в Екатеринодаре не задолго до его падения. О перевороте там думали генералы, «социалисты-революционеры» и просто общественные деятели. Особенно будирующую роль играл в то время будущий Верховный Правитель юга России, ген. Врангель. Властолюбивый и ограниченный солдат, генерал верил в свое всемогущество, а все неудачи приписывал честолюбию и бездарности Деникина. Врангель пользовался среди военных известной популярностью. Ища выхода из тупика, куда загнала помещичье-буржуазную свору Красная армия, некоторые военные деятели, равно как и значительная часть офицерства, готовы были ухватиться за фалды ген. Врангеля, который неустанно твердил, что «остался один, единственный спаситель России, это—я».

В этой-то атмосфере и возникает движение, известное под названием Орловщины.

В конце декабря 1919 года в г. Симферополе капитаном Орловым было приступлено к организации добровольческого отряда, который предназначался к отправке на фронт тотчас же по окончании работ по его сформированию. Организация эта, конечно, возникла с благословения генерала Слащева и пр. военных властей. Однако, с самого возникновения отряда в Симферополе стало известно, что в отряд приглашаются якобы исключительно партий-

ные люди, что будто Орлов всем вступающим в отряд говорит о предстоящем восстании и захвате власти. Слухи были самые разнообразные.

Подпольные организации заинтересовались этим делом и с информационной целью к капитану Орлову был послан тов. Александров. Капитан очень любезно принял представителя подпольных организаций, но по существу затеваемого им дела дал весьма туманные и сбивчивые ответы; вообще Орлов в беседе с тов. Александровым пытался отделаться «дипломатическими» намеками на поставленные ему вопросы, всячески подчеркивая, что, дескать, дальнейшие объяснения будут им даны по мере развертывания событий.

Беседу свою капитан закончил приблизительно таким образом: «Я вас понимаю больше, чем вы думаете, но не хочу говорить сейчас подробно обо всем, интересующем подпольные организации. Предлагаю вам посылать своих ко мне в отряд».

На вопрос о партийности, Орлов ответил, что он правее левых эсеров и немного левее правых эсеров. Сподвижниками капитана Орлова оказались: капитан Дубинин, князь Мамулов, подпоручики Гетман и Денисов. Вся эта компания, по наведенным организацией справкам, представляла собою обыкновенную офицерскую группу, совершенно чуждую политике, мало смыслящую в ней и не имевшую охоты заниматься ею.

Главарь и вдохновитель всей этой затеи, капитан Орлов, был обыкновенным офицером-воякой. Характеризовать его политические убеждения, после приведенной самохарактеристики, конечно, нечего. Необходимо лишь прибавить, что Орлов был большого мнения о себе, в нем было много хлестаковщины. Как передавали соратники его, капитан Орлов думал не только о захвате власти в Крыму, но и о том, чтобы из Крыма двинуться вперед... к Махно, на Украину. Впрочем, эти планы были очень расплывчаты и туманны, и его сподвижники не вполне разделяли их.

Поражало представителей подпольных организаций во всей этой истории одно обстоятельство — Орлов действовал открыто. Все, записавшиеся в отряд, говорили о предстоящем захвате власти. Была об этом информирована и власть, и контр-разведка, но тем не менее, против отряда ничего не предпринималось. Приблизительно, в 10-х числах января в отряде уже числилось свыше 200 человек. Вербовка шла довольно успешно. Охотников записываться в отряд, который и не думал итти на фронт, разумеется,

нашлось достаточно. Главари отряда говорили, что момент наступления ими приурочен к тому времени, когда в отряде будет по крайней мере 1000 человек.

Подпольные организации сочли себя вынужденными поддерживать сношения с отрядом. Связь была установлена через товарищей Якова, Луку, Алешу. Со стороны Орлова связь с подпольниками поддерживал подпоручик Гетман, адъютант Орлова. Гетман был чем-то вроде «политкома».

Молодой подпоручик лет 22—25, с едва пробивающейся растительностью на верхней губе, Гетман держал высоко свое неопределенного цвета знамя, важничал, говорил намеками. С представителями подпольных организаций до выступления было у него несколько свиданий, во время которых он пытался всячески вести разговоры на «политические» темы. «Политика» эта отличалась оригинальностью: была у орловского юнца записная книжечка, которую он клал перед собою на стол и оттуда читал представителям подпольных организаций вопросы, приблизительно такого рода: нельзя ли как-нибудь примирить аграрные программы с.-р., с.-д. и коммунистов? Не удовлетворит ли организацию созыв рабоче-крестьянского съезда, вместо съезда Советов?

Подпольники, выслушивая весь этот вздор, старались отделаться от «серьезных» политических разговоров. Зато они требовали от Гетмана конкретного ответа на один важный для подпольных организаций вопрос, благодаря которому они и продолжали разговаривать с орловцами:

В Симферопольской тюрьме находилось тогда свыше сотни политических заключенных, с которыми поддерживал связь Красный крест (подпольный разумеется). К тому времени настроение в тюрьме было чрезвычайно подавленное. Эвакуировавшиеся из Харькова и других мест, тюремщики оказались в Симферопольской тюрьме. Эти бандиты хвастали своими злодействами перед политическими, рассказывали о том, как накануне эвакуации расправлялись с заключенными, присовокупляя, конечно, угрозы по адресу симферопольских узников. В поисках сил и средств для ограждения заключенных в тюрьме товарищей пришлось волей-неволей остановиться на орловцах. У последних была реальная сила, и в начале января не была исключена возможность, что их отряд мог бы взять на себя охрану тюрьмы. С другой стороны, хотелось верить, что отряд, в случае захвата власти в городе, освободит тюрьму.

По вопросу об охране тюрьмы, Гетман обещал немедленно принять меры, при чем указал, что необходимо будет предварительно об этом потолковать с полковником Дубяго, начальником Слащевского штаба.

Разговаривали ли орловцы с Дубяго на эту тему—неизвестно, но что положение тюрьмы нисколько не изменилось, что харьковская и пр. тюремные банды продолжали попрежнему свою гнусную работу,—это доподлинно известно.

Во время переговоров с орловцами-подпольниками пришлось ближе ознакомиться со многими рядовыми участниками отряда, главным образом, с офицерством. И тут-то психологическая подоплека орловщины выяснилась вполне. Игравший в отряде наиболее видную роль офицерский элемент, во время переговоров с орловцами, был очень далек от честолюбивых, сумбурно политических планов Орлова и его ближайших соратников. Эта разложившаяся золотопогонная компания думала, что одно пребывание ее в отряде Орлова явится уже индульгенцией, по которой Советская власть отпустит им все грехи. С другой стороны, эта публика настаивала на том, чтобы оттягивать как можно дольше дело формирования отряда, дабы не итти на фронт. А пока офицеры старались побольше получать обмундирования, денег и провианта от Слащева, чтобы подработать на орловской затее. И, надо отдать им справедливость, в деле получения средств и провианта эти господа очень много успели.

Не дремала, конечно, и контр-разведка. Она установила слежку за Орловцами. Последние, опасаясь ареста, объявили себя на военном положении, выставили у своего помещения усиленные караулы, пулеметы.

Должно-быть, в конце-концов, генералу Слащеву показалось подозрительным все дело Орлова, и он, приблизительно в 20-х числах января потребовал от капитана Орлова отправления на фронт. Это категорическое требование итти на фронт и заставило всю компанию предпринять свое выступление.

Выступление произошло в ночь на 22 января (по ст. ст.). Чинами отряда были заняты все учреждения в гор. Симферополе. Были выставлены караулы по всему городу, все войсковые части, находившиеся в городе, не оказали никакого сопротивления. Под утро были произведены аресты военных и гражданских властей. Был арестован начальник контр-разведки Астраханцев, губернатор граф Татищев, на вокзале был арестован генерал Субботин, тогдашний

начальник «тыла», генералы: Чернявин, Брянский и др. Все арестованные были отправлены в Европейскую гостиницу, занятую под штаб Орлова. Объяснения этим арестам, равно как и всему своему выступлению, даны в приказе № 1, изданном Орловым 22 января. Вот он:

„Приказ № 1 по городу Симферополю.

Исполняя долг перед нашей измученной родиной и приказы Комкора 3 ген. Слащева о восстановлении порядка в тылу, я признал необходимым произвести аресты лиц командного состава гарнизона гор. Симферополя, систематически разлагавших тыл. Создавая армию порядка, приглашаю всех к честной объединенной работе на общую пользу. Вступая в исполнение обязанностей начальника гарнизона города Симферополя, предупреждаю всех, что всякое насилие над личностью, имуществом граждан, продажу спиртных напитков и факты очевидной спекуляции будут караться мною по законам военного времени. Начальник гарнизона г. Симферополя, командир 1-го полка добровольцев, капитан Орлов“.

Из этого первого приказа сразу стало ясно, что капитан Орлов связал и свое выступление с делом добрармии и даже силился связать его с именем генерала Слащева, выдвинув лишь лозунг о борьбе с командным составом, «разлагающим тыл». Разумеется этим участь и была предрешена.

Капитан Орлов пытался, однако, в первый день коекого околпачить, выпустив воззвание к «трудящимся». Воззвание безграмотное, но написанное в эсеровском духе. Говорится в воззвании о «земле» и «воле», и заканчивается оно призывом к рабочим записываться в отряд.

Ревкомом в первый же день выступления была послана делегация к Орлову с требованием немедленно освободить заключенных политических. Орлову пришлось бросить роль «дипломата» и дать прямой ответ. Ответ получился отрицательный.

На заявление Ревкома, что им будут посланы силы к тюрьме для освобождения заключенных, капитан Орлов ответил, что всякие выступления он будет подавлять, всеми, имеющимися в его распоряжении силами. После указанного ответа подпольные организации прекратили всякие сношения с Орловым и его отрядом.

Опереточное выступление, кроме арестов некоторых генералов и чиновников, в Симферополе ознаменовалось

еще наложением ареста на деньги, находившиеся в банковских учреждениях, и парадом.

По улицам Симферополя продефилировал орловский отряд, показав тут же все количество вооружения, которое находилось в его распоряжении, начиная с револьверов и винтовок и кончая пулеметами и какой-то 3-х дюймовкой.

С первого же момента выступления, капитан Орлов поспешил обо всем известить генерала Слащева через герцога Лейхтенбергского. Повидимому, капитан Орлов имел основание думать, что Слащев санкционирует его выступление. Так, по крайней мере, полагали многие осведомленные в настроениях белогвардейских военных кругов лица.

У нас нет материалов, подтверждающих эти предположения, кроме одного факта, который сам по себе недостаточен для категорического утверждения существовавшего сговора между Слащевым и Орловым. Мы имеем в виду роль в этом выступлении начальника Слащевского штаба, полковника Дубяго.

Последний, несомненно, благоволил все время к орловцам, несколько раз приезжал к капитану Орлову (разумеется, до выступления) и имел с ним продолжительные разговоры.

Если кого-нибудь Орлов заинтересовал, то это наших старых «славных рыцарей демократии и народоправства», всех, так называемых, общественных деятелей, очутившихся в роли безработных после октябрьской революции. Их пылкое воображение заработало на всех парах, и они решили поддержать юных удальцов.

В первый же день выступления была послана от думы и земства делегация к капитану Орлову для «выяснения смысла совершившихся событий». Так повествует об этом делелейб-орган кадето-эсеро-плехановско-кооперативной братии Юга России.

Капитан Орлов обещал все «разъяснить» после получения ответа от генерала Слащева, но общественные деятели никак не хотели ждать ответа и решили со своей стороны предпринять шаги перед властью,—короче говоря, взялись за роль маклеров.

Было устроено тайное совещание городской думы, которое постановило послать две делегации к генералу Слащеву и к генералу Май-Маевскому. В состав делегации к Слащеву были избраны: кадет В. А. Оболенский и плехановец П. С. Бобровский. Народоправцы чуяли насту-

пление чистейшей демократии и, чтобы как-нибудь не проморгать момент, избрал комиссию «для принятия от имени думы необходимого решения в экстренных случаях». Комиссия состояла из городской управы, президиума думы, наиболее видных гласных думы и 2 представителей социалистической фракции, своего рода временное правительство.

Народоправцы, однако, скоро успокоились, так как генерал Слащев не «разрешил» Орлова.

Генерал Слащев, узнав о выступлении, решил пойти на Орлова огнем и мечем и с этой целью отдал приказ генералу Май-Маевскому двинуть из Севастополя два полка против Симферопольского «изменника». С другой стороны, им был послан приказ Орлову сдать немедленно пост начальника гарнизона города Симпероположя герцогу Лейхтенбергскому, но Орлов приказу не подчинился. Однако, поспешил освободить всех арестованных генералов.

Май-Маевский двинулся в поход из Севастополя в Симферополь; по дороге застрял, так как путь оказался разобранным, однако, взбунтовавшиеся золотопогонники не решились вступить в бой с подвигавшимися войсками Слащева. Орлов решил отступить.

Захватив в Симферополе около 10 миллионов денег в казначействе, капитан с незначительной частью отряда в ночь на 24 января покинул Симферополь и бежал по направлению к Алуште. Разумеется, генералом Слащевым был издан приказ о поимке «предателя Орлова», в свойственному ему одному категорическом тоне, который, конечно, не дал никаких результатов. Приказы эти интересны, как по своему содержанию, так и по форме, а потому приводим их в подлиннике:

> **„Приказываю всем должностным лицам и прочим гражданам России, в случае обнаружения в их районе предателя Орлова или его присных, доставить их ко мне живыми или мертвыми. Заранее объявляю, что расстреляю всех действующих с Орловым. 24 января, № 144“.**

Другой приказ—обращение:

> **„Отряду, забывшему совесть и долг службы,—людям, ушедшим под командой Орлова, на все предложения могу ответить только: 1) Орлов изменник долга, 2) по телеграфу Орлов меня нагло обманывал, 3) Орлову я предложил приехать ко мне, тогда гарантировал ему жизнь, 4) это не было исполнено, 5) обманутые ко мне, 6) Орлову не верю и повешу“.**

Из Симферополя капитан Орлов отступил в деревню Мамуд-Султан, а оттуда в деревню Саблы. За ним погнались карательные отряды Шнейдера, Тобенского и Кугельгейма. Отряды эти имели славное прошлое по части учинения расправ над крестьянством. Они состояли из отборных негодяев и злодеев, но при столкновении с офицерским отрядом Орлова, все эти помещичьи наймиты оказались неподходящими. Это произошло отнюдь не по причине оказания им отпора. О серьезном отпоре говорить нельзя, так как у Орлова всего-то было человек 70—90, Конный отряд «князя» Мамулова сразу же сам по себе растаял и рассосался. Мамулов явился с повинной к начальству и был арестован.

Если не произошло столкновения между карательной экспедицией и орловцами, то это исключительно по указанной причине. И, действительно, отряд Кугельгейма скоро объявил, что отказывается от экспедиции.

Капитан Орлов, однако, решил уйти из Саблы и отправился в Алушту. Здесь он захватил «власть» и небольшие суммы добровольческих денег. Оставив местный гарнизон, к которому присоединил небольшую часть своего отряда, он отправляется в Ялту. Эти события разыгрываются уже в начале февраля (по ст. ст.).

В Ялте тогда хозяйничали генералы Зыков и Покровский. Узнав о приближении врага, доблестные генералы решили объявить мобилизацию буржуазии и гимназистов. Из кафе, гостиниц, улиц, забрали всех способных носить оружие, преимущественно представителей имущего класса и учащуюся молодежь. Из мобилизованных были составлены отряды, которые тотчас же были снабжены оружием и отправлены на первую линию фронта между Ай-Никитой и Гурзуфом. Второй отряд из чинов местного гарнизона был двинут к Ай-Никита. Мобилизованная буржуазия переночевала в окопах под Гурзуфом и вернулась самовольно домой. Среди мобилизованных оказался знаменитый певец Собинов, который, пролежав ночь в окопах, простудился и потерял голос. Дрогнул, разумеется, и второй отряд, стоявший у Ай-Никита. И тогда твердо-каменные генералы решили пустить в ход против неприятельских полчищ... флот. Была вызвана из Севастополя яхта «Колхида», которая открыла переметный огонь через город по направлению к Массандре. Всего ею было выпущено около 20 снарядов. Флот, конечно, оказал устрашающее воздействие на население. А Орлов в Ялту все-таки вступил, при чем сдача Ялты произошла без единого выстрела, так как,

по откровенному признанию белогвардейских газет, «морские части», выстроенные по шоссе, а также и другие, оборонявшие Ялту,—не захотели сражаться. Генералы Зыков и Покровский были взяты под домашний арест, «на честное слово офицера». Комендантом города был назначен капитан Дубинин.

В Ялте Орлов пробыл около недели, в течение которой выпустил много воззваний на ту же тему: о разложении тыла старым командным составом. Между прочим, в одном из воззваний он указал на готовность подчиниться генералу Врангелю, бывшему тогда в опале и находившемуся к тому времени в Севастополе. Врангель ответил Орлову, что он «как старый офицер, отдавший родине двадцать лет жизни, ради блага ее», советует ему «подчиниться требованиям начальников».

Деникин, очевидно, был убежден в закулисном участии ген. Врангеля в деле Орлова. В приказе Деникина от 8 февраля 1920 года, осуждавшем выступление Орлова, говорится о том, что это движение руководится людьми, «затеявшими подлую политическую игру». Нетрудно, конечно, догадаться, о ком идет речь в этом приказе.

Несомненно, выступление Орлова могло быть на руку Врангелю, который мог бы, в конце-концов, воспользоваться орловской шумихой, всеобщей тревогой, чтобы выступить в роли спасителя родины. Мы, однако, не располагаем данными, которые давали бы право утверждать, что между симферопольским капитаном и Врангелем существовала какая-либо связь. Тот факт, что Орлов и при Врангеле скрывался в горах, и своими действиями совместно с зелеными содействовал дезорганизации Врангелевского тыла, скорее говорит об отсутствии связи между Врангелем и Орловым.

Ушел Орлов из Ялты в 10 числах февраля после того, как против него был выслан снятый с фронта сильный, хорошо вооруженный отряд полковника Ильина. На этот раз Орлов ушел в горы.

Уже одна легкость, с какой капитан Орлов с его игрушечным отрядом брал города, свидетельствовала о глубочайшем разложении крымского тыла. К этому необходимо добавить, что почти все молодое офицерство сочувствовало капитану Орлову.

Правительство генерала Деникина беспокоилось, и генералу Шиллингу было поручено вести переговоры с капитаном Орловым. Была назначена сенаторская ревизия «для всестороннего исследования управления, командования,

быта и причин, вызвавших в Крыму смуту, и для установления виновников ее». Во главе этой ревизии стоял сенатор генерал-лейтенант Макаренко. В результате ревизии и переговоров, капитан Орлов был вместе со своим отрядом амнистирован и отправился на фронт. Разумеется, генерал Слащев на этот раз поджидал его. Недалеко от Джанкоя произошла встреча Орлова и слащевских частей. По отряду Орлова был открыт орудийный огонь, почти уничтоживший отряд. Орлов с группой в несколько человек бежал в горы. Это последнее мартовское столкновение между Орловым и Слащевым нашло отражение в телеграфной переписке, не лишенной забавности. Приводим ее полностью:

„Приказ по войскам, обороняющим Крым, и во все газеты.

Объявляю комическую телеграмму капитана Орлова за № 888 из Бахчисарая.

„Срочно, военная, ген. Слащеву, копия начгарнизону Симферополя, Ялты, Алушты, Начдив 34, 13, 91 и всем частям фронта и тыла.

Сегодня мною с одним из моих отрядов занят Бахчисарай и временно задержаны все должностные лица; другие отряды двинулись на Ялту, через Алушту, и кавалерийские части—на Севастополь. Объявляю всем воинским частям, что ген. Слащевым был допущен подлый поступок, недостойный русского офицера, каковым себя, кажется, считает. 4 марта по его приказанию 9 кавалерийской дивизией полковника Выграна был открыт в упор орудийный огонь по мирно идущей обозной колонне моих отрядов, не стесняясь даже присутствием в колонне одиннадцати санитарных двуколок с больными и медицинским персоналом. Возмущенным столь подлым поступком, призываю все офицерство и солдат, оставшихся честными долгу перед родиной, поднять, наконец, высоко голову и громко сказать: „Довольно подлостей и преступлений от высшего командного состава! Довольно быть рабами и слепо итти за преступниками, губящими дорогую нашу Россию". Всех русских патриотов, офицеров и солдат призываю к себе.

Если у вас, генерал, осталась хоть капля чести, то Вы разошлете копию этой телеграммы всем вышеуказанным. Капитан Орлов".

Мне остается спросить капитана Орлова: 1) Почему вы подчинились моему приказу — не потому ли, что я пригрозил вам опубликовать нашу переписку, 2) Почему вы вторично восстали—не потому ли, что я потребовал от вас отчета в день-

гах, 3) Почему вы считаете себя защитником России—неужели потому, что вы бежали с фронта, 4) Почему вы объявляете о движении своих армий во все города Крыма—неужели потому, что имеете 16 человек?

Повторяю что работаю для России, и таких людей, как вы, которые украли 10 миллионов, считаю своими врагами. Как назвать человека, клявшегося мне в беззаветной службе родине и в то же время не выдававшего своим людям содержание и довольствие, украв десять миллионов и получив от меня 3 миллиона и 550 комплектов английского обмундирования на 300 человек.—Я своего мнения высказывать не стану, боясь, что русские люди выскажутся так, что неприлично опубликовать в газетах. Требую от вас только—дайте отчет в 13 миллионах народных денег и 550 полных комплектах обмундирования и явитесь на гласный суд. В противном случае вы—вор. Слащев".

За этой дискуссией двух белогвардейских джентльменов читатели газет следили с величайшим вниманием. Широкие слои населения интересовались положением дел на «орловском фронте».

Скоро, однако, все убедились, что поскольку речь шла о соотношении сил, правым оказался генерал Слащев, сообщивший в одном из приказов о разгроме им Орлова. Приказ гласил:

„3 марта капитан Орлов опять нарушил долг службы. Приказом № 57, посланным вам в копии, я объявил его преступником и подлецом, о чем разбросал воззвания с аэроплана по его войскам и сего марта послал войска и выехал на Сарабуз, так как Орлов пошел на Симферополь. Пока сдалось 157 орловцев Южному карабузскому отряду, трофеев Северного отряда еще не знаю. Арестован штаб Дубинина и все бумаги с печатью, а сам Орлов остался с 16 человеками и мечется в охваченном районе. Постараюсь и его поймать. Потери Орлова огромны. Слащев".

Орлов был разбит, и его заявление о новом походе на различные города Крыма, мягко выражаясь, не соответствовало действительности.

К тому моменту Орлов теряет всякую популярность в рядах офицерства, и последнее его препирательство со Слащевым никого больше не интересует, даже деятелей из лагеря народоправства.

Заканчивая настоящий обзор орловщины, нам хочется отметить следующие, сами собой напрашивающиеся из изложенных фактов, выводы:

1) Тыл белогвардейцев в Крыму в конце декабря 1919 года и январе, феврале и начале марта 1920 года был очень легко уязвим. Немногочисленный отряд, руководимый людьми, опытными в военном деле, в состоянии был сделать очень много для срыва последнего фронта добрармии.

2) К тому времени революционные организации такой силой не обладали. Не использовав подходящего момента, подпольные организации очутились в крайне тяжелом положении, и дальнейшая их работа по созданию «зеленой армии» уже не могла иметь того значения, которое она имела бы, если бы эта армия создалась в начале 1920 года.

3) Орловщина по существу являлась контр-революционной затеей, и против нее необходимо было бороться с первого же момента возникновения отряда.

Я. Шафир.

Крымское подполье.

I.

Общие условия.

Не в том заключалась тяжесть деникинского и врангелевского подполья, что из Киева, Харькова, Одессы, Екатеринослава, Полтавы, Ростова, Екатеринодара, Новороссийска и всех городов Украины и «Юго-России» в тесную Крымскую клетушку ввалилась пьяная, развратная и хищная масса опытных царских шпиков, старых охранников, новой формации контр-разведчиков—профессионалов и любителей—(по примерной статистике одного из крымских работников, на каждого члена подпольной организации приходилось 6—8 агентов контр-разведки), а в том, что крымское подполье (впрочем, это была беда всех наших организаций, работавших на территории Деникинщины) должно было действовать после сравнительно небольшого периода легального существования партии, как государственной.

Этот период пребывания у власти не дал партии возможности окрепнуть. Организации росли, увеличивались в но с каждым днем все больше расслаблялась внутренняя спайка, распадались внутренние скрепы. Старые большевистские традиции были чужды большинству вновь пришедших в партию работников. Это были по преимуществу люди, признавшие Советскую власть (некоторые—только мирившиеся с ней), состоявшие у ней «на службе» и понимавшие свое положение, как обязующее войти в партию. Это были в большинстве советские чиновники, которые, связав свою судьбу с Советской властью, решили быть в ее передовых рядах, сделаться ее активными деятелями и с приходом Деникина уже не в состоянии были вернуться к легальной жизни. А перейдя на нелегальное положение, они перенесли в подполье все чиновничьи навыки, все свои взгляды на работу в подпольи, как «на

службу» у большевиков, при чем партию продолжали рассматривать, как советскую организацию, как власть, которая аккуратно выплачивает не только жалованье, но и «разницу» и чуть ли не «сверхурочные».

Это был тяжелый балласт для всех подпольных организаций. Они несли провалы за провалами не только потому, что наиболее малодушные, невыдержанные и трусливые вскоре оказались предателями и стали открыто работать в лагере наших врагов, а еще и потому, что своей неопытностью и неосторожностью, будучи новичками в подпольной работе, не приспособившиеся к условиям конспирации, окруженные густой сетью контр-разведчиков и провокаторов, они скоро попадали в руки розыскных органов, под пытками выдавали квартиры, явки, отдельных товарищей, а эти, будучи арестованы, под истязаниями сообщали новые данные, и сфера провала росла и расширялась, захватывая новые круги, другие организации.

Партия слишком недолго жила открытой легальной жизнью, чтобы переработать, развить всю массу молодых членов, которые вошли в нее за этот короткий период ее существования, как правительственной партии. Она оказалась не в силах охватить эту хлынувшую массу, не могла ее учесть, не учла и тех последствий, которые нес с собой стихийный ее рост: и это понятно: партия перестроилась для широкой государственной деятельности, и свои ряды приспособляла целиком для такой работы,— в этом же духе воспитывались (поскольку вообще партия имела возможность воспитывать) и новые коммунисты. Партия не готовилась к подполью. Поэтому внезапный переход значительной части организаций Украины, Крыма и Юго-востока России на нелегальное положение не мог не вызвать ряда тяжелых болезненных явлений, приведших к гибели не одну сотню товарищей. И недаром некоторые отчаявшиеся старые товарищи начали мечтать о возвращении к прежнему «доброму старому времени», когда подполье было кружковой работой, когда оно сводилось, главным образом, к пропагандистской работе в тесном рабочем кружке. «Есть советские сотрудники, есть большевики, но нет коммунистов»,—говорили они с тоской.

Первый период пребывания добровольцев в Крыму сопровождался жестоким террором, который бил мимо организации. Это объясняется рядом причин.

Удачи Деникина оказались несколько бо̀льшими, чем он их сам ожидал, вследствие чего аппарат власти был им плохо сконструирован. Особенно слабы были на первых порах его розыскные органы, которые только здесь

стали складываться. Они работали, пользуясь, главным образом, доносами местных белогвардейцев, обывателей и буржуазии. Вследствие этого, карающая рука контр-революции была направлена больше на мелкую советскую рыбешку, которая неумело пряталась или пыталась легализоваться, нежели на работников, оставленных организацией для подпольной деятельности. Сеть агентов контрразведки была ненадежная, редкая, искавшая личных выгод, занимавшаяся продажей всякого рода «пропусков» и паспортов, а не политическим сыском. Добровольческая армия двигалась на север и на запад, за нею для вновь завоеванных городов проследовала туча царских сыщиков и охранников, которые не надолго задержались в Крыму. Тем не менее, тюрьмы были переполнены. Сидели в них по преимуществу советские служащие, которых за одно участие в работе советских учреждений причисляли к «комиссарам» и предавали военно-полевому суду. За что предавали суду, а потом подвергали расстрелу или повешению, можно судить по тем приказам «либеральнейшего» и «демократичнейшего» из генералов—севастопольского градоначальника и коменданта севастопольской крепости—Субботина (приводим в выдержках):

„Из дознания, поступившего от председателя судебно-следственной комиссии, усматриваю, что крестьянин бессарабской губ., Хотинского уезда, Василий Васильев Мельников, 29 лет обвиняется в том, что в гор. Севастополе весною 1919 г., во время захвата в Крыму власти большевиками, вступил в Красную армию действующую против вооруженных сил на Юге России и занял должность заведующего морским собранием, переименованным в клуб имени Ленина, т.-е. содействовал осуществлению основных задач Советской власти,—т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 108 Уголовн. Улож., по редакции и приказу главнокомандующего вооруженными силами на Юге России 1918 года за № 390 и законом 30 июля 1919 г.

А потому, и на основании объявления главнокомандующего Новороссийской областью от 23 августа 1919 г., указанного Василия Мельникова по обвинении в означенном преступлении, предаю военно-полевому суду для суждения по законам военного времени".

„Из представленного мне председателем Таврической судебноследственной комиссии дознания видно, что житель г. Севастополя, Михаил Яковлевич Литвинов, 29 лет, обвиняется в том, что весной 1919 г., когда советские власти овладели гор. Севастополем, добровольно поступил на службу к советскому правительству и, занимая

должность в военном комиссариате и чрезвычайной комиссии по снабжению Красной армии и тыла г. Севастополя, доставлял литературу из гор. Симферополя в Севастополь, чем оказывая безусловное содействие советскому правительству, т. е. в преступлении, предусмотренном... и т. д. А потому...—предаю военно-полевому суду для суждения по законам военного времени".

И т. д, и т. п.

Другое затруднение, которое испытывали подпольные организации в Крыму (и в некоторых губерниях Украины тоже), заключалось в отсутствии денег, необходимого количества квартир, бумаги для печати, типографий, оружия, паспортных бланков и проч. Партия после пребывания у власти должна была уйти в подполье с небольшим, но достаточно развитым аппаратом, который бы без перебоев питал организацию деньгами, заменял бы (по крайней мере, для организации) Е. П. О., Жилотдел, Губиздат, Сообез и проч. Только при этих условиях возможна продуктивная работа. В Крыму эта сторона дела была организована плохо. Это объясняется опять-таки тем, что крымская организация готовилась к активной государственной деятельности, а не к подполью. Неожиданно быстрый захват Деникиным Крыма помешал обеспечить подпольной организации возможность широкого ведения партийно-революционной работы, еще вследствие того, что крымская партийная организация, даже при Советской власти, была без денег. Из Москвы Крым снабжался денежными знаками недостаточно, притом преимущественно советскими. Таким образом, (советские деньги с приходом деникинцев были аннулированы) организация уже с первых дней подполья оказалась в чрезвычайно тяжелом положении. Между тем, деньги были основным условием работы в подполья при Деникине и Врангеле. От состояния кассы организации зависел и темп осуществления, и размах, и успех намеченных предприятий и планов.

Многочисленные аресты членов партии ставили пред организацией задачу помощи семьям арестованных, необходимо было передавать пищу, одежду, табак заключенным, подкупать следователей, чиновников, покупать секретные приказы, сводки и материалы из штаба и контрразведки, необходимо было приобретать явочные квартиры,—буфеты, столовые, лавки, конторы,—все это стоило огромных денег. Организация съездов, совещаний, печатание литературы, разъезды и связь—в условиях подпольной работы также очень дорого обходятся, вследствие чего и здесь нужны были явочные квартиры. За

что ни бралась организация, она раньше всего упиралась в финансовый вопрос. Люди и деньги—вот те два условия, которые единственно могли обеспечить нормальную жизнь и деятельность деникинско-врангелевского подполья, и на всей полуторогодовой (1919—1920 гг.) работе Крымской организации эти два фактора сказались с жесточайшей яркостью.

II.

В потемках.

Не сразу после прихода Деникина началась работа подпольной организации. Потребовался длинный полугодовой период, чтобы более активным работникам удалось собрать необходимые для постановки работы силы. Такой период длился до самого января 20 года. Это было время подбора работников, квартир и изыскания средств. Первые три-четыре месяца организация энергично очищалась от тех элементов, которые для подпольной работы были не подходящими. Кое-как намечалась возможность наладить связь между отдельными городами Крыма. В сентябре 1919 г. в Севастополе был создан первый партийный комитет, долженствовавший стать Областным Комитетом. Он состоял из трех товарищей. Однако, вскоре комитет распался под влиянием внутренних разногласий; но уже одним фактом своего существования он много способствовал собиранию организаций и положил начало будущей деятельности в Крыму. Комитету удалось наладить собственную типографию и организовать первые ячейки при Профсоюзах.

Пред комитетом партии на первых порах стояли вопросы не принципиально-политического характера, а организационно-практические. Организация связи была основной задачей первого Обласкома. На местах, в отдельных уездных городах, сталкивались отдельные работники, пытались начинать работу, но все попытки быстро кончались неудачей из-за отсутствия необходимых средств и связей с областным центром. С другой стороны, отсутствие связи с Советской Россией также в сильнейшей мере сказывалось на всем ходе работы первого периода. Таким образом, вся энергия первого комитета ушла, главным образом, на организацию связи и на создание условий более или менее нормальной работы.

Создание второго комитета, вызывалось той же задачей. Этот комитет также натолкнулся, прежде всего, на отсутствие денег. Попытки связаться с местными организациями оказались неудачными. На местах—там, где работа начиналась,—преобладала «местная» инерция, толкавшая организации к работе независимо от центра. Она явилась следствием пассивности и недоверия к возникавшим в Симферополе и Севастополе организациям, в связи с частыми арестами и провалами. На этой почве усилились разногласия в самом комитете, который, будучи не популярен в организации, вскоре тоже распался.

Наконец, в ноябре месяце удалось создать областной комитет. Он был признан всеми местными организациями и ему удалось взять на себя руководство всей подпольной работой в Крыму. Этот комитет был создан путем соглашения наиболее влиятельных симферопольской и севастопольской организаций с введением в них представителей с мест.

К этому времени стали впервые поступать сведения о жизни Советской России, начали прибывать работники из Москвы и Харькова. Надо, однако, отметить, что значительная часть работников, прибывших из России, оказалась совершенно непригодной для подпольной деятельности, и лишь некоторых из них удавалось постепенно приспособить к условиям конспирации. Этих товарищей на местах принимали сдержанно, кое-где недоверчиво и даже несколько недружелюбно.

Наконец, когда были созданы более или менее прочные партийные верхушки на местах и организованы относительно надежные ячейки в профсоюзах,—перед областной организацией встали вопросы активной революционной работы, вплотную встал вопрос о связи с рабочими массами. Ячейки при профсоюзах, поскольку сами союзы были оторваны от предприятий, не могли служить достаточно устойчивой опорой для партии,—продвинуть же свое влияние непосредственно на заводы,—было чрезвычайно трудно, хотя уже первые два месяца свирепствования добровольцев в Крыму были достаточны, чтобы пропитать всю рабочую массу жгучей ненавистью к деникинцам. Очевидно было, что путь связи с пролетарской средой через профсоюзные ячейки—путь слишком далекий, хотя и неизбежный. Поэтому, решено было, усилив работу в ячейках, развить в то же время печатную агитацию путем выпуска листков, воззваний, летучек и проч. Воззвания эти должны были стать не только средством агитации, источником бодрости духа и надежд для ра-

бочей массы, но и сделаться могучим средством связи с трудящимися Крыма. И действительно: хорошо составленная, злободневная, во время откликнувшаяся на событие листовка почти всегда находила ответный отклик на заводе, фабрике, мастерской, в порту, и число рабочих, начинавших искать связи с организацией уже снизу, возрастало.

Надо, однако, отметить, что с печатанием воззваний дело обстояло чрезвычайно скверно. Организация располагала всего одной своей типографией в Севастополе, которая, впрочем, тоже вскоре провалилась. Состоявшееся пред этим совещание ответственных работников приняло решение, что дело печатания листовок и вообще боевой агитационной литературы должно быть централизовано в руках Областкома. Это решение было вызвано необходимостью объединения лозунгов борьбы и руководства политическим содержанием агитации, с одной стороны, и техническими условиями,— с другой.

Провал типографии в Севастополе не мог не вызвать крупных затруднений в деле выпуска агитационной литературы, особенно при крайне стесненных финансовых условиях. В какой обстановке пришлось вести эту работу, можно судить по тому, как была напечатана листовка, посвященная годовщине февральской революции:

«Тов. В., получив такое задание, выполнил его следующим образом: он взял из своих «пятерок» несколько человек и в 5 часов вечера в самом центре города (по Салгирной улице) окружил типографию, запер двери, загнал в комнату хозяина и посетителей типографии, и до 9 часов вечера рабочие, будто под угрозой (но по существу— охотно, ибо были среди них даже члены наших партячеек) напечатали до 3.000 экземпляров прокламаций. К 10 часам прокламации были уже расклеены и разбросаны по городу, и тогда хозяину было разрешено довести об этом до сведения контр-разведки.

Офицерские отряды и шпики бросились туда, но было поздно. В тот же день было торжественное заседание правлений профсоюзов, посвященное годовщине февральской революции. Во время доклада меньшевиков, наши потушили электричество и забросали этими летучками тысячную рабочую аудиторию, которая, воодушевившись, после этого пела «Интернационал» и кричала: «Да здравствует Красная армия». (Из брошюры Н. Бабахина «Крымское подполье»).

Объединение дела печатания листовок в руках Областкома не вложило, однако, в самую агитацию какого-нибудь

определенного содержания. Листовки отзывались на события дня (иногда, правда, запаздывая), будоражили рабочую массу, тревожили обывателя и вызывали раздражение у контр-разведки. Большего они достигнуть не могли. Воззвания и обращения не давали ясных, отчетливых указаний рабочим, что надо делать, не ставили перед ними никаких конкретных задач. И это было понятно: они не были ясны самой организации.

Областком не был связан с партийными центрами Советской России. Ц. К. так же не предъявлял крымской организации в целом каких-либо определенных требований, как организация—рабочим массам. Случайные, наезжавшие товарищи в состоянии были только поверхностно информировать об общем политическом и экономическом состоянии республики, о положении фронта, но эти сведения в очень слабой мере определяли задачи подпольной организации, продолжавшей действовать в потемках, осторожно нащупывая путь, наиболее верный и отвечающий интересам революционной борьбы. Впрочем, в первое полугодие Деникинщины организация и не могла ставить перед собой никаких других вопросов, кроме задач организационного самоопределения и самоочищения. Когда этот период «самоощупывания» закончился, когда подполье относительно освободилось от сомнительного элемента, когда удалось подобрать более или менее надежное, проверенное и работоспособное ядро,—только тогда перед организацией встали вопросы о задачах и тактике,—эти вопросы должны были определить всю сущность дальнейшей работы в течение мучительного года Слащевско-Врангелевского террора, оправдать все жертвы и страдания небольшого сколка могущественной коммунистической партии, оставшегося во вражеском лагере, чтобы кровью и подвигами своими скрепить ряды рабочих Крыма в их напряженном стремлении навстречу великой свободной Советской стране.

. оШ.

Порывы и разочарования.

Отсутствие ясных задач, четких планов революционного действия—сводило работу первого периода Крымской организации к формам и целям старого дореволюционного подполья: связь с рабочими массами через кружки (ячейки), медленная, сосредоточенная пропаганда в узкой рабочей

среде, агитационные вспышки при помощи зажигательной прокламации, собирание революционной энергии. Отличалось нынешнее подполье от дореволюционного только более частыми предательствами изнутри, более тяжкими пытками в застенках полиции и раскачивавшимися на фонарных столбах трупами товарищей и рабочих; это делало работу сейчас более нервной, менее систематичной.

Но таким темпом развиваться в дальнейшем деятельность крымской подпольной организации не могла. Подмывало сознание: «Ведь, где-то близко все-таки пылает широкий революционный фронт, а за ним лежит огромное социалистическое государство и в нем бьется большая, исполненная коммунистического напряжения и пролетарской энергии, жизнь». Это сознание волновало, наполняло сердца работников жаждой действия и подвига.

Но фронт все же был далеко. Белые стояли у Тулы, у Орла. И не было ясных планов—были порывы, порывы отчаяния и бессилия. Тюрьмы переполнены, расстрелы и виселицы—повседневное явление.

(«Утром выйдешь на базар, а на столбе новый висит,—рассказывала одна старуха-хозяйка,—вчера с бородкой, чернявый, а сегодня помоложе, и двадцати лет не будет. Каждое утро так. Как афиши, каждый день новых вывешивали»...), разгул, разврат, издевательства над арестованными. Тюрьмы взывают к тем, что на свободе: «Спасайте..» А фронт далеко... а за фронтом большая социалистическая страна... И нет планов... есть вспышки гнева, ненависти, отчаяния...

А когда фронт стал стремительно накатываться на Крым, сразу же стало ясно, что надо делать, сразу определились формы борьбы, сразу сам собой выявился большой план вооруженного восстания в Крыму. До этого надо было широко использовать все силы, которым было по пути с коммунистической партией. Областком связался с южной группой анархистов-коммунистов, с анархистами-синдикалистами и с левыми эс-эрами (борьбистами). На совместном совещании был образован Ревком, который должен был руководить всей политической борьбой в Крыму. Ревком выделил оперативный штаб. Ему поручено было разработать план и в дальнейшем организовать вооруженное выступление против добровольческой армии. Вслед за этим ревкомами покрылся весь Крым, и они начали энергично подготовлять восстание. Оно должно было произойти в момент перед самым приходом в Крым Красной армии, дабы облегчить ее задачу.

Однако, подготовка восстания, начатая в момент перелома на фронте и стремительного отступления белых, затянулась и не могла развиться так быстро, как это было бы нужно, вследствие чего момент был упущен. Задачу организации могла бы облегчить общая обстановка—растерянность и паника, охватившие весь Крым в период поражения Деникина. Быстрое приближение красных войск, вызывавшее широкое наростание сочувствия у одних и животный страх у других, выбило почву из под ног крымских властей, и вернуть прежнее равновесие не могла даже передача судьбы Крыма в руки неунывающего Слащева. Воспользоваться создавшимися условиями, обратить симпатии трудовых слоев населения к Советской власти и энтузиазм рабочей массы—против своры генералов, взяточников, спекулянтов и жандармов—организация не успела. Между тем, первый момент замешательства прошел. Хлынувшая в Крым из Украины масса «безработных» штатских генералов, губернаторов, полицеймейстеров, штаб- и обер контр-разведчиков густо налегла на местные подпольные организации. Вся территория полуострова покрылась мрачной тучей ищеек и шпиков. При этих условиях,— при наличии плохой подготовки и недостаточной связи с деревней, при слабом использовании настроения рабочих масс, при отсутствии организованной поддержки со стороны добровольческих частей,— предприятие неминуемо должно было окончиться неудачей. Приостановление продвижения Красной армии у дверей Крыма, затем новые, на первый взгляд—успешные, попытки белых вылезть из крымской мышеловки и переменные удачи на фронте—способствовали упрочению положения Слащева и отягощению условий жизни подпольной организации в Крыму.

Восстание было неумело организовано. И не провалилось оно только потому, что не состоялось (вернее, не могло состояться). Основной недостаток в подготовке выступления тот, что организация строила его в расчете почти, главным образом, на собственные силы. Все отряды и дружины, имевшиеся будто бы в распоряжении оперативного штаба, (таково уже свойство всех этих подпольных боевых дружин) составляли загадочную, неизвестно кем сформированную организацию, спрятавшуюся даже для оперативного штаба под шапкой-невидимкой. Вполне, поэтому, понятно, что в момент, когда надо было осуществлять самый план восстания,— не оказалось тех сил, которые должны были выступать. И наиболее

показательными в этом смысле являются воспоминания тов. Леонова о ходе подготовительной работы в Севастополе. Надо отметить, что здесь военно-революционная работа подполья шла вообще по более правильному и широкому пути, чем в остальных городах Крыма.

По уверению тов. Леонова, работа по организации военных ячеек была выполнена блестяще. «На Северной стороне в артиллерии была создана организация—около 150 человек, могущих в нужный момент выступить с винтовками; два орудия находились в их распоряжении, и в колодце были спрятаны 2 пулемета; в артшколе, где находились офицеры, член военного комитета был фельдфебелем, и в нужный момент можно было овладеть их пулеметами и снаряжением. В флотском экипаже был создан морской комитет, имевший организацию из 30 человек, могущую выступить по приказу. На каждом судне была ячейка. Самая обширная была на дредноуте «Воля», переименованном в «Генерал Алексеев», состояла она из 30 человек. Дальше комитет связался с капитаном Макаровым, опальным адъютантом генерала Май-Маевского, которому предложили принять на себя руководство вооруженным восстанием и командование революционными силами. Капитан согласился и гарантировал, что втянет в движение массу недовольного офицерства».

Со стороны комитета тов. Леонов обещал дать силу в 200 человек, не считая рабочие и морские ячейки.— «Артиллерия находилась полностью в распоряжении комитета». Для последующих операций была подготовлена «Воля». Если при этом принять во внимание общее наэлектризованное состояние трудового населения в связи с быстрым приближением красных к Крыму,—перспектива восстания была как-будто самой благоприятной.

Но именно в последний момент оказалось, что для обеспечения успеха выступления надо было подумать о какой-то другой вооруженной силе, так как комитет, повидимому, и сам не верил ни в артиллерию Северной стороны, ни в артшколу, ни в «Волю», ни в недовольных офицеров Макарова. Леонов выехал в Балаклаву, чтобы «в двухдневный срок» сформировать отряд зеленых, но удалось сформировать лишь «бюро из 3-х человек», которое должно было в 7-дневный срок уже (а не в 2-дневный) создать отряд. Неизвестно, что создало бюро, так как тов. Леонов выехал обратно в Севастополь, и, по приезде туда оказалось, что и оперативный штаб весь арестован, и все планы восстания провалились.

Провал в Севастополе, конечно, был не случайный. Он определил судьбу подготовлявшегося восстания во всем Крыму. Оно не состоялось.

Но проделанная военная работа, хотя завершившаяся и большим провалом, все-таки отчетливо подтвердила возможность широкого ведения работы и в дальнейшем определила основные задачи подпольной организации.

Какие преследовал цели Областком, предпринимая восстание против Слащева? Свержение власти добровольческой армии и восстановление в Крыму Советской власти. На какие силы опирался Ревком, когда подготовлял выступление? Главным образом, на городские силы: на дружины, сформированные по образцу «пятерок», оправдывавших себя лишь в мелких террористических актах, но оказывавшихся совершенно негодными для более или менее серьезных операций, и на пассивность добровольческих властей. Конечно, это несколько недостаточно.

Ведь, надо знать, что представлял из себя Крым в этот период. Очень слабый и немногочисленный вообще, крымский пролетариат оказался после прихода деникинцев еще больше распыленным и деморализованным. Заводы бездействовали. Портовые рабочие при виде наплыва буржуазии оказались в самом водовороте спекулянтской жизни и, охваченные стремлением «легально пограбить» спекулянтов, втянулись в мещанскую торговую атмосферу и для революционной борьбы надолго выбыли из строя. Пускались в ход лишь те мелкие предприятия, которые не требовали большого ремонта и обещали скорую наживу, благодаря чему дело приходилось иметь не с заводскими пролетариями, а с ремесленниками, кустарями. При этих условиях вербовка в дружины должна была вестись почти исключительно среди членов партии и организации Комсомола.

Но мы уже видели, какова была коммунистическая и революционная закалка Крымской организации, состоявшей в большинстве из людей, пришедших в партию только в силу своего сочувственного к Советской власти образа мыслей, и ценность «коммунистических» дружин была, конечно, очень невысока. Таков был город. С деревней же Ревком не был связан вовсе. Что касается добровольческих частей, то при всей разложенности добрармии, рассчитывать на пассивность слащевских головорезов все-таки не приходилось. В такой обстановке затевать переворот—означало итти на безнадежное дело, на верную гибель всей организации. Это свидетельствовало

только о том, что Ревком и Областком руководствовались больше своими революционными хотениями, нежели реальным расчетом и действительными возможностями.

Это был, в конце-концов, основной вопрос всего деникинско-врангелевского подполья: каковы задачи подпольной организации при наличии Красной армии, решающей судьбу революции на фронте? Составляют ли эти задачи—поднятие вооруженного восстания и захват власти или организация должна рассматривать себя только, как подсобный орган Красной армии, действующий в тылу у противника. Опыт всех подполий периода 1917—1920 гг. показал, что в условиях революционно-полевой войны ведущейся регулярными армиями борющихся классов, возможность переворота в тылу у противника находится, главным образом, в зависимости от состояния фронта. Близость его всегда способствует повышению революционного подъема рабочей массы, которая, в своем стремлении скорее соединиться с пролетарской армией, выступлением в тылу и образованием параллельного фронта облегчает Красной армии задачу прорыва позиций наших противников. Так было в Донбассе, так было в некоторых других пролетарских пунктах Украины. Но такие выступления завершаются удачами лишь при наличии основного условия: близости фронта в период наступления красных войск и двух других тоже очень важных условий—наличия тесной связи организации с рабочими массами и влияния организации среди частей противника. При отсутствии этих условий всякие планы вооруженного восстания почти утопичны.

В ряде городов Украины такие восстания—«бунты отчаяния»—были для выступавших организаций самоубийством. Ставить себе в этой обстановке широкие задачи низвержения режима противника и восстановления Советской власти—нельзя.

Задачи подполья, таким образом, сводятся к роли отряда Красной армии, действующего в тылу у врага более осторожными методами, чем на фронте, при чем все действия отряда должны быть направлены, главным образом, на облегчение задач Красной армии.

К этому выводу пришла и Крымская организация после блуждания в различных планах, предприятиях и устремлениях,—после горьких разочарований, тяжелых жертв и жесточайших предательств.

IV.

Среди предательств и садизма.

На одном предательстве, наиболее характерном и тяжелом, надо остановиться. Подполье всегда рождало провокаторов, Деникинско-Врангелевское—особенно. Украина насчитывает в числе провокаторов, активно работавших в деникинских контр-разведках, членов партии, при Советской власти занимавших посты председателей Исполкомов. Крым знает не менее яркие факты. Что касается отдельных выдач, перебежек и доносов—из-за денег, из-за страха, по малодушию,—то их было очень много, и на них нет возможности останавливаться. Здесь надо только отметить, что подпольная организация не осуждала товарищей, выдававших под пытками квартиры и явки отдельных работников. Их было очень мало,—тех, что могли переносить физические страдания. Пытки, применявшиеся в Врангелевских застенках, были настолько утонченными, что перед ними бледнеют все приемы царской охранки. Наиболее легкими пытками было втыкание иголок под ногти и подвешивание за волосы. Сжимание мышц при помощи особых клещей, выворачивание ног—одна к лицу, другая к затылку, «шомполизация», прижигание пяток, «подкуривание» и прочее—все это применялось в определенном порядке до тех пор, пока у пытаемого не «развязывался язык».

Товарищи, вырвавшиеся живыми из Деникинского подполья, знают немало случаев гибели наиболее крепких духом и слабых здоровьем коммунистов. И тех товарищей, которые при «поджаривании» не выдерживали и называли известные им имена,—организация не клеймила: они погибали на фонарном столбе или в подвале контр-разведки рядом с теми, чье имя они называли.

Среди оставленных для работы в подполье Крыма, в качестве членов Областкома, был Аким Ахтырский (Мартьянов). В первые месяцы работы его не было. Организация недоумевала по поводу его исчезновения, так как у него были оставлены большие суммы денег и прочие материальные средства, необходимые для подполья. Кроме того, он один знал наиболее важные явки. В середине октября Ахтырский неожиданно появился в организации и в качестве члена Областкома стал фактически руководить деятельностью Крымского подполья. Другие

члены Областкома, также активные работники, не мешали Акиму в его работе, тем более, что его действия не расходились с основными постановлениями и планами Областкома. В то же время, требуя от всех сугубой осторожности, Ахтырский сам очень слабо законспирировался. Вскоре произошел один провал, за ним другой. Было очевидно, что предательство идет изнутри, но никто не мог предположить, что провокация идет из самого Областкома. Установить это удалось лишь впоследствии, когда была разгромлена почти вся организация. Спаслись лишь члены Областкома и некоторые члены местных комитетов.

Выдал Ахтырский,—выдал не под пыткой (он не был арестован), выдал по холодному расчету, в исполнение задания, полученного от контр-разведки, в которой он служил.

Трудно по имеющимся у нас материалам установить, по чьей причине было сорвано восстание в январе 1920 г.— по вине Ахтырского или другого провокатора, и в частности, — кто предал Севастопольский оперативный штаб в момент, когда он уже начал непосредственно руководить подготовленным выступлением. Но надо полагать, что если прямо не установлен предатель, то все-таки арест штаба произошел не без участия Акима, который, как потом выяснилось, поставил себе задачей—выдать всю организацию. При аресте Севастопольского оперативного штаба были задержаны девять человек (из них четыре совершенно непричастных к организации). Все они подверглись мучительным истязаниям. Полуживые, доставлены были они на крейсер «Кагул», где в ту же ночь состоялся военно-полевой суд. На следующую ночь арестованные товарищи были свезены на берег. Здесь их расстреляли, а трупы бросили в море.

Дело Севастопольского оперативного штаба известно, как дело 9-ти. А сколько таких дел «9-ти», «10-ти», «25-ти» и других четных и нечетных цифр насчитывает каждый городок Крымского полуострова, этой «жемчужины царской короны», которая усилиями пьяного Шиллинга и кровожадного Слащева уже после первых дней царствования деникинцев превратилась в кроваво-красный рубин!

Почти сейчас же, вслед за арестом и расстрелом 9-ти, начались вновь массовые провалы во всем Крыму. В одном Севастополе было арестовано «по делу о предполагаемом восстании» (как писали газеты) 36 человек. Военно-полевой суд в Севастополе для «удобства» слушания дела разбил всех арестованных на группы, соответственно «родам их деятельности». Особенно характерно дело первой группы –

«10-ти». Об этом процессе стоит рассказать подробнее, так как он ярче других освещает нравы белогвардейщины и условия работы Крымского подполья.

Дело началось слушанием в Севастополе, в военно-полевом суде, в 2 часа дня 22 марта 1920 г. и закончилось на следующий день, на рассвете. Слушалось оно при напряженном внимании к нему не только рабочих масс, но и либеральной и демократической общественности. То-и-дело делегации от разных групп являлись к градоначальнику, хлопоча о смягчении участи. Судом трое были приговорены к расстрелу, двое к 10 годам каторги, пять человек оправданы. Комендант крепости, генерал Турбин приговора суда не утвердил, опасаясь «осложнений» в рабочих кругах. Он собирался передать дело на новое рассмотрение военно-морского суда, где были бы допущены защитники и свидетели.

Когда об этом узнал генерал Слащев, он тотчас же приехал в Севастополь из своей ставки в Джанкое, взял ночью всех 10 обвиняемых по делу о подготовке восстания и несколько непричастных к делу человек и увез их с собой в Джанкое где, по уверению газет, они должны были быть преданы вновь суду. Севастопольские рабочие об этом узнали на следующий день, после того когда меньшевистскому Совпрофу было отказано в приеме пищи для осужденных и когда градоначальник генерал Турбин предложил обратиться в контр-разведку, так как дело передано не военно-морскому суду, а военно-полевому. Начальник тюрьмы сообщил тогда, что все арестованные по делу 10-ти увезены в 1 час ночи в Джанкое. Градоначальник Турбин объяснил после этого, что он тут бессилен что-нибудь сделать.

Взволновавшиеся рабочие требовали от Совпрофа, градоначальника и думы решительных действий. Посылались телеграммы: Слащеву, Шиллингу, Деникину, председателю совета министров Мельникову.

Событие это совпало с отступлением деникинцев из Кубани и эвакуацией «правительства» в Крым. Прибывший в Севастополь Мельников был подробно посвящен в дело и решил (вернее решился) лично переговорить по проводу с виновником события—Слащевым. Разговор этот передаем здесь в том виде, в каком его потом официально опубликовал в печати сам ген. Слащев:

«Передаю мой разговор с председателем совета министров Южно-Русского правительства:

Мельников: «Здравствуйте ваше превосходительство. Мне необходимо переговорить с вами по спешному делу. Совет

министров, прибывши вчера в Севастополь, был осведомлен о том тревожном положении, которое создалось в городе в связи с вывозом отсюда десяти заключенных, преданных военно-полевому суду. Прекрасно понимая границы своей компетенции в отношении власти военной, правительство вместе с тем озабочено спокойствием в тылу, считая такое спокойствие необходимым прежде всего для фронта.

Правительство в этих видах и в целях установления везде и всюду законности, которую совет министров кладет в основу своей деятельности, считает крайне необходимым, чтобы дело о 10 заключенных было рассмотрено в условиях, обеспечивающих соблюдение законной гарантии. Прошу вас в интересах общего дела, интересах успеха борьбы с большевизмом, в целях укрепления в населении доверия к власти, военной и гражданской, не допустить чего-либо не правомерного.

Мы сомневаемся в возможности передавать на разрешение военно-полевого суда дело, которое уже было таким судом рассмотрено, и считаем, что снова рассматривать дело мог бы только суд военно-морской или корпусный. В городе распускаются слухи, очевидно, провокационные, очень волнующие рабочих, о том, что будто бы все увезенные уже расстреляны. Рабочие избрали делегацию в числе семи человек, которые желают приехать к вам. Прошу, ваше превосходительство, сообщить о ваших предположениях в направлении этого дела, а также о судьбе арестованных и о том, нужно ли делегации выехать к вам. Я кончил и жду ответа».

Ген. Слащев: «Здравствуйте, ваше превосходительство. Приветствую ваш приезд в Крым и сообщаю: никогда ничего против совместной работы с комитетами и их союзами не имел, но предатели России живыми не останутся. Фронт будет диктовать тылу, а не тыл фронту. Десять прохвостов расстреляны по приговору военно-полевого суда, и сегодня утром нами взята Чаплинка и Преображенка, масса пленных и трофеев.

Я только что вернулся оттуда и считаю, что только потому в России у нас остался один Крым, что я расстреливаю подлецов, о которых идет речь. Если рабочие Севастополя не честные русские люди, за которых я их считал, то могу приехать и дать объяснения.

Все. Больше ничего сказать не могу. До свидания».

Мельников: «Честь имею кланяться».

Слащев: «И добавляю, что всегда буду считать своею обязанностью, покуда командую, от имени войск не раз-

решать тылу диктовать фронту и проведу свою мысль во что бы то ни стало. Слащев».

Что это? «Вино власти»? Самодурство? Военно-административный садизм? Кто он, Слащев? Маниак? Дегенерат? Кто бы он ни был,—прежде всего—это система. Что Слащев—не исключение, что таков метод борьбы с большевизмом, видно из следующей телеграммы, потом присланной Шиллингом генералу Турбину в ответ на его жалобу.

«Действия генерала Слащева в отношении десяти арестованных в Севастополе признаю и считаю правильными. Шиллинг».

Не беда, что «совет министров» думает иначе. Совет министров, который мыслит иначе, чем Слащев, который смеет говорить о «соблюдении законной гарантии», о «недопущении чего-либо неправомерного», о «законности»,—такой совет министров—неблагополучен по большевизму. И не даром этот совет министров оказался вскоре распущенным.

В конце-концов, что исключительного из себя представляло дело 10-ти? Незаконный расстрел? «Несоблюдение законных гарантий»? Или принципиальный спор о границах компетенции власти военной и гражданской, что одинаково подчеркивали и Мельников и Слащев. Министр внутренних дел Зеелер запросил Шиллинга,—который был не только командующим «Новороссийской» группой, но и главноначальствующим областью и, в качестве такового являлся подчиненным министру внутренних дел,—чем руководствовался Шиллинг, когда признавал действия Слащева правильными в то время, как «закон говорит обратное». Тот резонно ответил: «Я не юрист. Сейчас я не могу вам дать ответа, но, если угодно, наведу об этом справки у юристов».

Дело, очевидно, не в юридических «тонкостях», если Зеелер вместе со всем правительством полетел вверх тормашками, главным образом из-за того, что он добивался юридической ясности. Дело в том, что процесс 10-ти был грубо сработан. Это была, что называется, нечистая работа,—плохо сработанное дело,—поэтому оно и вызвало больше разговоров чем следовало. Что, собственно, произошло? Расстреляно десять большевиков. По какому случаю шум! Есть невиновные? Это свидетельствует только о слабонервности совета министров. Никуда такой совет министров не годится.

Проездом через Вознесенск Слащев расстрелял 18 человек. (Слащев оставался в Вознесенске всего лишь несколько часов) и—ничего, никакой по этому поводу гре-

воги среди гражданских властей не было: «фронт диктует тылу».

В день приезда в Николаев Слащев расстрелял 61 чел. Среди них не было ни одного члена «раскрытой» подпольной организации—что за беда! Зато эффект какой! А городское самоуправление чествовало генерала банкетом.

Здесь же даже комендант крепости генерал Турбин оказался мямлей, поддался влиянию рабочих, «общественности» и стал тоже проявлять повышенную нервозность. Между тем, ему, градоначальнику и коменданту крепости, небезызвестно, что при всем «несоблюдении законной гарантии» дело 10-ти было обставлено гораздо большими «гарантиями правосудия», чем десятки дел других «десяток», которые расстреливались «оптом», просто по резолюции Слащева на каком-либо доносе.

Если дело дошло до того, что рабочие Севастополя объявили 3-х дневную забастовку протеста, что даже меньшевистское болото всколыхнулось, — то это только потому, что тыл «распустил нюни». Между тем, Слащев взял Чаплинку и это—потому, что он «расстреливает подлецов» и «провокаторов». Как этого не понимает генерал Турбин? В самом деле... Слащеву даже пришлось специально объяснять в газете бестолковому «тылу» эту связь между расстрелом десяти и Чаплинкой:

„В № 185 газеты „Юг“, 12-го сего марта, помещена статья „Вторжение в судебную сферу“. Составителям советую ее прочесть и подумать, не придется ли ее переименовать „вторжение большевиков в Крым“.

Дальше помещены статьи: Дело десяти“. „Вмешательство рабочих“, „Генералу Слащеву“, в которых красною нитью проходит идея о беспокойствии рабочих за арестованных мною предателей.

Отвечаю: 1) Дело не 10, а 14 разобрано судом от фронта. 2) Рабочие ко мне не обращались. 3) Я беспокоился о судьбе Крыма с находящимися в нем семьями, за которых отвечаю перед родиной и своей честью, и потому одновременно разбил противника и утвердил приговор о расстреле предателей. Слащев. Джанкой, 13 марта, № 30834“.

Провалы подпольных организаций продолжались, и больше всего их приходилось на долю Севастополя и Симферополя. Провалы бывали такими обширными, что захватывали иногда и Областком. Так, в апреле месяце был замучен член Областкома Петр Крушин. Было очевидно, что на ряду с пытками, дававшими контр-разведке вынужденных провокаторов, содействовали расширению

сферы провалов и внутренние предательства. Из числа известных дел, которые не тушились в застенках контр-разведки «домашними средствами», а свершались под покровом ночи при обеспечении «гарантий» военно-полевого суда,—перечислим некоторые.

Дело 18-ти, арестованных в поселке Бартеньевке по обвинению в покушении на взрыв моста (из них реасстреляны: Лакотта, Рябов, Торговицкий, Кряжев и Саенчук). Дело 28-ми по обвинению в принадлежности к большевизму (из них расстреляны: Юртаев, Афалов, Мезин, Левченко, Айзенштейн, Мишка, Улитов, Никотин, Свентицкий, Румянцев; Старосельский, Цыганков). Дело тральщика «Чурубаш» (расстреляны матросы Яценко и Гулиев)... Много их, очень много дел, тайну которых ревниво оберегает черная южная ночь. Это те несколько страничек из истории борьбы нашей партии против генеральско-помещичьей реакции в Крыму, которые случайно удалось вырвать печати из тьмы мрачной деятельности военно-полевых мясорубок Крыма.

Были и другие жестокие провокации, и одна из них, приведшая к провалу общекрымского партийного съезда в Коктебеле (около Феодосии), когда контр-разведка предполагала, очевидно, взять всю организацию, но добилась лишь гибели одного участника съезда тов. Ильи,—имела последствием то что подпольная Крымская организация как объединенная и по единому плану действующая сила, фактически перестала существовать. И было это именно тогда, когда больше, чем во все время ее существования, укрепилась внутренняя связь организации и больше, чем когда бы то ни было, стали ясны задачи подполья.

V.

Другие партии.

Коммунистической партии в Крыму пришлось всю тяжесть работы вынести на себе. Она была главным объединяющим и организующим все элементы подполья центром, вследствие чего она же была и главным объектом внимания и усилий контр-разведки. Она понесла больше жертв, чем другие политические организации Крымского подполья, не потому, что была численно больше (если бы можно точно подсчитать число замученных, растрелянных и повешенных во время Деникинщины и Врангелевщины и составить сравнительную в процентах таблицу, то высший

процент составят беспартийные, за ними коммунисты и затем члены других партий), а потому, что главным образом, коммунистическая партия приковывала к себе взоры всех шпиков, и, уйдя в подполье, сильно разбухшей после полугода легального существования в качестве правительственной партии, выделила бо̀льшее число провокаторов, нежели другие партии. Коммунистическая партия руководила всей жизнью подполья, но при этом не отказывалась от сотрудничества других партийных организаций и группировок, поскольку их стремления соответствовали задачам нашей партии в борьбе с Деникиным и Врангелем.

Та тактика, которую теперь усвоили и применяют в отношении Советской власти все враги рабочего класса— «Чем хуже, тем лучше», в борьбе с противником не брезговать никакими средствами,—является совершенно естественной тактикой для подполий обоих лагерей в условиях ожесточенной гражданской войны. Цель—победить врага в каком угодно бою—открытом, внезапном, из-за угла,— освящает все средства, и не знали, не понимали своих задач те организации, которые во имя чистоты принципов партии на Украине отказывались использовать петлюровские партизанские отряды для разложения тыла добровольцев в период, когда Деникин стучался в ворота Москвы.

Раз эти петлюровские отряды могли хоть чем-нибудь облегчить задачи Красной армии, раз они в осуществлении своих шовинистических целей шли по пути, который путал задачи добровольческого командования и тем самым способствовал не то, что самой победе, Красной армии, а хотя бы только ее ускорению,—наши большевистские принципы остава́лись совершенно незапятнанными, когда мы широко использовали эти отряды для порчи путей, взрыва поездов со снарядами и оружием, уничтожения складов с огнеприпасами, которые должны были быть пущены против большевиков.

Вполне, поэтому, правильно было не только то, что, для проведения военной работы Областком признал возможным создать Ревком с представительством от всех наличных советских партий, но также и то, что он попытался использовать и внутри белогвардейские разногласия и группировки—и в частности «орловщину»—для наших революционных целей.

При конструкции подпольных ревкомов Крымская подпольная организация руководствовалась тем соображением, что в них нужно объединить «все революционные группы и организации, которые хотят и способны вести активно-революционную борьбу с властью добровольческой армии».

Первыми связались с Областкомом Южная группа анархистов-коммунистов, и группа анархо-синдикалистов. Областком предложил им принять участие в организации ревкома на условиях подготовки вооруженного восстания и действенной борьбы с деникинским режимом для облегчения прихода Красной армии, при этом за нашей партией были обеспечены следующие места в Ревкоме: председатель и секретарь Ревкома и начальник оперативного штаба. Одновременно удалось связаться с левыми эсерами-борьбистами, которые тоже ввели своего представителя в Ревком.

Впоследствии, в связи со спором из-за числа мест в Ревкоме, борьбисты отозвали своего представителя, хотя не прекращали совместной с Ревкомом работы.

Что касается меньшевиков, то отношение к ним определялось тем официальным положением, которое занимали они, как партия легальная, возглавлявшая все профессиональные союзы и «общественные» организации. Уже с первых дней прихода деникинцев в Крым, меньшевики сразу объявили себя лойяльными по отношению к добровольческим властям, подчеркивая при этом, что они стоят на точке зрения демократической республики и обещая не муссировать эту идею в противовес конституционно-монархическим взглядам Струве и зоологически-черносотенным вожделениям Шульгина, поскольку Колчак декларировал «национальное собрание». Лозунг «единой, неделимой» не встречал возражений на столбцах меньшевистских газет, хотя, правда, и не особенно раздувался. Зато, взяв лояльный курс, меньшевистские газеты всемерно стремились укрепить свои легальные позиции и снискать доверие начальства. Начали они с того, что открыли жесточайшую травлю против Советской власти и, надо им отдать справедливость, делали это лучше, чем черносотенная печать. В их статьях была такая слепая, хищная враждебность к пролетарской революции, какая может быть только в сердцах ренегатов и предателей рабочего класса. Они отравляли, оплевывали, душили лучшие революционные чувства пролетарских масс, но делали это умело, прикидываясь друзьями рабочего класса —так, как могут это делать только хитрые, тонко изучившие свою жертву провокаторы.

Деникинцы их сразу оценили. Они поняли, что лучшего средства держать в повиновении рабочую массу, лучшего способа ее разложить, деморализовать, обессилить, обескровить, как класс, нежели с помощью меньшевиков—этого коллективного, собирательного Гапона,—и не придумать.

Если бы их не было, их надо было бы выдумать для борьбы с большевизмом внутри самого рабочего класса.

Даже головотяп Слащев и тот сообразил, что он должен «никогда ничего против совместной работы с комитетами и их союзами не иметь». Помилуйте, чего удобнее: меньшевики представляли в «комитетах и их союзах» рабочий класс, они всюду говорили от имени рабочих, в своих газетах выражали волю рабочих... не удивительно разве, что воля рабочих так странно совпадала с намерениями генерала Слащева?

Меньшевики сами говорили от имени рабочих... они учили рабочих говорить их предательские речи, мыслить их изменническими мыслями, жить их иудиными душами. Когда Слащев расстрелял в Джанкое «десятку», (которая, как впоследствии оказалось, состояла из 14 человек), меньшевики заставили рабочую делегацию, поджидавшую председателя совета министров Мельникова на лестнице телеграфа, сказать те слова, которые по глубокому убеждению меньшевистских вождей, приличествовали случаю:

«Мы всегда были противниками большевиков, — теперь нас прямо толкают к большевикам».

Это были смело сказанные слова, которые, однако, следовало забыть сейчас же, как только они были произнесены,—особенно вторую часть фразы, которая была так же верна, как неправдива была первая. Не дать воли прорывающемуся наружу революционному чувству—составляло беспрерывную заботу меньшевиков.

Незаконный расстрел четырнадцати по случаю взятия Чаплынки вызвал грозное негодование всего рабочего Севастополя. Была объявлена 3-х дневная забастовка протеста. Дело могло принять грозный для Слащева и слащевщины оборот, и меньшевики поторопились взять «руководство недовольством» рабочих в свои руки, дабы скорее его потушить. Во главе забастовки сейчас же стал Совпроф, который, строго отсчитав три дня стачки, принялся энергично заминать то, что было, не давая разростись возмущению рабочих, убеждая их, что «так случилось». Кто старое помянет, тому глаз вон. Надо браться за работу.

Меньшевики имели в своих руках профсоюзы и городские думы. Профсоюзы были у них все время—еще до прихода Деникина. Во время пребывания в Крыму Советской власти перевыборов правлений произвести не успели,—таким образом, с уходом красных меньшевики сделались единственными «представителями» рабочего класса. В переходный промежуток времени, после оставления красными войсками Крыма и до прихода белогвардейцев, мень-

шевики в наиболее крупных центрах, в лице Исполкомов профсоюзов, оставались властью. Для поддержания порядка. Они вооружили буржуазию (через домкомы) и в ожидании своего хозяина принялись подготовлять ему встречу. Однако, севастопольский Совпроф проделал эту работу не совсем успешно. Так, к моменту вступления в город первого деникинского отряда под командой лейтенанта Спаде, на Нахимовской площади еще стояла красная арка с Советской эмблемой. Лейтенант приказал представителям меньшевистской власти собственноручно убрать арку, и это было тут же исполнено. Вслед за этим меньшевики торжественно передали власть лейтенанту Спаде, который сейчас же приступил к обыскам и арестам.

Передав власть ставленникам «командования вооруженными силами Юга России», меньшевики добросовестно выполняли свою миссию агента генеральской реакции при крымском пролетариате. Это была трудная роль. Хозяин был грубый, неотесанный самодур, ежеминутными грозными окриками, а иногда и солидными пинками не дававший сосредоточиться на деле околпачивания рабочих масс. Меньшевикам постоянно приходилось бить поклоны то градоначальнику Турбину, то командующему корпусом Слащеву, то главноначальствующему «Новороссийской» области Шиллингу, то самому Деникину—по различным поводам, а больше всего по поводу арестов рабочих, которые, как известно уже, «всегда были противниками большевиков» и которых сама власть «прямо толкает к большевикам». Идейные противники смертной казни (Грузия не в счет), они энергично возражали, когда среди приговоренных или арестованных бывали меньшевики, взятые по недосмотру вместе с общей массой рабочих, и благодушно молчали, когда осужденные оказывались подлинными коммунистами. Эти постоянные поклоны начинали надоедать превосходительственному господину, и он сделался немилостив в отношении назойливого в своей послушности слуги...

С другой стороны, начинали понимать меньшевиков и рабочие. Одно за другим стали выявляться предательства профсоюзовских деятелей. Рабочие начали открыто выражать свое недовольство меньшевиками. Даже распыленные, полупролетарские и полуремесленнические элементы стали естественно тяготеть к лозунгам коммунистической партии и мечтать о скорейшем избавлении их Красной армией от опеки добровольцев и соглашателей. Меньшевики обанкротились в глазах рабочей массы, обанкротились и в глазах генералов.

«Деникинцы взяли от меньшевиков все, что они могли дать, а когда увидали, что социал-приказчики окончательно потеряли кредит в рабочих кругах,—решили, что с меньшевиками можно покончить. Было ясно, что правые социалистические партии больше ни на что уже пригодиться не могут. Если до сих пор они еще нужны были для «общественного мнения» Европы, для рабочих Запада, наконец, для миссий держав, поддерживавших Деникина ради его «демократической» программы,—то забастовки, протесты и открытое возмущение рабочих, с которыми меньшевики и правые эс-эры не в силах были справиться, утвердили давно уже тяготившихся своими неудачливыми попутчиками генералов в убеждении, что «из ничего— ничего и не сделаешь». И они стали разделываться с меньшевиками.—Начались аресты.

20 марта 1920 г. в Севастополе были арестованы: бывш. городской голова В. А. Могилевский, председатель Крымпрофа и севастопольского Совпрофа И. Н. Конторович, тов. городского головы И. С. Пивоваров, председатель союза торгово-промышленных служащих М. А. Пескин (все меньшевики) и гласный севастопольской думы А. В. Некрасов (с.-р.). Затем вообще участились аресты членов соглашательских партий. Наряду с этим посыпались репрессии: был закрыт клуб имени Плеханова, прихлопнута меньшевистская газета «Прибой». Арестован был меньшевик Либин, который участвовал в совещании по рабочему законодательству при ставке Деникина. Был провокационно убит городской голова гор. Балаклавы—меньшевик Гринберг. В то же время белое командование пыталось добиться непосредственного влияния на рабочих путем привлечения их к прямому участию в работах «Особого совещания при командовании вооруженными силами Юга России».

Но рабочая мысль уже билась вне влияний правых партий. Революционные чувства рабочих не в силах были сдержать умеренные вожди из профессиональных организаций, которые к тому же и сами начали нервничать, так как стали подвергаться преследованиям со стороны неуравновешенного властелина. Забастовки стали обычным явлением. Бастовали по случаю арестов, бастовали по случаю вывоза сырья и металлов, бастовали по случаю расстрелов, бастовали по случаю реквизиции типографских машин. Потеряв доверие к профсоюзам, рабочие стихийно рвались из-под гнета деникинщины... Достаточно было даже приближения Махно, чтобы рабочие заволновались и обратились к своему испытанному, освя-

щенному историей всего пролетарского движения в России, средству борьбы с генеральским абсолютизмом—всеобщей забастовке. И лишь разгром коммунистической организации и неподготовленность воинских частей помешали вылиться боевым настроениям рабочей массы в открытое вооруженное восстание.

Возбуждение рабочих сильно взволновало власти предержащие. Севастопольский градоначальник ген. Субботин даже счел за благо выпустить специальное обращение к рабочим, в котором убеждал их пред лицом Махновской опасности не итти на разрыв с добровольческой властью.

„Выступление рабочих в ту минуту, когда усилия всех должны быть обращены на поддержание порядка и общественной безопасности и спокойствия, подорвет к ним доверие руководящих кругов Добрармии и на пользу им не послужит. В минуту испытания не время каким-либо забастовкам; все недоразумения должны разрешаться путем соглашения и взаимных уступок".

Настроение рабочих не могло не взволновать и меньшевистских деятелей профсоюзов. Настроения эти шли мимо союзов,—рабочие массы в своем революционном порыве переросли профсоюзы. Даже по поводу ареста меньшевиков Могилевского и Конторовича—рабочие выносили открыто большевистские резолюции, так, что отдел пропаганды «Особого совещания» при главнокомандующем в сводке своей сообщал встревоженно о митинге рабочих в Севастополе, принявшем резолюцию—«государственную власть не признавать, вести с ней борьбу, не разбираясь в средствах и способах, предоставив избранным лицам всю полноту партийной власти».

Обеспокоенные профсоюзы слали телеграммы во все концы полуострова и терлись во всех передних у власть имущих, стараясь использовать раздражение рабочих для облегчения положения арестованных меньшевиков.

„Возбуждение севастопольских рабочих,— заявляли они в телеграмме,—с трудом сдерживается профессиональными организациями. Вследствие нашего телефонного сообщения, представители местного совета профсоюзов гарантируют спокойствие в городе, если все задержанные будут освобождены и невредимо доставлены в Севастополь не позже 2 час. дня 19 февраля".

Состояние рабочих масс было таково, что даже генерал Слащев сделал уступку и допустил случай, когда «тыл диктовал фронту». При этом, правда, генерал остался ве-

рей своему мальчишески-помпадурскому величию. В ответной телеграмме своей он писал:

„Глубоко поражен вашей телеграммой, что значит — невредимы, раз я сказал, что рассмотрю их дело. Ваша телеграмма рисует только подобие условий, чего от вас никто не спрашивал. Поражаюсь, что профессиональные союзы с трудом удерживают волнения рабочих. Неужели они так далеко стоят от них, что преступления отдельных лиц могут поколебать положение избранников.—Если избранники настолько слабы, то я берусь переговорить с рабочими, так как твердо уверен, у них здравый смысл возьмет верх над всякой провокацией. Мое мнение остается прежним. Как доказательство желания работать с общественными организациями, я хотел сделать любезность и подчеркнуть свое доверие освобождением арестованных, если избранники рабочих поручатся мне за спокойствие в Севастополе и Симферополе, что мне было нужно для твердости фронта. Я объявил на заседании в Симферополе, что не позволю, покуда жив, красным взять Крым, но также не позволю тылу ставить условия фронту. Надеюсь, вы поняли мысль и мои условия, т. е. при вышеуказанной гарантии я, как знак своего доверия и желания работать с вами, прощу виновных".

Впоследствии был выработан специальный договор, основным условием которого было: «*Руководители общественных организаций Севастополя и Симферополя заверят, что не примут до 1-го марта участия в выступлениях против фронта, а в случае таких выступлений их руководители честно явятся к генералу Слащеву или удалятся из города в знак своей непричастности к выступлению*»[1]). Арестованные меньшевики с большой готовностью приняли это условие, так как в их задачи входило не поднимать восстание, а всемерно ему препятствовать. Они были освобождены.

А рабочая масса, окончательно порвавшая со своими правыми вождями, искала выхода своему революционному чувству, но лишенная коммунистического руководства, не могла концентрировать своей энергии, и ее революционная воля оставалась распыленной, не использованной. Внутренние предательства в коммунистической организации не давали собрать эти революционные стремления рабочих масс, и силы их растрачивались зря.

А соглашатели, изолгавшиеся в своей меньшевистской правде, растеряли свои позиции и у добровольцев, и у рабочих. Они не могли сделаться верными агентами Де-

---

[1]) „Крымск. Вестн." № 41, от 7 февраля—20 г. См. истор. отд.

никинского правительства, приставленными к рабочему классу, и не могли подняться на высоту революционного порыва пролетарских масс. А потому—остались жалкими, задерганными, одинаково презираемыми и революцией, и реакцией.

Наиболее честные, наиболее смелые, наиболее зрячие увидели в опыте крымских трагедий всю преступность своей промежуточной тактики, где в смертельной схватке сошлись два исторически враждебных друг другу класса, и отшатнулись от своего прошлого. Наиболее революционные из меньшевиков откололись от Крымской организации и образовали группу с.-д. интернационалистов, которая безоговорочно стала на позицию диктатуры пролетариата, связалась с коммунистической организацией и в Ревкоме, куда она ввела своего представителя, окончательно связала свою судьбу с судьбой всего революционного подполья Крыма.

VI.

Перед приходом красных.

5—7 мая (22—25 апреля ст. стиля) 1920 г. был созван в Коктебеле областной партийный съезд, состоявшийся на грани двух периодов жизни и работы крымского подполья. Съезд подсчитал все свои победы и поражения за прошедший год Деникинщины, учел весь опыт проделанной работы, изучил все причины своих неудач и успехов и на собранной суммированной практике прежней деятельности построил широкий план дальнейшей борьбы с добрармией. Съезд убедился в невозможности в данных условиях произвести переворот, с целью захвата власти. Красная армия, задержавшись на перешейках, почти не делала попыток продвинуться в Крым. Связавшись с Харьковым, а затем с Москвой, организация начала, наконец, получать средства и директивы. Эти директивы, рассчитанные на более или менее продолжительное время, делали еще более ясными задачи подполья. Они исходили, правда, не от партийного центра, а от военного и, в силу обстановки борьбы на фронтах, носили чисто военный характер. Вследствие этого основной путь деятельности организации был совершенно очевиден: не переворот своими силами, а содействие Красной армии изнутри расположения добрармии.

Это ставило пред организацией задачу — не прерывая связи, а наоборот, всемерно укрепляя ее, совместно с рабочими массами перенести весь центр тяжести деятельности организации в военную работу. До сих пор вся работа велась в городах,— в профсоюзах, на заводах и кое-где среди добровольческих воинских частей. Это было в тот период, когда подготовлялось вооруженное восстание, которое должно было начаться одновременно во всех городах Крыма и в первую очередь—в Севастополе и Симферополе. Как известно, провал севастопольской организации предупредил выступление в Симферополе и во всем Крыму, а приход отборных офицерских частей из Украины и Юга России делал уже неосуществимыми расчеты на успешное выступление, поэтому от него пришлось отказаться. Но это означало, конечно, не отказ вообще от военной работы, а лишь перевод ее на другие рельсы. Коктебельский съезд формулировал эту работу, направленную к «ослаблению мощи добровольческой армии и помощи Красной армии на затянувшемся крымском фронте». А это означало—перенесение всей работы в деревню, в горы, в лес.

Деревня горела ненавистью к врангелевцам. Она была насыщена революционным электричеством. Использовать это внутреннее напряжение деревни для организации повстанчества и отдельных военных операций было чрезвычайно легко. Умелый подход—не всегда под коммунистическими, но под большевистскими лозунгами, всегда—гарантировал полный успех предпринятой операции. А военные операции подполья должны были быть обращены на «ослабление мощи добровольческой армии», т.-е. на расстройство тыла, на создание «внутреннего фронта», на широкое развитие повстанчества для согласованных действий с Красной армией. В то же время следовало использовать все те меры и средства, какие уже и раньше применялись и оправдали себя в военной работе. Умело примененная для задержания или взрыва поезда с военным имуществом пироксилиновая шашка, хорошо составленный и во-время пущенный в ход провокационный приказ войскам или населению, поднятая перед выступлением на фронт в добровольческом полку «буза» или «волынка»,—все это одинаково ценно, и лишь дополняет методы работы по разложению тыла.

Эти способы уже применялись и раньше в военной деятельности подпольной организации. Крымскими газетами зарегистрирован целый ряд покушений на взрыв железнодорожных мостов, разрушение путей и проч. Под-

рывная работа шла не совсем успешно и не сумела развиться, вследствие ареста всего подрывного отряда в деревне Бартеньевке, около Севастополя. Все же ряд ж.-д. мостов был взорван, вследствие чего вышла задержка в снабжении фронтовых частей; был также взорван паровоз поезда Слащева—не вполне, впрочем, удачно; были взрывы и отдельных жел.-дор. стрелок.

Более успешно действовала подпольная литература. О создании областного Ревкома было объявлено особым приказом № 1, который был «камсой»[1] (Комсомолом) расклеен на улицах всех городов и вызвал большой переполох среди добровольческих частей.

Тов. Бабахин в своей брошюре «Крымское подполье» рассказывает: «Один из приказов, попавший в Алушту, создал там такую панику, что местные власти сели на пароход и запросили Севастополь, куда надо бежать». Не малую сумятицу в умах добровольческих частей вызвало также обращение к Врангелю бывшего адъютанта Май-Маевского—капитана Макарова, группировавшего вокруг себя для военно-стратегических целей зеленые отряды.

„Сумасшедший стратег",—писал он в своем обращении, которое было широко распространено среди солдат и офицеров врангелевской „Русской армии",—„воображаю ваше самочувствие, когда вам доносят об отрядах зеленых, которые заставляют вас оглядываться и зорко смотреть на недоступные для вас горы Крыма. Вы выкраиваете с фронта лучшие части войск и посылаете их для борьбы с „бандитизмом". Действительно, „наглость" зеленых переходит всякие границы, они объявляют леса Крыма на военном положении, не дают ни одного полена дров, не пропускают поездов, отрядов" Заканчивается обращение так: „Ведь большинство офицеров знает имена героев последней войны, как например, Брусилов, Гутор, Клембовский, Зайончковский, Поливанов, которые занимают самые ответственные посты в Советроссии, на благо народа... Надеюсь, что офицеры сами поймут свои ошибки и скоро уйдут в неприступные горы и леса Крыма, где зеленые их примут. Мерзавцев мы расстреливаем, а добровольно пришедших мы принимаем в наши ряды. Скоро пробьет последний час, расплата настанет".

В специальном обращении к офицерам капитан Макаров писал:

„Объяснять вам создавшуюся обстановку нахожу лишним—она вам ясна. Я говорил с командующим крымской повстанческой армией тов. Мокроусовым, прибывшим из Советской России, об участи тех офицеров, которые, благодаря всяким ухищрениям на-

[1] Так называют на юге молодую рыбу камбалу.

емных подлых баранов и атаманов, попали в глупую авантюру, называемую „Русской Армией“. Он мне дал прочесть приказ по Красным войскам о неприкосновенности тех офицеров, которые добровольно переходят в ряды красных и вместе с тем сказал: „не смотря на особые условия крымской обстановки, я даю гарантию на жизнь тем офицерам, которые покинут ряды белых и перейдут в тесно сплоченную повстанческую армию, независимо от их чина и положения“.

Обращение заканчивается призывом офицеров побросать свои части и перейти в повстанческую армию.

Капитан Макаров состоял командиром третьего повстанческого Симферопольского полка. Его воззвания не вызвали большого отлива офицеров из врангелевских частей в повстанческие отряды, организуемые революционным подпольем, зато на солдат они действовали так, что те группами уходили в горы, в леса.

К тому моменту, когда во главе вооруженных сил Юга России стал Врангель, армия зеленых составляла из себя грозную силу. Зеленые раньше действовали в тылу крымского фронта, но это были разрозненные действия отдельных кучек плохо вооруженных людей, преследовавших различные цели. Некоторые были просто дезертирами, скрывавшимися от добровольческой армии, другие—бандитами и грабителями. Но на-ряду с ними были отряды крестьян и татар, ушедших в горы от белогвардейских издевательств и произвола, исполненные жгучей злобы и ненависти к деникинцам и врангелевцам. Они называли себя большевиками. Впрочем, зеленые всех оттенков искренно хотели погибели белых и с нетерпением ждали прихода Советской власти.

Подпольный Ревком уже и раньше пытался связаться с зелеными,—это отчасти удалось сделать. Один отряд—альминский—отдал себя всецело в распоряжение Ревкома, и организации пользовались им для набегов на железнодорожные станции и уничтожения военного имущества, для нападения на поезда и тюрьмы, с целью освобождения заключенных, и т. п.

Так, 14/17 февраля в Симферополе, в помещение городского училища на Гоголевской улице, где находились эвакуированные из Харькова арестованные, ворвался ночью вооруженный отряд (который предварительно обезоружил охрану), вывел арестованных на улицу и вместе с ними благополучно добрался до леса. Это был отряд, навербованный боевой организацией Ревкома из зеленых.

Вполне своевременно коснуться вообще некоторых случаев массового освобождения товарищей. Наиболее характерным является случай освобождения тов. Л., о котором сообщает т. Бабахин.

„Был выслежен и арестован член Ревкома т. Л. Несмотря на отстреливания из изобретенного им бесшумно стреляющего револьвера, его схватили. Товарищу грозила неминуемая петля. Решено его освободить во что бы то ни стало. Дело было организовано так: двое из наших товарищей в форме офицеров с несколькими солдатами вели будто-бы арестованную группу бездокументных „бродяг" и привели для сдачи в первый участок стражи у Феодосийского моста в Симферополе, где сидел в одиночке т. Л. Кроме него там сидело еще до 23 арестованных, большей частью политические, остальные просто дезертиры. Вся эта толпа „бродяг" была введена в коридор, а затем и в дежурную комнату участка, а „офицер", приведший толпу „бродяг", вел переговоры о „сдаче арестованных". Наконец, когда во время переговоров выяснилось, что дежурная часть не наготове, что по близости никого нет и не ждут, и вся обстановка благоприятствует нам,— то было скомандовано: „Руки вверх", быстро разоружен дежурный офицер, вся дежурная часть была также разоружена и загнана в одну комнату, а тов. Л., и с ним еще 22 заключенных — были выпущены на свободу. Когда наши уже уходили, вдруг в дверях показался полковник—командир бригады государственной стражи и, увидя „беспорядок" и отсутствие дежурного, который его не встретил с рапортом, начал кричать: „Что такое! что безобразие!" и т. п. Кто-то из наших шепнул ему: „Господин полковник, началось..."—„Как, уже началось?!" и упал на стул без сил. Но его быстро разоружили, заткнули рот, дали подзатыльника и заперли в ту самую камеру — одиночку, где за десять минут до этого был заперт тов. Л.".

Производились также отдельные операции по расправе с провокаторами и шпиками. Здесь работа велась, главным образом, в интересах самоохранения от проникновения предателей в организацию и с целью спасти наиболее ценных членов организации от смерти.

Попытки отбить арестованных товарищей удавались редко, но были, как мы видим, и успешные операции. Они кончались обычно тем успешнее, чем лучше была связь со стражей и тюремной или полицейской администрацией. Связь с органами добровольческой власти способствовала не только освобождению уже арестованных, но нередко предупреждала и предполагавшиеся аресты. Контр-разведка подпольной организации, помимо того, что добывала секретную информацию и приказы добрармии,

сумела связаться также с учреждениями политического розыска, что дало возможность предупредить некоторые аресты и провалы.

Более широкие операции, которые носили уже не узко «охранительный» характер, а характер большой военно-фронтовой работы, должны были выполнить зеленые отряды. Поэтому Коктебельский съезд признал необходимым сделать их «красными»: все уцелевшие после майских провалов работники пошли в леса и горы, с задачей—объединить распыленные отряды в одну повстанческую армию. Был создан главный штаб, который действовал от имени Ревкома; разосланные во все районы от штаба гонцы с литературой и приказами вскоре связали со штабом самые крупные зеленоармейские отряды.

Изданный одновременно приказ Ревкома объявлял красный террор всем белогвардейцам, в ответ на пытки и мучения, применяемые в застенках белыми извергами. Всем селам и деревням предписывалось уничтожать чинов добрармии, не давать солдат, разрушать пути, по которым следуют военные эшелоны. Приказ также объявлял, что Советской властью врангелевские и деникинские деньги будут аннулированы, вследствие чего предлагалось их не брать. Приказ вместе с тем призывал в ряды зеленоармейцев всех враждебно относящихся к врангелевцам. В порядке красного террора были расстреляны видные кадетские деятели и несколько чинов добрармии. Начались организованные нападения на добровольцев, с целью внести панику в ряды белых и ослабить их живую силу.

Зеленая армия сделала свое дело. Она сделала то, что железная дорога, питавшаяся только дровами, умирала, так как лес был в руках зеленых, никого не пускавших внутрь. Она была могучим агитатором в деревне, она разбила все иллюзии, возникшие среди крымских крестьян в связи, со знаменитым земельным законом Врангеля. Она стала группировать вокруг себя всю деревенскую молодежь. Она в разных концах Крыма терроризировала добровольческие штабы; срывала все мероприятия белогвардейской власти; отрезала целые участки всех трех веток железной дороги, что приостанавливало все маневренные операции и снабжение фронта; служила постоянной угрозой тылу и фронту. Наконец, она выполнила свою основную задачу: сделавшись опасной силой, отвлекла с фронта значительные силы белых.

Лучшие врангелевские полки были брошены в леса на подавление зеленых. Это была ожесточенная борьба, которая закончилась геройской смертью лучшего отряда зе-

леных. Но силы зеленых быстро вновь восстанавливались. Из сел и деревень, из татарских селений—отовсюду шли на помощь тем, кто активно восставал против ненавистных белых.

Целый ряд новых операций—у Сартанов, у Альмы, у Карасубазара, нападение на суда, взрыв Бешуйских копей и друг.—вызвал полную растерянность во врангелевском тылу. К моменту перехода красных войск в решительное наступление у Перекопа, они имели в тылу у противника энергичного союзника; который представлял из себя не отдельные отряды, связанные только единством стремлений и задач,—а был уже крупной «Советской повстанческой армией». Она способствовала усилению разложения тыла, а в момент победы на перекопских укреплениях содействовала усилению паники при общем бегстве фронта, при общей сумятице и переполохе в тылу.

Значительная часть трофеев и богатств, доставшихся Красной армии, не была вывезена белыми только потому, что повстанческие части, ударившие отступавшим частям в затылок, создали обстановку общей растерянности и ужаса, при которой врангелевцам было уже не до ценностей.

С. Ингулов.

Печать при Врангеле.

Осенью 1920 года перед съездом редакторов врангелевской прессы начальник отдела печати, профессор Г. В. Бернадский, в интервью с сотрудником газеты «Крымский Вестник» (от 22 октября), как на особую добродетель Врангеля, указывал на свободную печать Крыма. «В Советской России,—говорил он,—печать упразднена, ее нет совсем. Здесь же власть принципиально ни о каком упразднении печати, которую она высоко ценит, как культурную силу,—и не помышляет»... И эта постоянная параллель между «казенной» советской печатью и свободной независимой, крымской была излюбленной темой интеллигентских разговоров не только в Крыму.

Ближайшее ознакомление с врангелевской печатью обнаруживает беспочвенность, безидейность, продажность и легкомыслие, большинства газет, и невольную бессодержательность и бледность немногих оставшихся от старого режима органов печати, которых врангелевская свобода слова медленно, но верно загоняла в гроб.

Самая низкопробная разнузданность, разухабистое лганье и систематическое передергивание, столь характерное для старорежимных, бутербродных органов желтой прессы, ура—патриотические вопли, лакейское забегание перед властью, бульварные сенсации на-ряду с отсутствием не только научности, но даже простой порядочной литературности—поражают всякого, кто начнет перелистывать старые, теперь исторические, страницы крымских врангелевских газет.

Казалось бы, в прессе должны были принять самое деятельное, самое живое участие лучшие литературно-художественные силы, представители научно-политической мысли русской интеллигенции, спасшейся под ярким небом Крыма от «ужасов красного террора». На самом же деле к печати примазалась второстепенная масса рядовых газетных работников, не объединенная ничем, кроме жажды обычного заработка. Эти беженцы—репортеры, идейный багаж которых оказался весьма портативным при многих

переменах власти, и при Врангеле самоотверженно «делали погоду» в печати, конечно, поскольку это было полезно для правительства и поскольку это допускалось его военно-цензурным аппаратом.

Правительство же Врангеля очень хорошо понимало громадное значение общественного мнения, а потому и надлежащая обработка его при помощи печати составляла предмет особливой заботы власти.

В том сплошном военном лагере, который представлял собой врангелевский Крым, все должно было быть подчинено целям контр-революции, все предназначалось для ее выполнения. Никакой критики, никаких вольнодумных дискуссий, никаких колебаний, никакой оппозиции властью не допускалось.

Печать должна была войти в общее направление государственного курса. И печать это сделала; она сыграла определенную активную роль и имела несомненное значение, которое отлично учитывалось правительством и в Крыму и за границей.

Правительство Врангеля, с надлежащей быстротой и сообразительностью, не замедлило использовать все возможности для того, чтобы обратить себе в прок каждую печатную строку существующих газет.

Политический отдел штаба главнокомандующего даже мечтал об основании в каждом городе по газете, но мечты этой осуществить не удалось, взамен чего пришлось ограничиться лишь учреждением «Редагота», (Ред. Агит. Отд.) заменившего собою знаменитую деникинскую «Освагу». Но это новое учреждение оказалось еще ниже «Осваги». В целях улучшения дела помощник верховного правителя, Кривошеин, настоял на передаче отдела печати из военного ведомства в руки министерства внутренних дел и во главе его поставил Немировича-Данченко, которого вскоре заменил профессор Г. Г. Вернадский (сын). Этот отдел принужден был отказаться от мысли иметь собственные газеты, и решил субсидировать уже существующие. Лишь четыре газеты были лишены правительственной субсидии. «Юг» и «Крымский Вестник» в Севастополе, «Наш Путь» в Ялте и «Южные Ведомости» в Симферополе. Эти газеты,—как увидим дальше,—чисто буржуазного направления, считались крамольными, жидовскими, вредными, подвергались всяческим преследованиям со стороны власти и едва терпелись ею. Зато все остальные газеты были на содержании правительства, размер какового для различных органов печати был различен. И без того пре-

данные правительству газетчики добросовестно старались итти в ногу с ним, а субсидия лишь увеличивала их рвение. Некоторое исключение составлял Борис Суворин, который, в случае задержки в получении своего содержания, впадал в оппозицию (вправо) и фрондировал.

Таким образом, идейная борьба с большевиками, о которой еще в начале апреля так много говорил везде полковник Селецкий, вылилась в простой подкуп газет.

Правительство Врангеля с его «демократическими» лозунгами и законопроектами все же не могло обойтись без рептильной прессы, которая расплодилась в Крыму больше, чем в царской России.

При политическом отделении был сформирован информационный отдел, на обязанности которого было возложено составление для информации иностранной прессы, статей, и заметок, на основании сообщений белых и советских газет.

Организованное правительством бюро печати также должно было заниматься правительственной пропагандой и агитацией, которая выражалась в том, что бюро изготовляло плакаты и воззвания, украшало ими витрины больших магазинов, вело широкую печатную агитацию и, в виду дороговизны, а, следовательно, и недоступности газет для широкой массы населения, расклеивало их по стенам и заборам. Эта характерная деталь деятельности врангелевского «агитпропа» наглядно показывает, что, несмотря на ругань и насмешки над советским способом государственного строительства, белые даже в мелочах не обнаружили оригинальности и бездарно копировали действия Советской власти.

Военной цензуре были предоставлены самые широкие права и полномочия, под тяжестью которых задыхались даже весьма благонамеренные газеты. Перед съездом редакторов начальник отдела печати, проф. Вернадский, по этому поводу говорил:

«Представители печати будут на съезде сетовать по поводу цензурных ограничений. Но они должны иметь в виду, что в обстановке гражданской войны, а в нашем нынешнем положении в особенности, общество должно согласиться с тем, что власть имеет право применять все меры борьбы не только на фронте, но и в сфере гражданских отношений. В данный момент, когда интересы армии требуют к себе самого бережного отношения, приходится мириться со всякого рода лишениями, как материального, так и культурного свойства. Поэтому совершенно не представляется возможным отказаться от аппа-

рата военной цензуры, которая при этом должна находиться в расширенном виде, включая и политическую».

И эта «расширенная» военно-политическая цензура в своем рвении часто выступала за пределы анекдотического, не только по отношению к подозрительным газетам, вроде органа Ялтинского совета профессиональных союзов «Наш Путь», но даже и по отношению самых невинных и верноподданнически преданных газет, как «Заря России» или «Вечернее Слово».

Сравнительно с незначительным пространством территории, занимаемой Врангелем, количество газет нужно признать весьма высоким. Почти в каждом городке Крыма издавалось по одной газете, а иногда и по нескольку, находившихся на том или ином виде правительственного довольствия. Благоприятствовало издательскому делу и аккуратная доставка бумаги из-за границы и наличие технических средств. Некоторые перебои создавались лишь типографскими рабочими, изнывавшими под тяжестью крымской дороговизны, а потому постоянно требовавшими повышения своей заработной платы. Положение бесправных типографских рабочих было крайне тяжелым, прибавки брались буквально с бою. Особенно частые столкновения происходили в типографии Бориса Суворина. По словам одного очевидца, эти постоянные конфликты очень часто переходили в форменную драку, при чем сам редактор редко бывавший трезвым, принимал в них активное участие. Но наборщикам уплачивали, сколько они требовали, и работа продолжалась.

С внешней стороны газеты оставляли желать много лучшего. Незначительный объем, небрежная верстка, сбитые шрифты, непомерно высокая цена, отпугивавшая даже довольно состоятельный круг обывателей полуострова,—все это, конечно, не благоприятствовало процветанию белой печати.

Наиболее красочной и яркой газетой, характеризовавшей весь врангелевский режим в целом, являлся «Таврический Голос».

Эта старая крымская газета издавалась в прежнем административном центре полуострова—в Симферополе.

В 1919 году Советская власть продержалась в Крыму всего лишь три месяца. «В последние дни власти Временного Правительства (так называлось «министерство» из кадетов и правых эс-эров, во главе с Винавером, В. Набоковым и С. С. Крымом), когда стало ясно, что добровольческие отряды не выдержат натиска красных, все буржуазные газеты сами прекратили свое существование до

прихода красных войск. До последнего дня выходил только «Таврический Голос», выпускавшийся репортерами на свой страх и риск. Редактор газеты—известный сионистский и кадетский деятель доктор Д. Пасманик—заблаговременно уехал в Париж, а издатель—крупный крымский землевладелец А. В. Давыдов—эвакуировался вместе с крымским правительством в Константинополь. Это была правительственная газета, официальный орган кадетской партии, чрезвычайно непримиримо настроенный по адресу своих левых соседей, вдохновляемый, с одной стороны, истерическим кликушеством Пасманика, а с другой—классовой ненавистью «парламентнейшего» аристократа Набокова. Хозяева уехали, а репортеры выпускали номера газеты до тех пор, пока их не сменили «Известия Ревкома». Тогда репортеры перешли на работу в «Известия»[1])».

Три месяца «Таврического Голоса» не было, но лишь только красные войска очистили Крымский полуостров, как былые сотрудники «Известий Ревкома», подобно блудному сыну, вновь пришли в лоно отчего «Таврического Голоса».

Быстро было организовано товарищество издательского дела под старой фирмой «Таврический Голос». Во главе издательства товарищества стал Б. И. Ивинский и Н. А. Казмин, которые подписывались в качестве редакторов.

Борис Ивинский—характерная фигура современного литературного дельца, талант которого распустился во-всю на почве политического оппортюнизма, беспринципности и приспособляемости к любому моменту дня, к любой политической ситуации. Бывший редактор одной из красноармейских газеток Одессы, как это документально установлено было «Южными Ведомостями», Борис Ивинский рекомендовался всюду в те дни в качестве бывшего редактора московских газет «Свободное Слово» и «Великая Россия».

П. Новицкий, полтора года проживший в глубоком крымском подполье, так характеризует в своих воспоминаниях этого руководителя «Таврического Голоса».

«Существует все-таки и в политической борьбе предел для клеветы, инсинуации и лжи, и в политической публицистике обязателен некоторый minimum литературной порядочности. Борис Ивинский не знал этих пределов. Советские деятели сусально изображались им, как уголовные преступники, моральные каторжники, авантюристы и сознательные предатели; дурной шаблон о пломбированных вагонах был самым мягким методом литературной борьбы.

---

[1]) „Печать и Революция“, 1921 г. № 1. Воспоминания П. Новицкого.

Этот «венский»[2]) литератор, выпускающий красную газету, а потом кликушествующий в желтой белогвардейской печати, устраивал со своими товарищами по всем городам Крыма «суды над русской интеллигенцией». Очень характерно: коммунизм производился им идейно от Белинского, Герцена и Чернышевского, и моральному нигилизму всей русской интеллигенции приписывались все беды великой России.

«Ивинского поддерживал Ив. Горев своими длинными и хлесткими фельетонами обличительно-гражданского направления, и веселый фельетонист-стихотворец Ядов, писавший литературные частушки в вульгарно-раешниковском духе. Ядову принадлежит обошедшее все театры Крыма, популярное театральное обозрение, ура—патриотического стиля. Присылал свои статьи в «Таврический Голос» и Евгений Венский, постоянным гастролером был, конечно, и Аркадий Аверченко.

«Эта газета, в числе сотрудников которой были и евреи, не гнушалась и антисемистской пропаганды. Правда, делалось это в официозных статьях, но в самые нужные моменты крымской политической жизни. По прямому приказу ген. Врангеля не могло быть пощады всем лицам, принадлежность которых к коммунистической партии была установлена. Результаты военно-полевых суодв заранее были предрешены: все обвиняемые приговаривались к смерти. Ген. Кутепов, к ужасу благонамеренных дум и управ, разукрашивал трупами повешенных все города. В центре города на трамвайных столбах висело обычно 10—15 полуобнаженных трупов с надписью на деревянных досках «коммунист». Это производило потрясающее впечатление даже на мещанскую публику и создавало настроение жуткого оцепенения во всем городе. Только отдельные изуверы (главным образом, женщины) ходили любоваться этим страшным зрелищем и посылали туда детей.

«Вот в такие моменты, когда неостывшие трупы еще висели на улицах, в газете «Таврический Голос», снявшей этикетку партии народной свободы, но обслуживаемой попрежнему виднейшими деятелями этой партии, появлялись на первой странице статьи, якобы информационного характера, перечислявшие злодеяния казненных и грубо подчеркивавшие их еврейское происхождение. «По национальности тоже еврей», «конечно, еврейского происхождения», заметки в скобках («еврей»)—

---

[1]) „Вена“ — знаменитый в прошлом петербургский ресторан литературно-художественной, артистической богемой.

таков стиль этих статей, составленных жандармами и сыщиками добровольческой контр-разведки. Они были без подписи, носили полуофициальный характер (почти правительственное сообщение) и в литературных кругах все знали место, откуда они исходили. В газете работали евреи, на улицах висели трупы евреев, а в ограде собора протоиерей Востоков вел исступленную антисемистскую проповедь»...

И все это мирно и трогательно уживалось с подзаголовком на первой странице «Таврического Голоса»—«беспартийная, прогрессивная газета».

Кроме Ивинского, Горева и Ядова нужно отметить ряд статей по экономическим вопросам профессора П. Гензеля, статей спокойных, солидных, но скучноватых. Много писал по военным вопросам А. Мариюшкин. Его военные обзоры очень напоминали работы известного стратега из «Биржевки» Шумского (Соломонова). Также самой резкой критике предавалось все прошедшее (особенно доставалось добровольческой армии), также умалчивались все дефекты и промахи в существующем, также гремели победные литавры, превозносились доблесть и храбрость Врангеля, Слащева, Кутепова и др. Подогревание сладких надежд на Кремль и заманчивых ура—патриотических перспектив, возложенное «Таврическим Голосом» на Мариюшкина, делалось им очень солидно и звучно, с целым арсеналом Суворовых, Скобелевых, Кутузовых и прочих громких героических имен из истории Великой России.

Заглавие над телеграммами и заметками также били на сенсационность. Расстрелы и ужасы «чрезвычаек», «Махно в тылу у красных», «крестьянские восстания в тылу у красных»—все это изо дня в день подогревало и поддерживало самочувствие обывательской массы.

Непомерно много места уделялось театрам, музыке и даже цирку. Рекламные театральные рецензии нужно, повидимому, связать с драматической деятельностью Ядова.

Вопросы профессионального движения систематически замалчивались. Громадное место отводилось под правительственные распоряжения и приказы разных генералов, а также на телеграммы и приветствия, заверявшие в верноподданнических чувствах Врангелю и правительству. Впрочем, последнее, равно как и многочисленные интервью с разными представителями власти, относится не к одному лишь «Таврическому Голосу», а вообще к большинству крымских газет врангелевского периода.

Печатался «Таврический Голос» в собственной типографии, ни в чем, повидимому, не нуждался, кроме бу-

мажной субсидии, и пользовался достаточно широкой распространенностью среди буржуазии, чиновничества и высшего общества, связанных идейно и политически с добровольческой армией.

Другая влиятельная газета врангелевского Крыма, издававшаяся, в Симферополе, «Южные Ведомости», насчитывала уже пятнадцатый год своего существования. При царском режиме этот орган печати был выразителем мнения либеральной интеллигенции, особенно же той части ее, которая сочувствовала идеям народничества. С 1917 года «Южные Ведомости» стали органом таврического демократического земства. Издателем подписывалась таврическая губернская земская управа, а редактором— ее председатель Н. Н. Богданов. С 1919 года было образовано издательское товарищество под тем же названием, а редакторское кресло занял Н. С. Бобровский—министр труда во временном крымском правительстве, из группы «Единства». Печаталась газета в типографии губернского земства и в финансовом отношении поддерживалась кооперативами и субсидией Центросоюза, но эта поддержка была недостаточной, со стороны же правительства ни бумаги, ни денег не получала.

«Южные Ведомости», как серьезная старая газета, имела свои литературные традиции, кадр сотрудников и определенный круг читателей из среды радикальной интеллигенции. Это, конечно, сразу сделало «Южные Ведомости» в глазах врангелевского правительства неблагонадежной, и на газету в изобилии посыпались скорпионы главного цензурного управления.

Общий облик «Южных Ведомостей», по воспоминаниям М. Новицкого, обрисовывается в таком виде:

«Постоянно нуждаясь в средствах и подвергаясь всяким репрессиям, газета усвоила себе, в конце-концов, осторожный, расплывчато-умеренный, бледно-серый тон. Постоянные и сентиментальные фразы, о русской интеллигенции уживались в газете с доктринерской проповедью гражданской войны во славу русской демократии. Слезливый тон передовиц и скука рассуждений послужили основанием для переименования читателями «Южных Ведомостей» в «Ненужные Ведомости»...

«Когда площади крымских городов были украшены гирляндами повешенных коммунистов (их вешали на телеграфных столбах после всякого процесса), «Южные Ведомости» пытались робко протестовать против публичности казней, дурно влияющих на детей,—на газету цыкнули, и она за-

молчала. По отношению к правительству Врангеля газета была настроена определенно оппозиционно и проповедывала идею демократического обновления добровольческой армии и правительства. Когда на улицах и соборных площадях Симферополя известный протоиерей Востоков начал свою историческую проповедь против интеллигенции и евреев, «Южные Ведомости» поместили вначале статью К. Т. (К. А. Тренева) на тему о помощи, оказываемой советским войскам подобными проповедями. Таврический губернатор сделал газете резкое внушение и окончание статьи не появилось. Единственно допустимым объектом полемики была газета «Таврический Голос», но эта полемика не оживляла страниц «Южных Ведомостей». Бледность и идейная скудость газеты объяснялась не только административными стеснениями, но и, главным образом, самой природой ее».

При Врангеле газета значительно сократила свой объем в виду ограниченности средств, но былая литературность ее сохранилась попрежнему, чему много способствовал и самый подбор ее постоянных сотрудников, вышедших не из мутных недр репортажа, подобно «Таврическому Голосу» или многим другим крымским газетам, а прошедших определенный литературно-общественный и политический стаж. Главными сотрудниками «Южных Ведомостей» являлись журналисты, причислявшие себя к народным социалистам: А. П. Лурье, А. Б. Дерман, С. Я. Елпатьевский и др. Часто помещали здесь свои рассказы и статьи В. Вересаев, К. А. Тренев и И. С. Шмелев.

Третьей газетой в Симферополе, имевшей определенное влияние и большой круг читателей, преимущественно из среды гвардейского офицерства, было «Время», издаваемое и редактируемое известным правым журналистом Борисом Сувориным. Эта газета, называвшаяся во времена самодержавия «Новым Временем», пользовалась субсидиями, правда не систематическими, со стороны Врангеля и Кривошеина; если же субсидия задерживалась, «Время» выступало со статьями право-опозиционными. Такая хлесткая критика в пределах дозволенного и барственно-фрондирующий тон очень нравился определенному кругу старинных поклонников публицистических талантов Суворина-сына, а последний в своей газете писал много, являясь не только руководителем, но и самым деятельным сотрудником. Любимой темой пространных передовиц Б. Суворина, выходивших под старым заглавием «День за днем», которое он перенес в крымскую газету из своего петербургского «Вечернего Времени», было доказательство того, что только идея монар-

хизма способна возродить Россию, что только эта идея является исторической национальной идеей русского народа, что все зло происходит от масонов и евреев, задумавших погубить Россию и т. д.

Вместе с Б. Сувориным в его газете работали и очутившиеся в Крыму прежние сотрудники «Нового» и «Вечернего Времени», на долю которых выпало играть здесь лишь вторую скрипку, концертмейстером и дирижером являлся сам хозяин, превосходивший, несомненно, всех их своим талантом.

Затем, в Симферополе издавалась непродолжительное время вечерняя газета «Вечерний Курьер», редактировавшаяся Анатолием Аниным и А. Я. Линским. Военный отдел редактировался военными специалистами—сперва полковником генерального штаба А. Г. Фроловым, потом полковником генерального штаба Г. Т. Шацким.

Газета была мала по объему и совершенно ничтожна по содержанию. Треть занимали приказы и телеграммы, треть шла под объявления и лишь одна треть отводилась тексту, где на ряду с обширными театральными рецензиями, отчетами о спорте, бегах и скачках, помещалась еще ежедневно и беллетристика, вроде сенсационного «романа из героической эпохи гражданской войны» под сочным заглавием: «Девушка из Совдепии». Одна—две статейки, парочка информационных заметок и тощая хроника,—вот и все, что составляло содержание этой «вечерки». Усиленно рекламированный военный отдел, редактируемый специально приглашенными («редакция, не щадя затрат» и проч.) военспецами из врангелевского генерального штаба, заполнялся перепечаткой официальных сводок фронта.

Для полноты нашего обзора следует упомянуть также еще об одной симферопольской вечерней газете «Курьер» журналиста Б. Ратимова, служившего начальником политического отдела при командующем. Это был листок обычного бульварного типа с ориентацией на контр-разведку, обладавший очень солидными деньгами, но имевший мало читателей.

В новой столице Крыма—Севастополе продолжали свое существование две крупных старых газеты: «Крымский Вестник» и «Юг».

В 1920 году «Крымский Вестник» насчитывал уже 33-й год своего существования. Его редактором-издателем являлся И. Я. Нейман, который, как и прежде, умело подлаживался под вкус хорошо знакомой ему широкой массы обывателей. Направление газеты, взятое Нейманом, являлось чем-то средним между обывательским социализмом и бур-

жуазным либерализмом. Вооруженная борьба с Советской властью составляла один из краеугольных камней политической программы «Крымского Вестника». Общий тон газеты был спокойный, умеренно-методический, без ура-патриотических кликушеств.

Кроме самого Неймана, деятельное участие в сотрудничестве в «Крымском Вестнике» принимал журналист Накатов.

Большая, по объему, газета печаталась в собственной типографии Неймана и содержала в себе много разнообразного материала. Не мало внимания уделялось городским интересам, торговле, административным новостям—разным назначениям, отставкам, перемещениям; случайно попадались в хронике заметки и отчеты о профессиональном движении; своевременно помещались обстоятельные интервью с разными выдающимися представителями военного, политического и административного круга по вопросам злободневности, волновавшим общество.

Газета широко пользовалась русской эмигрантской печатью, обрабатывала также по мере надобности и советскую прессу. Заголовки, по общепринятому обычаю врангелевской печати, набранные вершковыми буквами, били читателя в каждом номере каким-нибудь сенсационным известием, вроде: «Поражение большевиков» (поляками), «Восстание в тылу у красных», «Евреи против большевиков» и т. д. В каждом номере шел легкий фельетон; в качестве стихотворца-фельетониста выступал Ядов. Много также внимания уделялось литературным вопросам и театру.

Газета «Юг» издавалась в Севастополе паевым товариществом, в котором главную роль играл крупный белогвардейский чиновник Н. Шлее. Газета обладала большими средствами, давала обильный материал для чтения, блистала лучшими литературными именами, составлялась очень живо и разнообразно.

Стоя вполне на правительственной платформе, «Юг» держался умеренно-прогрессивного направления. Тон газеты был спокойный, серьезный и, хотя восхвалялась каждая мера правительства, все же ни грубой брани, ни лживых разоблачений, ни бульварных сенсаций эта газета у себя не печатала или сказать вернее—в значительно меньшей дозе по сравнению с другими крымскими газетами. В общем это был самый литературный и наиболее порядочный орган печати в Крыму.

«Юг» был первой буржуазной газетой, начавшей выходить в Крыму после реставрации. В средине марта «Юг», по приказу севастопольского коменданта генерала Шил-

линга, был закрыт и стал выходить под новым названием «Юг России», причем в качестве редактора-издателя выступил К. В. Егоров, сотрудник сытинского «Русского Слова». Газета подвергалась тяжелым цензурным стеснениям и штрафам. Сотрудничали в ней проф. М. В. Бернадский, С. И. Варшавский, П. С. Гальцев, проф. В. Ф. Дерюжинский, А. Койранский, М. Миронов, А. С. Панкратов, А. А. Поляков, — почти все из сытинского «Русского Слова». Ряд фельетонов поместил здесь Е. Н. Чириков, но фельетоны эти не вплели новых лавров в его литературный венок; значительно лучше были его небольшие рассказы, хотя и в них непримиримая мещанская озлобленность против коммунизма и революции вообще, портили целостность художественного впечатления. Особенной злобой против Советской власти дышали фельетоны А. Яблоновского.

Очень много писал в «Юге» Н. Верховский, б. прив.-доц. Харьковского университета, сотрудник «Южного Края» и «Русского Слова». В русско-германскую войну он, оставив занимавшуюся им кафедру финансового права, поступил в авиационный отряд. С ген. Алексеевым Верховский отправился на Дон и затем все время пробыл в стане белых принимая участие в ряде белогвардейских газет и выступая в качестве лектора. Во время Врангеля Н. Верховский читал лекции во всех городах Крыма, на тему: «Мы, Петлюра, и Махно», «Фронт и тыл» («думы строевого офицера» и др.).

Чуть-ли не в каждом номере «Юга» выступал с юмористическими рассказами Аркадий Аверченко. Его рассказы были полны злобы против Советской власти, надуманны и грубы, талант популярного юмориста от напряженной работы определенно стал сдавать, и редко-редко сверкали блестки былого дарования.

Совершенно особое положение занимала ялтинская газета «Наш Путь», орган Совета профессиональных союзов города Ялты. Редактировал ее известный ученый и журналист В. А. Руднев (Базаров), часто выступавший в газете со статьями, поневоле написанными, бледно, осторожно и бесцветно. Принимали также участие в ней В. Е. Лункевич, А. Беляев и др.; газета была вполне литературна. Кроме официального материала, военных сводок, телеграмм и информации, «Наш Путь» имел отделы, посвященные земской жизни, кооперации и, конечно, профессиональному движению, но последняя тема при Врангеле была чрезвычайно скользкой, и «Наш Путь» в силу такого положения ограничивался лишь казенными хроникерскими

отчетами о заседаниях своего совпрофа и о текущей деятельности отдельных профессиональных союзов.

Политическая программа «Нашего Пути» была сера, туманна и неопределенна. Одинаковую неопределено-пассивную позицию занимал орган ялтинского совпрофа, как по отношению белых, так и по отношению красных.

«Наш Путь», который в Крыму называли «исполняющим должность рабочей газеты», симпатиями рабочих не пользовался. Несмотря на все попытки лавирования власть относилась к нему очень подозрительно, и газету несколько раз закрывали.

Вообще врангелевская военная цензура чувствовала себя настоящим полновластным хозяином крымской печати и в своих претензиях нередко доходила до смешного. Несмотря на то, что почти все газеты за самым малым исключением «нейтральных», вроде «Нашего Пути», были преисполнены самой ярой ненависти к Советской власти и без лести преданы правительству Врангеля, — военная цензура все же продолжала свирепствовать. Она всех, вплоть до кадетов включительно, подозревала в скрытом сочувствии коммунизму и ревниво соблюдала в тайне все действия правительства.

Заботы Врангеля о печати, однако, не ограничивались одним лишь усилением цензуры и последовавшим отсюда приведением всех существующих крымских газет в надлежащий порядок в отношении их политической благонадежности.

Правительство Врангеля вполне ясно сознавало громадное значение печатного слова, как для соответствующей обработки общественного мнения, так и для армии. Правда, в последнем Врангель не обнаружил большой оригинальности и опять стал копировать своих политических противников-коммунистов. С этой целью, по примеру красноармейских газет, буквально затоплявших красный фронт и обильно просачивавшихся не только в окопы белых, но и далеко к ним в тыл, врангелевское правительство организовало издание собственных газет: «Военный Голос» в Севастополе и, впоследствии, «Голос Фронта» в Мелитополе.

Официальный «Военный Голос», редактором которого был назначен генерал—профессор Залесский, питался перепечатками из заграничных противосоветских газет, заполнялся военными приказами, правительственными распоряжениями, казенными статьями, тенденциозно разъяснявшими смысл текущих событий на фронте, и наивными измышлениями

о мощи Крымской России. Освещения политической обстановки и взаимоотношений с иностранными государствами «Военный Голос» совершенно не касался. Зато часто помещались длинные клеветнические статьи об отчаянном, критическом положении «Совдепии», об ее бесчисленных и бесконечных экономических и иных кризисах, о расстрелах и зверствах коммунистов, об ужасах чрезвычайки и т. д., и т. д. Понятно, что этот худосочный казенный листок не пользовался никакой популярностью.

Если так слабо было поставлено дело издания военной газеты в самом центре Крыма—Севастополе, где можно было привлечь к участию в ней большое количество подходящих лиц, то о другой военной газете—«Голос Фронта», издававшейся в Мелитополе, конечно, уж и говорить не приходится.

Вполне сознавая полную неудачу созданной им военной печати, правительство Врангеля дошло, правда уже под конец своего существования, до последних пределов подлости. Желая ослабить «растлевающее» действие красноармейских газет, листовок, воззваний и других видов прифронтовой агитации и пропаганды, обильно расходившихся среди врангелевских солдат, особенно из военнопленных, а также заметив, что крестьянская масса Северной Таврии привыкла за время советского правления к удобопонятной «Бедноте»—политический отдел предпринял выпуск провокационных газет, листовок, воззваний и проч. Эти издания распространялись в своей армии и среди крестьянства. Но те и другие без труда догадывались, чьих рук это дело. И врангелевская «Беднота», «Борьба», листовки за подписью Ленина, Троцкого, Луначарского и проч. вызывали лишь смех. Эта безграмотная наивная макулатура, отпечатанная по новой орфографии, никого не обманула, кроме самих авторов из Политического Отдела.

В врангелевской «Бедноте» нет ни одной заметки, ни одной статейки, которую нельзя было бы перетолковать иначе. Из каждой строки, шитой белыми нитками, упорно и навязчиво вылезает лишь то, что угодно крымскому правительству. Здесь: и красноармейцы побили своих комиссаров, и шкурники отказываются воевать, и пленные красноармейцы из Германии жаждут приехать в Крым, и Махно хочет союза с Врангелем, и Петлюра мечтает о том, и Франция, и Америка поддерживают барона, и комиссары воруют и бесчинствуют, и крестьянские бунты в тылу России и т. д., и т. д. Все это сдабривается псевдо-большевистскими заголовками: «Дикость нравов», «Струсили», «Козни белых», «Интриги капиталистов», «Тыл без-

умствует», «На черную доску», «Шкурники», «Дезертиры» и так далее.

Характерна по своей наивности такая, например, заметка из этой «Бедноты»:

Будьте настороже и дайте отпор.

Товарищ Стеклов пишет: „В случае даже прекращения войны с Польшей, Врангелевский фронт является угрожающим и может обратиться в мировой фронт мировой контр-революции.

Признание Врангеля Францией, единство действий с петлюровцами и находящимися за границей русскими армиями революционера (это Стеклов пишет!) Савинкова и генерала Балаховича, а также возможное признание Врангелевского правительства помогающими ему Америкой и Англией,— все это увеличивает мощь наших противников и представляет большую угрозу для Советской власти".

Товарищи, будьте на чеку!

Особенно же хороша передовая статья «Бедноты», которую я позволяю себе привести целиком, как любопытный исторический документ.

Напор белых банд.

Помещаемые в этом номере сведения рисуют положение, в котором оказалось Рабоче-Крестьянское Правительство Советов России.

Неуспехи на фронтах, разруха и восстание в тылу, наконец изменение обще-европейского положения в пользу белых—все это должно заставить задуматься вас, товарищи-красноармейцы. Вы должны понимать, что теперь, когда мировая контр-революция через посредство врангелевских, петлюровских, савинковских и польских банд, подкрепленных в своем составе изменившими нам красными частями, стараются мертвой хваткой задушить Советскую власть,—ждать прочного и действительного мира нельзя. Война затянется еще на долгое время.

Время войны ложится главным образом на вас. На тыл вам расчитывать нечего, он не поддержит вас. Саботаж не вполне раздавленной нами интеллигенции, вялая работа железнодорожников, нежелание крестьян давать хлеб, прекращение работы двух больших оружейных заводов в Петрограде и в Туле—все это, как правильно сказал на митинге в Минске тов. Троцкий, ставит вас в положение очень тяжелое.

Воспоминания о покинутых семьях, об оставленных без обработки родных полях—это еще более ухудшает общую картину.

Однако, долг перед революцией зовет вас не складывать оружия, как делают это малосознательные ваши товарищи, переходящие на сторону белых.

Каждый красноармеец должен понимать, что те условия, которые поставлены Советской властью, во многом хуже положения Польши, Украины и Врангеля. Им помогает Антанта. Она снабжает белых солдат обмундированием и снаряжением. Крестьянство, получившее у Врангеля богатую помещичью землю, поддерживает их хлебом и другими продуктами. В это же время хищники мирового империализма, вместо начала с нами торговых сношений, бессовестно выселили из своих стран наши торговые делегации, и мы не получили из-за границы того, на что рассчитывали, а крестьяне Украины и других мест, вместо помощи нам, поднимают восстания против нас.

На все это вы, товарищи-красноармейцы, закрывать глаза не должны. Однако, падать от этого духом также не надо.

Помните, что Советская власть может быть совершенно уничтожена напором белых, если этому напору вы не противопоставите стойкости и выдержки в течение этой зимы".

Статья эта не нуждается в комментариях.

Чтобы покончить с провокационной печатью, приведем здесь один из таких приказов по Красной армии, сфабрикованный во врангелевском политическом отделе и распространявшийся среди крестьян и своих солдат; наблюдались также попытки распространять подобные лже-приказы по красным частям.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Да здравствует третий Интернационал!

Товарищи красноармейцы и рабочие!

Ни для кого уже не секрет, что среди нас идет брожение и что некоторые слабые из нас не прочь перейти на сторону временно имеющей успех белогвардейщины.

Опомнитесь, товарищи!... Что вы делаете?

Неужели вам плохо живется под властью красных комиссаров?

Неужели вы не понимаете, что никто лучше красных комиссаров не защищает ваших интересов.

Сравните жизнь нашу и белогвардейскую — и вы сразу увидите, что у нас, в Красной Советской России гораздо лучше.

Рассмотрите же вашу жизнь от рождения до смерти.

Предположим, родится ребенок у кого-нибудь из белогвардейской сволочи. Что же, спрашивается, позаботится там о нем государство?

Ничего подобного! Его предоставляют самому себе—вернее, как собаку, оставляют около материнской несовершенной груди.

Разве Советская власть так относится к Советскому ребенку?

Нет. Она отбирает его у матери, конечно, не могущей так хорошо вырастить и воспитать младенца, как государство,—и Советская власть воспитывает его, учит, не допуская на пушечный выстрел матери, которая всегда избалует и испортит ребенка...

И вот—ребенок вырос. Разве Советская власть не позаботится о нем далее? Разве она не определит его на свой счет в красноармейцы или в рабочие? Разве она лишит его трудовой книжки, по которой он получит предметы первой необходимости?..

Теперь взгляните на белогвардейщину.

Разве у них есть трудовые книжки? Разве они получают все необходимое по ордерам Совнархоза? Нет, и тысячу раз нет! Эти несчастные должны без всяких разрешений, без очереди лезть в хлебные, мясные и овощные лавки, покупать припасов, сколько вздумается, хоть фунт, хоть десять фунтов, и чем же это кончается? Обжорством, сластолюбием и прочими прелестями, связанными с подлой шкурой контр-революции.

Допустимо ли у нас, чтобы кто-нибудь зашел в первый попавшийся магазин и купил там бутылку вина, или две, или десять? Разве это можно? У нас, если кто и имеет вино—так это комиссары, начальство, которое знает, что делает и никому не обязано отдавать отчетов в своих поступках.

Разве допустим у нас такой развал и беспорядок, чтобы всякий, кому вздумается, заходил бы в мануфактурный или обувный магазин и без всякого ордера, без разрешения Опродкома, накупал себе всего, что ему вздумается?

А контр-революция и белогвардейщина—у себя так развалила жизнь, что там на каждом шагу — мануфактурные, обувные, хлебные лавки битком набиты товарами.

Даже в таких пустяках, как переезд из одного города в другой, у белогвардейской сволочи никакого порядка, никакой организованности. Там несчастный забитый „гражданин“ прямо прет, как бык, в железно-дорожную кассу, покупает билет и потом, влезши в вагон, катит, как дурак, куда ему вздумается. Где же порядок? Где же организованность?

Разве у нас можно допустить такое безобразие?

Нет. У нас все по закону: сначала возьми выписку из домового комитета, потом удостоверение от участкового комиссара, разрешение уголовной милиции, мандат от комитета по разгрузке города, билет от исполкома железной дороги, железно-дорожный билет от кассира—и, если тебе все - таки не удалось поехать, зна-

чит—поезд был занят штабом доблестного комиссара, у кого дела поважней твоих... Нечего так зря ездить!

Даже смерть у белогвардейщины не организована: всякий умирает, когда он сам хочет, когда ему самому вздумается—безо всякого участия и помощи власти. И как хоронят! Хотя, правда, с попами, но без очереди, без всякой компании других товарищей-одногробников, безо всяких разрешений от Комбеда, Центрорасстрела и Центрогроба!

Разве так можно!

Да у нас гроб с покойником хоть две недели стой, но жди очереди, жди мандата от Центромогилы. Иначе какой же порядок будет, какой учет „исходящих" и „входящих"! Какая организованность!..

Итак, товарищи, в этих правдивых строках вам предоставлен выбор. Что для вас лучше: белогвардейский развал и беспорядок или организованная райская жизнь под властью Советов?

С товарищеским приветом народные комиссары:
В. Ленин (Ульянов), Л. Троцкий, А. Луначарский.

Несмотя на очевидную неудачу первой попытки создания провокационной печати, правительство Врангеля решило продолжать это дело, вполне правильно надеясь, что при его дальнейшем развитии формы усовершенствуются до нужного предела.

Для безработных газетных провокаторов, которых не мало рыскало по городам Крыма в поисках какого-нибудь заработка, открывалось широкое поле деятельности. Нужно было извратить каждое слово, запачкать грязью каждое выдающееся в Советской России имя, замарать каждое действие Рабоче-Крестьянской власти.

Первый опыт, выполненный, правда, очень грубо, понравился Врангелю, и вскоре, вероятно, деревня и фронт не только белых, но и красных оказались бы затопленными этой фальшивой литературой. Однако, история совершила иное: Врангель полетел в Черное море, не осуществив в полной мере задуманного плана...

* * *

Итак усиление цензуры, субсидирование частных газет, создание собственной официальной военной прессы и, наконец, фабрикация провокационной литературы, — такова схема программы врангелевского правительства в отношении «свободного печатного слова».

Но эта программа все же не охватывала собою всей полноты задания, возложенного Врангелем на Крымскую прессу.

Для полного и всестороннего выполнения своих политических задач, для того, чтобы в печати с достаточной прямотой высказывать монархические взгляды, правительством сильно поддерживались и даже создавались неофициальные органы печати. Таким путем, не компрометируя себя перед Западом, врангелевское правительство очень удобно могло выступать с демократическими лозунгами на устах и с монархическими—в прессе.

Самой солидной из этой компании была «Великая Россия»—«орган русской Государственной национальной мысли».

Эта газета, основанная В. В. Шульгиным в августе 1918 года в Екатеринодаре, где был тогда штаб командующего добровольческой армией, имела «славное прошлое» и до выхода своего в Севастополе успела побывать и в Екатеринодаре, и в Ростове, и в Новороссийске, куда злая судьба бросила белых главнокомандующих, искавших спасения от наших ударов.

В Севастополе «Великая Россия» заняла то положение, что было у «Нового Времени» при самодержавном порядке, и стала настоящим официозом Врангеля и Кривошеина. Оба они часто помещали свои пространные беседы на столбцах этой газеты; охотно также интервьюировались здесь и другие видные представители военного, политического и административного круга.

Ни для кого не было тайной, что газета посвящена во все виды и намерения правительства, а потому за «Великой Россией» следили, с нею считались и много читали ее.

Издателем официально подписывался Н. Н. Львов, а редактировал В. М. Левицкий. Оба часто выступали со статьями, особенно Левицкий. Деятельное участие принимал в сотрудничестве В. В. Шульгин. Передовые статьи большей частью писал Н. А. Чебышев, бывший тайный советник и сенатор царского правительства, занимавший при Врангеле видное положение и председательствовавший в Русском Экономическом Обществе.

По вопросам финансово-экономическим работал профессор П. Гензель, который в качестве «независимого ученого и патриота», в мягких, деликатных и крайне парламентарных выражениях, с комплиментами по адресу «благородного и стойкого» М. В. Бернадского, осмеливался критиковать предпринятый им курс финансовой по-

литики и убеждал врангелевского начальника управления финансов поналечь на налоги.

В общем большой размер газеты, исправно поставленная информация и спокойный солидный тон придавали «Великой России» характер настоящего большого официозного органа.

Общее направление газеты, как мы уже указывали, было монархическое.

Один из руководителей этой газеты Н. Н. Львов писал:

„Мы были и остаемся убежденными монархистами, хотя мы никогда не позволим себе навязывать наших убеждений другим. но равным образом мы всеми силами будем бороться против вырывания для себя из рук власти разных вольностей и свобод, навязывания нам демократической республики и каких-либо партийных программ“... (№ 123).

Редактор «Великой России» В. М. Левицкий в целой серии своих фельетонов о государственном национализме разводил на разные лады знакомые узоры, намозолившие глаза в Русском Собрании, Национальном Клубе и прочих, блаженной памяти, правых общественных организациях.

„Национальное миросозерцание необходимо для успеха русского дела,— писал Левицкий (№ 96).— Армии и тылу одинаково нужно, чтобы в измученной и опустошенной душе русского человека как можно скорее навсегда укрепилась чистая и горячая любовь к родной стране. Без этого не построишь ничего. Между тем силы национальностойких людей разрознены и разбиты. Все русское загажено, заплевано, искажено. Нужно серьезно заняться реабилитацией русских идей, русского национального движения. Нужны пропаганда, организации, газеты, книги. Новые книги, полные благоговейной и действенной любви к нашей церкви, культуре, государству, к национальному русскому искусству и быту“...

Отсюда, как следствие, выводилась самая беспощадная и упорная борьба с «бездушным космополитизмом» и «жидо-масонским социализмом». Борьба эта иллюстрировалась примерами успехов национализма на Западе и примерами русской истории, особенно из эпохи смутного времени, столь излюбленной правыми монархистами. А отсюда—сладкие мечтания «великороссийских» публицистов неизбежно проходили к заветному заключению—об избрании народом царя.

Какой же «народ» изберет себе царя? «Народ»—это старинные наши знакомые: столыпинские «крепкие» мужички.

На них надеялась «Великая Россия», они, по ее мнению, должны стать фундаментом величественного здания национальной русской государственности, воздвигаемой бароном Врангелем.

Шульгин писал:

„Перевернулись троны и исчезли государства с лица земли, но столыпинская реформа идет своим чередом".

„Россию залило кровью, которая смыла зачатки цивилизации и сделала неизбежным „наделение" землею тех, кто уже захватил ее насильственным путем. Великие потрясения совершились. Но все же, хотя и среди потоков крови, столыпинская реформа идет. С каждым днем, несмотря на все потуги безумных московских экспериментаторов, крепнет в Совдепии армия мелких собственников.

„И вовсе не случайность, что здесь у нас на Юге, на этом маленьком клочке, свободном от коммунистического безумия, столыпинская реформа, которая делается „там" сама собою, „здесь" облекается в законную реформу *ближайшими сподвижниками П. А. Столыпина* (курсив Шульгина).

„Нет „им" не удалось „сорвать реформы". Она продолжается под гром пушек, под кровавый стук пулеметов, под стоны людей, спасающих от „великих потрясений"—„Великую Россию".

Такова в ярком изложении Шульгина программа «Великой России» в аграрном вопросе, которому правительство и общество придавали главенствующее значение.

Международное положение также отражалось газетой и главное внимание в этой области уделялось, конечно, Франции, первой покровительнице Врангеля, а другим странам Запада—поскольку можно было рассчитывать на ту или иную помощь от них. Аккуратно вылавливалось из иностранной печати все, что говорило в пользу Врангеля или давало повод к критике и компрометированию Советской власти и ее представителей. Много также внимания уделялось вопросам церкви.

В общем старинная тройственная формула—«православие, самодержавие и народность»—составляла фундамент публицистики этого солидного врангелевского официоза.

Та же самая программа, но в более живой форме, разрабатывалась «Вечерним Временем» Б. Суворина и «Вечерним Словом» Бурнакина.

«Вечернее Время» было первой, белой газетой, возобновившейся после революции, в июне 1918 года, в Екатеринодаре при добровольческой армии, с благословения самого генерала Алексеева; в середине декабря 1918 года газета перешла в Ростов, а с января 1920 года она обосновалась в Феодосии.

Редактировалась газета Б. Сувориным и П. А. Никашиным, писали в ней старые сотрудники—Д. Янчевецкий, Г. Буханцев, К. Шумлевич, С. К. Эфрон-Литвин, Весеньев и даже К. Острожский—присяжный драматург петербургского суворинского Малого театра.

Феодосийское «Вечернее Время», как и симферопольское «Время», наполнялись длинными передовицами самого издателя, в которых развивались идеи государственного национализма, но не в солидном тоне Шульгина, а более резко, более крикливо, с налетом бульварности, что привлекало симпатии «широкой массы читающей публики». Феодосийская же публика была очень падка до сенсационных новостей и разоблачений, плохо разбиралась, по своему развитию, в действительном политическом положении, а потому легко читаемая, живая и разнообразная газета, «Вечернее Время», в опытных руках Б. Суворина, пришлась ей вполне по вкусу.

Программа Суворина—известна: фрондирование с определенным уклоном вправо и хлесткая критика в пределах дозволенного правительством, всесторонняя поддержка правительственного курса и громогласное откровенное желание монарха.

Один из вечерне-временских поэтов, граф. Н. Зубов, например, писал:

„Настанут дни, и вихрь кровавый
„От нас умчится навсегда,
„Взлетит опять орел двухглавый,
„И сгинет красная звезда"...

Тот же граф в статье «Наши задачи» («Веч. Вр.» № 31), утверждал, что коммунизм «затяжная мозговая болезнь русского народа» и советовал обождать, пока она перебродит.

„Правда, жестоко оставлять наших братьев в Совдепии в рабстве даже лишний день. Но преждевременное спасение России только погубит ее и вместо нынешней революции грянет другая. Подождем, пока весь народ от мала до велика, с голыми руками, встанет, как один, и с воплем: „хозяина", двинется вперед. Тогда наступит настоящий час. То будет час гибели коммунизма. То будет час оздоровления России"...

Но пока весь народ не испускал воплей «хозяина», за него старалось «Вечернее Время», на все лады кричавшее о необходимости монархии. Культ Николая II и его семьи соблюдался этой газетой. Передовая статья, например,

во 2-ю годовщину смерти царя оканчивалась таким траурным аккордом:

„Помолимся же сегодня об упокоении душ раба божьего Николая и его семьи, и да пошлет им Господь мир и блаженство в вечной обители праведников".

В других статьях Николай II изображался, как личность глубоко трагическая, как примерный семьянин, как «один из наиболее горячих русских патриотов, не признававший ничего, кроме русского, даже в мелочах домашнего обихода, любитель русской старины, первый из царей, начавший восстанавливать истинные картины былой славы русского народа»... «глубоко религиозный, чрезвычайно доброжелательный, со всеми безукоризненно вежливый, совершенно простой человек в привычках общественной жизни» и т. д. и т. д.

Очень любопытна позиция «Вечернего Времени» по отношению к союзникам.

Лишь только случалась какая-либо заминка в отношениях Врангеля к какой-нибудь из держав Антанты, как «Вечернее Время» начинало усиленную кампанию, громко взывая ко всему миру и вспоминая великие заслуги царевой России перед союзниками, упрекало их в неблагодарности и чуть ли не в сочувствии к большевизму.

Когда осенью 1920 года Англия подняла перед Советским правительством вопрос об условиях заключения мира с Врангелем, Б. Суворин с пеной у рта останавливал союзников от такого необдуманного шага. Суворин признавал:

„Не тот страшный на вид и запутанный, как произведение Клемансо, а мир победителей, которых, как говорила Великая Екатерина, не судят"... „Большевизм уже кончается и ему остается лишь нанести le coup de grâce [1]).

Сепаратные перемирия лишь дают передышку издыхающему коммунизму...

„Мы можем получить мир только борьбой и мы подпишем его в Москве, когда уже будут снесены виселицы, на которых будут повешены Ленин, Бронштейн и их клика".

Вот о каком мире мечтали монархисты и в каком направлении старались воздействовать они на общественное мнение Западной Европы. Они употребляли все усилия своих публицистических талантов, весь жар своей убе-

---

[1]) Последний удар.

дительности, всю неотразимость аргументов, чтобы отпугнуть особенно английскую дипломатию от каких-бы то ни было сношений с представителями Советского правительства. Когда же это им не удавалось, то и английские дипломаты, обливались помоями, газетной грязи, и подвергались энергичной ругани и брани. Так, например, переговоры в июне 20 года Ллойд-Джордж с Красиным получили следующее отражение в передовой «Вечернего Времени»:

„Никогда еще в истории Англии не было того позора, до которого довел свою страну Ллойд-Джордж. Какой-то подозрительный субьект Красин и беглый каторжник „Макарка рыжий" Ногин, развалившись в креслах громадного внушительного здания министерства иностранных дел на Downing street, положили ноги на колени удивленным Е. Бонар-Лоу и лорду Керзону и стали диктовать свои условия английскому премьеру"... (№ 547 „Веч. Вр.").

Нерешительность союзников в деле помощи Врангелю и их вполне понятные сомнения в его конечной победе вызывали также ряд статей, в которых разъяснялось значение белой армии в деле искоренения большевистской заразы, при чем дело это постоянно рассматривалось в мировом масштабе.

„Надо признать большевистскую опасность,— писал в одной из своих передовиц Б. Суворин,— как мировую опасность гораздо большую, чем тот милитаризм, который объединил всю Европу в борьбе с Германией, надо открыть глаза и не полагать, что нам оказывают какую-то благотворительность. Наша армия это героический авангард всего, что неминуемо будет бороться с большевизмом, и так надо смотреть на оказываемую нам всегда недостаточную помощь"... (№ 531).

Чтобы закончить характеристику этого боевого органа врангелевского монархизма, остается отметить еще одну сторону, а именно—непримиримую вражду и травлю всякой общественности и профессионального движения. Подобно тому, как само правительство Юга России во всех рабочих организациях видело лишь скрытый большевизм и терпело их лишь постольку, поскольку это необходимо было с провозглашенными бароном Врангелем «демократическими» лозунгами,—так и «Вечернее Время» всегда и во всем видело страшный красный призрак коммунизма и вело самую беспощадную борьбу с ним.

Особенно сильный шум был поднят «Вечерним Временем» весной 1920 года, когда контр-разведка открыла больше-

вистские организации в Симферополе, Севастополе и Феодосии. Обвинялась татарская молодежь—члены профессиональных союзов. Явно нелепое обвинение угрожало юношам смертью. В дело вступились представители городского самоуправления, ходатайствовавшие перед властью о помиловании. Этого было более, чем достаточно для «Вечернего Времени», чтобы обрушиться на «общественность».

„Во время войны шпионы и неприятельские агенты в тылу расстреливаются без всякой жалости, почему же должно быть другое отношение к большевистским провокаторам, хотя бы они и были членами профессиональных союзов“ (№ 521).

Затем городские деятели, имевшие неосторожность вступиться за крамольников, обвинялись не более, не менее, как в подкупе их большевиками, и публицистические громы обрушивались на этих людей, «купленных красным золотом, обагренным лучшей русской кровью», людей, «подготовляющих гибель армии в последнем ее оплоте—Крыму» и т. д.

«Вечернее Слово», издававшееся в Севастополе, было точной копией суворинской газеты, но уступало ей в литературности. Это незаконное дитя «Вечернего Времени» обслуживалось группой отколовшихся по личным счетам от Суворина его прежних петербургских сотрудников и редактировалось небезызвестным в правых кругах Бурнакиным. Незадолго до революции и до закрытии «Нового Времени», Бурнакин занял в этой газете положение уже одряхлевшего В. П. Буренина и выступил в качестве литературного критика ультра-реакционного толка. Сотрудничал он также и в других правых органах печати— в «Голосе Руси», в журнале студентов-академистов «Вешние воды» и чуть ли не в «Русском Знамени» или «Земщине».

Кроме Бурнакина, ближайшее участие в «Вечернем Слове» принимали бывший сотрудник «Нового Времени» чиновник кривошеинского управления землеустройства и земледелия, Б. Юрлов, Н. Й. Вознесенский, князь А. Мутузи, занимавший важное положение у Врангеля, и др.

В обществе ходили упорные слухи, что «Вечернее Слово» пользуется особливым расположением Врангеля. И, действительно, он оказывал ему всяческую поддержку. Бурнакин получил в Севастополе и бумагу, и краску, и типографию, и ряд других пособий.

На внимание Запада бурнакинское «Вечернее Слово», в противоположность суворинскому «Вечернему Времени», рассчитывать не могло. Это была не политическая, а просто

бульварная газетка. Но обработка крымского обывателя исполнялась ею успешно, за что она и пользовалась расположением и поддержкой Врангеля. Центр тяжести интересов и внимания этой газеты переносился на разъяснение внутреннего положения Юга России. «Вечернее Слово» вело травлю против профессиональных союзов и самоуправлений, против городских общественных организаций, вполне одобряла действия генерала Слащева во время расстрела им рабочих, и время от времени подогревало публику сенсационными сообщениями о местожительстве царя, о приезде Николая в Крым, о выступлении в Советской России великого князя Михаила Александровича и т. д.

Характерна также нещадная брань, которою взаимно обменивались в полемике «Вечернее Слово» с «Вечерним Временем».

Несколько иной характер носила другая монархическая газета «Ялтинский Вечер».

Ее монархизм, ничем не прикрытый, смущал даже «Вечернее Слово». Последнее в одном из фельетонов Б. Юрлова «Черный фронт» робко пыталось осадить своего черезчур зарвавшегося коллегу, указывая, что непримиримая реставрационная позиция правых партий может причинить врангелевскому делу только вред.

«Ялтинский Вечер» обозвал за это Б. Юрлова «большевиком» «дешевеньким демагогом».

Газета писала:

„Правые партии в период междуцарствия (!!) обязаны особенно ревностно бороться за торжество монархического принципа. Это они и делают“. Посему никто не должен мешать им на этом пути, а „путь русский теперь один—восстановление России“, разумеется царской России, с обожаемым монархом.

„Монархическое чувство в настоящий момент почти религиозное чувство. Народ объясняет свои бедствия изменой этому принципу, и пролитая царская кровь кошмаром давить народное самосознание“...

„Эксцессы нашей позорной революции, величайшие страдания народа русского, естественно, *должны привести к спасительной реакции* (курсив наш), великому сдвигу общественного мнения. В этом сила правового фронта. Будущее за ним“...

Отсюда выводилось требование полной свободы монархической пропаганды, без всяких сдергиваний и вуалирований.

„Кто же хозяин?—спрашивает передовая в № 253 „Ялтинского Вечера“, и с откровенной прямотой отвечает: „царь“.

„Надо прямо сказать, кого хотят назвать хозяином русской земли.

„Недомолвки в этом деле опасны, ибо логика событий может повторить нам вопрос грозного пророка Ильи: „что вы храмлете на обе плесне ваши,—аще Ваал—Ваал, аще Господь—Господь".

„Надо прямо сказать, что хозяином русской земли может быть только русский царь, законопреемственно взявший на себя тяжесть короны и скипетра русских государей".

Эта прямолинейная монархическая пропаганда «Ялтинского Вечера» находила самый живейший отклик у его читателей: представителей богатой российской буржуазии, распродававших пока свои бриллианты и драгоценности, которые им посчастливилось провезти из Советской России, титулованных дам, отставных старых чиновников, сенаторов, находящихся не у дел сановников и прочих «бывших людей» самодержавной России.

Стихи о московском Кремле, длинные статьи по вопросам международной политики, широкая информация и внимательная отметка о всех назначениях, отставках и перемещениях, перепечатки из иностранной и эмигрантской прессы, конечно, в соответствующей обработке, хроника, биржевые бюллетени,—вот, что составляло содержание этой большой газеты, старавшейся удовлетворить вкусам ялтинской аристократии.

Издателем «Ялтинского Вечера» было паевое товарищество «Единая Русь», а редактировал сперва М. Н. Якушев, которого потом сменила редакционная коллегия. Ближайшими сотрудниками были М. И. Иванов, В. Березовский, Н. Старк, Н. Савич и даже И. Сургучев, писавший по вопросам искусства и литературы, автор популярной пьесы «Осенние скрипки».

Пышный букет крымских монархических газет заключался еще тремя газетами: «Святая Русь», «Царь-Колокол» и «Заря России».

«Святая Русь» выходила в Севастополе под непосредственным руководством и с благословения епископа Вениамина, под редакцией бывшего профессора петербургской духовной академии Н. М. Малахова, выступавшего в Севастополе и других городах Крыма с лекциями об основах возрождения России, каковыми являлись православие, самодержавие и народность, и с циклом погромных лекций о масонстве.

Газета сгруппировала вокруг себя политиканствующее духовенство, но особого успеха в населении не имела. Просуществовала не долго.

Другая монархическая газета «Царь Колокол» начала выходить в Севастополе в конце августа. Редактором

ее был Н. П. Измайлов, деятельное участие и поддержку оказывали важные правые деятели П. Н. Ненарокомов, Л. М. Изюмов, епископ Вениамин. Газета поддерживала связь с монархическим обществом «Русское Возрождение», пользовавшимся благоволением самого Кривошеина и других видных представителей врангелевского правительства. Газета именовала себя, как «Голос русской мысли, русских слез и русского смеха», в действительности же была типичным листком «Союза Русского Народа», а от ее ультрареакционных писаний веяло духом приснопамятных выступлений Маркова 2-го.

Если «Вечернее Время» руководило правым кругом власть имущих то «Царь-Колокол» перешагнул вовсе за пределы всяких белогвардейских группировок. Лишенный какого бы то ни было политического такта, он изощрялся в «истинно-русском» пустословии и словоблудии. Несмотря на оказанную в начале поддержку со стороны сильных мира сего, «Царь-Колокол», не дойдя до десятого номера, был закрыт, когда стал обличать в демократизме врангелевских министров.

Последней монархической газетой, издававшейся в том же Севастополе, была «Заря России», редактировавшаяся сначала нововременцем А. Ренниковым, а впоследствии Л. Бергом. Это была совершенно пустая газета, однако, ловко спекульнувшая на вкусах крымской публики перепечаткой из «Таймса» длиннейшей статьи «Убийство царя». Издатели очень остроумно угощали читателей маленькими порциями этой занимательной истории, продолжение которой с августа тянулось до ноября, с произвольными промежутками от одного до трех-четырех дней. Так поддерживалась розничная продажа.

Политического значения «Заря России» не имела никакого. Бесконечно лживая, она выдумывала самые невозможные сенсации. Отметим, лишь предпринятое этой газетой систематическое рекламирование Махно, когда муссировались слухи о его переходе к Врангелю.

Махно трактовался с точки зрения не столько стратегической, сколько национально-политической, как представитель украинского крестьянства, восставшего против ига коммунизма. Воззвания махновских атаманов Яценко и Савченко рассматривались как показатель того, как «быстро совершается внутренняя эволюция повстанческого движения из стихийно-анархического и разрушительного в здоровое крестьянство, национальное и государственное, в какой мере оно всемерно идет на поддержку борьбы и осуществления задач, поставленных себе новой рус-

ской армией». Опираясь далее на исторические примеры крестьянских повстанческих движений, руководимых Стенькой Разиным, Болотниковым, Пугачевым, Молчановым и т. д., «Заря России» пришла к выводу, что «как бы эти движения ни были направлены против бояр, панов и помещиков, как бы ни питались они «голытьбой», как бы ни были жестоки и бессмысленны, — в сущности, они были всегда глубоко консервативны и государственны, ибо лозунгом своим ставили обычно защиту прав законного государя—то Алексея, то Петра III. И это был не ловкий обман, а искренняя народная вера. Это была какая-то глубокая историческая интуиция, какой-то здоровый инстинкт, предчувствие, предвидение»... Махно назывался «отдаленным потомком» Разина, к которому газета взывала, повторяя слова Врангеля: «Подадим же друг другу руки, сомкнем стройные ряды, станем любить друг друга и освободим истерзанную Русь Святую от комиссарского царства и создадим власть по воле народа».

«Заря России» рассказывала крымской публике множество занимательных сенсационных, чудесных историй о «батьке Махно», высоко превознося его героическую деятельность, и прославляла его тем более, что улица весьма одобряла такого рода сообщения и создавала газете приличную розницу, «что и требовалось доказать».

Далее нужно остановиться на газетах, предназначенных для крестьянства. Таковы «Знамя» и орган крестьянского союза «Крестьянский Путь».

Первая, незначительная по размеру и не особенно долго просуществовавшая, издавалась в Симферополе В. А. Фаусеком (он же был и редактором и наиболее деятельным сотрудником). Ближайшее сотрудничество принимали В. Даватц и Л. Покидайлов.

Главное задание газеты заключалось в успокоении и обнадеживании крестьян, что земля им будет дана, что барон Врангель, излечив Россию от большевистской язвы и заняв Первопрестольную, обязательно даст демократический строй и т. д.

Попутно «Земля» старалась искоренять вредные крестьянские предрассудки, например, о буржуях:

„Слово это иностранное,— поучала „Земля“ темных крестьян.— Раньше оно означало просто жителя города. А так как во Франции горожане были богаче сельчан, то буржуем звали вообще богатых людей. А припомните, кого мы теперь называем буржуем. Если в деревню явится человек в чистой одежде и заговорит образованным языком, его уже считают буржуем. На фабрике инженера на-

зывают буржуем. Чиновники, учителя, доктора, артисты—все буржуи. А посмотрите на этих буржуев. Учитель работает в день более восьми часов, а получает втрое меньше, нежели рабочий. В Севастополе наборщик получает 45 тысяч в месяц, а заведующий типографией инженер-механик—19 тысяч, а между тем один из них ходит в простой блузе, а другой носит пиджак“ и т. д,

В таком же поучительном тоне газета постоянно напоминала своему меньшому брату-земледельцу о религии, добрых нравах и о прочем.

Более любопытной и более серьезной попыткой подойти к крестьянину было издание газеты «Крестьянский Путь», органа «Крестьянского Союза Юга России», издававшейся в Симферополе.

Конечно, этот Союз при Врангеле был далеко не тем, чем он был до него. За ним зорко следили и правительство, и добровольные сыщики из правых газет. Они постоянно напоминали Крестьянскому Союзу его связь с социал-революционной партией, его работу по углублению революции при Временном Правительстве, недостаточную сопротивляемость сепаратистам на Украйне при Гетмане и Петлюре и прочие вольные и невольные политические прегрешения этой организации. Несмотря на совершенную политическую невинность Крестьянского Союза при Врангеле, Н. Савич из «Ялтинского Вечера» (№ 285), например, определенно говорил, что с этим союзом не по пути «вдумчивым и честным патриотам», что вообще сейчас совершенно не своевременна «организация партии для защиты классовых интересов» (№ 326).

Правые публицисты упрекали крестьян в лице их Союза, в их слабой поддержке фронта, в обиде помещиков («землевладельцы (дворяне) разорены, между тем, как крестьянам дана земля»), обвиняли Союз, чт он так слабо помогал Врангелю добраться до Москвы, а сейчас бестактно и неделикатно подымает такие «шкурные вопросы», как вопрос о земле. Из всего этого, как непреложное следствие вытекала «осторожность» в оказании доверия Крестьянскому Союзу ввиду «вредной деятельности подобной организации в прошлом» («Ялт. Вечер» № 326, Н. Савич).

„Ничего положительного союз этот дать не может, так как наше крестьянство еще не обуржуазилось, как французское или германское. Столыпинского „сильного середняка“ пока еще нет... Таким образом крестьянский союз будет иметь лишь благоприятную почву для пропаганды социалистических идей, а потому всегда останется враждебным власти, если она окажется не строго классовой“ (№ 285).

На самом же деле Крестьянский Союз, возглавляемый помещиками и кулаческим элементом, был самой благонадежной организацией, преданной существующей власти.

Сравнительно с «Землей» Фаусека, «Крестьянский Путь» все же давал кой-какой материал и тщательно обрабатывал крестьян. Помимо обязательных сведений о положении фронта, газета старалась отразить крестьянскую жизнь, волостную, земскую работу, много говорила о необходимости крестьянского сельско-хозяйственного образования, знакомила крестьянство с бытом французских, датских, немецких и болгарских крестьян, ставя в пример их буржуазное благополучие и интенсивность хозяйства. Одновременно с этим усиленно подчеркивались развал и неурядицы крестьянской жизни в Советской России,—сведения об этом, по примеру всех вообще врангелевских газет, подтасовывались определенным образом.

Ряд статей в отделе «Крестьянский Университет» обрабатывал русскую историю—преимущественно эпоху смутного времени, стараясь доказать крестьянам, что подобные революции уже были прежде, что Святая Русь, неоднократно переживала и комиссаров, и большевиков, и погромы, и самосуды, и классовые перевороты, и самостийность, и вмешательство чужеземцев в ориентации на иностранцев, и голод, и спекуляцию, и вообще все то, чем полна современная действительность. Крестьянство же, пройдя курс подобного университета, должно было притти, по мнению автора, к такому заключению: раз прежняя смута закончилась выбором царя, то, по аналогии, тем же должна завершиться и нынешняя революция.

Не оставлялось без должного внимания и религиозно-нравственное воспитание крестьянства, которое выражалось в ряде статей, вроде, например, помещенной в № 20 статьи «В дни покаяния». Автор брал известную великопостную молитву и по-семинарски сладенькими елейными рассуждениями снабжал каждую фразу этой молитвы. «Дух праздности, уныния, любоначалия и празднословия не даждь ми и обновленную раскаянием душу свою наполни духом целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви», которая одна только может вновь срастись и залечить растерзанное враждой тело Родины... «Покайтесь же, православные!.. А все нераскаявшиеся останутся в памяти народа с печатью матереубийцы и братоубийцы наряду с красными палачами»...

Таков был орган Крестьянского Союза Юга России, издававшийся, как было сказано на заголовке газеты, «во славу Бога, во имя спасения Родины, торжества закон-

ности и правды, святости семьи и чистоты нравов». Лозунгом газеты, ежедневно печатавшимся крупными буквами на первой странице, был: «Мир—родине, Право—народу, Земля—казакам и крестьянам».

Редактировал эту газету В. Я. Уланов. Газета обладала обширным кадром сотрудников, из которых наиболее деятельными нужно считать следующих: проф. П. Слезкин, И. Веселовский, И. Лобов, В. Толмачев и Ив. Горев из «Таврич. Голоса».

Из обзора крестьянской прессы Крыма видно, какие усилия употреблялись русской контр-революцией для привлечения к себе крестьянской массы путем ее одурения и обмана. Но и это, столь широко поставленное предприятие, очевидно, не оправдывало возлагавшихся на него надежд, если врангелевское правительство вынуждено было издавать специально для крестьян фальшивую «Селянскую Бедноту» или «Борьбу».

* * *

Такова была врангелевская печать, которая имела значение не только в Крыму, но играла определенную значительную роль и за границей. Информационный отдел обильно и аккуратно посылал экстракты из статей правых газет и препарированные советские радио по заграничным представительствам, которые помещались в правой прессе в качестве правительственной информации.

Но дело не ограничивалось только этим, а развивалось далее бурцевскими, милюковскими и другими российско-эмигрантскими органами печати.

Особенно умело и обдуманно вело врангелевскую пропаганду парижское «Общее Дело». Вместо дифирамбов «новому вождю русской армии», «Общее Дело» производило якобы беспристрастную оценку врангелевских «демократических» законопроектов и деклараций и преклонялось пред государственной мудростью правителя Юга России. Задачей этой беспристрастной публицистики было убедить кого надо на Западе, что Крым, под премудрым управлением Врангеля, превращен в демократический рай. А это было делом нетрудным, тем более, что исключительно для пускания пыли в глаза Запада в Крыму составлялись и провозглашались законы о земле, о правах национальных меньшинств и т. д. И в то же самое время, когда крестьян забирали насильно в солдаты, а рабочих арестовывали и расстреливали по самым пустячным поводам,—

Западу сообщалось при помощи дружественной эмигрантской печати о тяготении деревни к Врангелю, о материальном обеспечении рабочих, о разрешении самоуправления татарам и т. п. И кадеты, которые пуще всего боялись передачи земли крестьянам, с восторгом кричали в своих парижских и берлинских газетах о «демократической» земельной реформе Врангеля. Восторг этих публицистов тем более возрастал, чем больше была их уверенность, что все эти врангелевские законопроекты и декларации—только «клочки бумаги».

Так ловко и осторожно обрабатывались в нужном направлении общественное мнение и политические круги Запада. Опытные политические дельцы, под управлением заслуженных дирижеров Милюкова и Бурцева, употребляли все свое искусство, весь опыт политического шарлатанства и шулерства.

Крымчане на собственной шкуре испытали все прелести врангелевского рая, и их нельзя было пленить никакими описаниями этого рая. Отсюда вытекала необходимость систематического всестороннего опорочивания Советской России.

Такого рода сообщения подразделим на несколько групп.

К первой относится подбор извращенных и вымышленных фактов, доказывавших непрочность и недолговечность Советской власти. Передавались известия о громадных крестьянских волнениях и бунтах в разных местностях России, об организации стотысячной германской армии, готовой по приказанию Антанты двинуться на Москву («Веч. Курьер» № 3), об успехах Махно.

Ежедневно под разными соусами сообщалось, что Советская власть доживает последние месяцы своего существования. Передавались «достоверные сведения» о восстаниях в Красной армии, подробные рассказы о руководительстве такими восстаниями Брусилова, о переворотах в Москве, при чем Троцкий немилосердно убивался, а Ленин, заявив себя сторонником Учредительного Собрания, входил в состав брусиловского правительства. («Веч. Курьер» № 18, «Веч. Слово» и др.).

Затем время от времени газеты помещали сообщения специально для местного населения, в которых доказывалась на все лады мощь и крепость добровольческой армии. Таковы, между прочим, известия о том, что донские и деникинские деньги имеют хождение в Советской России, а также сообщения о получении белыми великих и богатых милостей с Запада.

Ко второй группе относится военная ложь: описание собственных успехов и поражений Красной Армии. Эти заметки иногда доходили до пределов анекдотичности. «Заря России», например, помещает такую заметку (№ 127).

30 против 600.

„Действующая Армия, 22-VI. В районе Алешек группа красных в 600 человек, при поддержке орудий и с пулеметами, направилась в лодках под прикрытием темноты. 30 человек русской армии не только отбили противника, но, перейдя в геройское наступление, опрокинули весь отряд красных в Днепр.

Часть противника успела спастись на лодках, большая же часть погибла в реке и болотах. Захвачена военная добыча".

Измена Буденного три раза обходила столбцы врангелевской прессы в марте, мае и сентябре 1920 года.

«Заря России» в передовой статье от 12 октября (№ 216) под заглавием: «Восстание Буденного» цитировала «Правду», которая якобы клеймила поступок своего вождя, «как самую гнусную подлость, самую бесчестную измену»:

„Причиной предательства явились не идейно-политические мотивы, а страх перед бессмысленным, злым и мстительным советским террором. Буденный предался неприятелю, при чем существовал целый план измены, ибо, по словам „Правды", преступление Буденного является лишь одним из этапов этого плана.

„Утешая себя в заключение, что все обойдется благополучно, „Правда" бросает неосторожный намек, что Буденный не один, а их много, и что эти „Буденные" мешают нашим революционным усилиям в борьбе против крымских мятежников", как бы сознаваясь тем, что в среде всех неустойчивых советских военачальников существует естественное тяготение к Крыму. От этих элементов нужно скорее избавиться.

„Такова оценка „Правды".

„Краковская информация дает несколько дополнительных штрихов: Буденный отделился от советской армии с частью своей конной группы и отошел в Подолию, где в районе Винницы организует антибольшевистский отряд, опираясь на крестьянские повстанческие элементы".

„Факт—продолжает передовица „Зари России"—измены советской власти Буденным представляет собой важнейший этап в процессе распада этой власти. Процесс этот наметился уже давно. Неизменно от красных отпадали одна военная организация за другой. Так было на сибирском и южно русском фронтах, но в особенности часто факты подобного рода наблюдались на территории Украйны. Все эти

„атаманы" и „батьки", вроде Григорьева, Ангела, Махно, Зеленого и пр.—неизменно кончали отложением от советской власти и повстанческой работой против большевиков, опираясь на крестьянское население. Но все эти явления не выходили из узкого круга событий чисто местного и второстепенного значения. Все эти атаманы не были непосредственными агентами советской власти, а лишь случайными ее спутниками, их войска представляли собой регулярное ополчение, органически не переваренное советским строем.

„Другое дело—Буденный, „краса и гордость" советской армии, победитель на южном и польском фронтах, главная надежда красных, ее авангард, таран и маневренная сила. Без кавалерии Буденного, в условиях гражданской войны, красная армия лишается всякой своей ценности".

Много также писалось о дезертирстве в Красной Армии. «Веч. Курьер» (№ 17) уверял, что в каждом советском полку осталось не более десятка человек.

Верхом юмористики была следующая телеграмма:

„Энвер Паша—главнокомандующий большевистских войск".

Цюрих, 7 сентября (Гавас). „Немецкое радио от 7 сентября сообщает, что, по сведениям из Москвы, Энвер-паша по просьбе, Ленина и Троцкого назначен главнокомандующим большевистскими войсками, идущими на Индию".

Особую группу составляли известия о красном терроре и ужасах чрезвычайки. «Заря России» (№ 30) уверяла, что в одном только Петрограде числится до 20.000 провокаторов, агентов Ч. К.

„Ч. К. подчинена непосредственно крайней левой группе большевиков во главе с Дзержинским — этим самодержавным ханжой и фанатиком. Власть его над жизнью любого гражданина неограничена. Никто, даже Троцкий, не знает, пройдет ли спокойно ближайшая ночь, или, по приказу Дзержинского, он будет арестован, приговорен и казнен прежде, чем об этом деле сможет узнать Ленин".

Какой ерундой заполнялись врангелевские газеты, достаточно показывает хотя бы следующий отрывок о Ч. К.:

„Приемы чрезвычайки бывают иногда очень оригинальны, чтобы не сказать чего-либо иного.

Вот пример, как чрезвычайка прикончила одного „буржуя", Он был приговорен к смертной казни. У него был раньше автомобиль, который давно еще был отобран большевиками.

Однажды, когда он сидел в тюрьме, вдруг его собственный автомобиль подкатил и остановился против окна его тюрьмы. Его пригласили выйти из тюрьмы, сесть в автомобиль.

Не веря своим глазам, „буржуй“ спрашивал себя: не сон ли это, может быть, пока он сидел в тюрьме, произошла революция, большевики бежали? Сидевший в автомобиле подтвердил его предположение.

Несчастный вошел в автомобиль, но в то время, как он, повернувшись спиной к своему спутнику, закрывал дверцу автомобиля—тот выстрелом из револьвера размозжил ему череп“.

Смерть танцовщицы.

„Она участвовала в заговоре социалистов-революционеров. Это было в дни величайшего террора после покушений на Урицкого и Ленина когда, беспощадно преследуя контр-революцию, большевики уничтожили около 3 тыс. человек.

Чрезвычайка стала следить за танцовщицей. Убедившись в ее причастности к контр-революции, с нею решили прикончить.

Ее приглашают на частный вечер танцовать какой-то японский танец—приглашен парикмахер для того, чтобы сделать ей необходимую для танца японскую прическу,—она садится, подставляет голову парикмахеру.

Хладнокровно вынимает он из кармана, вместо гребня, револьвер, выстрел—и танцовщица мертва“.

Таких и подобных им историй, печатавшихся во врангелевских газетах, можно было собрать целые альбомы. Здесь, и избиение рабочих Путиловского завода за выступление против Советской власти, и арест в Москве 30.000 заложников («Ялт. Голос», № 565), и массовые избиения, творимые по приказу Троцкого, этого злейшего врага белогвардейцев, и национализация женщин, и неделя любви в Петербурге, в течение которой все женщины обязуются принадлежать каждому и т. д.

Последнюю группу составляют известия о наиболее выдающихся деятелях Советской России. Нет той лжи, нет такой грязи и помоев, которые не были бы вылиты целыми ушатами на Ленина, Троцкого, Дзержинского и других. Достаточно было появиться в иностранной или нашей печати фамилии какого-нибудь советского представителя, как сейчас начиналась травля белых газет, не стеснявшихся абсолютно ничем. Буквально не было ни одного имени в Советской России, в которое бы не бросили ком грязи благородные врангелевские публицисты. Мир военный, артистический, ученый, дипломатический, литературный, Клембовский, Брусилов, Стеклов, Горький, Литви-

нов, Ясинский и т. д.,—никто не был забыт знимательной белой печатью, на всех она успела брызнуть своей липкой слюной, на всех изрыгнула она в бессильной злобе ушаты низкой клеветы, грязных сплетен и глупых бессмысленных небылиц.

Изолгавшаяся, продажная, потерявшая под конец всякое доверие и уважение к себе даже расположенных к ней крымских чиновников, офицеров и спекулянтов, врангелевская печать также неожиданно и быстро кончила свое существование сенсационными известиями о развале Красной Армии, когда эта Красная Армия молниеносным, небывалым в истории ударом опрокинула Врангеля и всю окружавшую его нечисть в бездны Черного моря.

И вот Аверченко где-то в Константинополе открыл кабаре, Гиринов или Яблоновский где-то чистят сапоги или торгуют шнурками, Борис Суворин попал на содержание Сербского короля и издает свое «Время», кто-то пристроился к бурцевской газете, кого-то свалил сыпняк, кто-то нищенствует и побирается по улицам большого европейского города.

Печальный финал.

Димитрий Маслов.

Положение интеллигенции в Крыму при Врангеле.

До революции интеллигенция в Крыму численно нисколько не превышала в процентном отношении работников умственного труда других мест России. Как и всюду, на юге состояла она, главным образом, из чиновничества и небольшой доли лиц, так-называемых, свободных профессий. Этот кадр систематически и регулярно пополнялся приезжавшими в Крым с севера.

Незадолго до Октябрьской революции наплыв интеллигенции в Крым стал заметно возрастать. Уставшая за время германской войны, боявшаяся всяких переворотов и потрясений, часть интеллигенции охотно потекла в Крым, как в сравнительно спокойное и обеспеченное место. Ясно, что первыми бросились сюда наиболее близкие к буржуазии элементы, для которых малейший уклон в политике от привычной нормы был уже невыносим.

После октябрьской революции Крым превратился в уголок, куда интеллигенция уже стала спасаться бегством, в расчете на скорейшее избавление от большевиков именно в этом месте, благодаря близости к берегам Черного моря судов западно-европейских государств. С этого момента состав интеллигентской эмиграции уже меняется. Если до Октябрьской революции от «бурь и натиска» прятались сюда искавшие абсолютного покоя буржуазные слои интеллигенции, то вслед за ними за чемоданы взялись и самые разнообразные элементы. Но это бегство в Крым началось не сразу. Первое время никто из них вообще не верил в долговечность Советского режима, и та часть интеллигенции, которая стояла вдали от активной борьбы с Советской властью, предпочитала выжидать. Дравшиеся с нами на баррикадах в юнкерских и белогвардейских рядах верили в скорую ликвидацию большевизма путем нового вооруженного восстания, а пассивная часть интеллигенции, не решившаяся восстать с оружием в руках, но открыто

сочувствовавшая белогвардейцам и тайно им всячески помогавшая, выжидательно сидела на своих местах, и лишь с начала террора стала сниматься с якоря и плыть в Крым. К коммунистам активно примкнула в начале революции лишь горсть интеллигенции. Небольшая часть пошла работать сразу в советские учреждения, большинство же прибегло к самому решительному саботажу и с надеждой взирало на начавшее развиваться на юге, при поддержке немцев, контр-революционное движение. Вот с этого момента, собственно, и усиливается тяга интеллигенции к Крыму, как удобнейшему для нее во всех отношениях месту.

Первоначально паломничество интеллигенции шло на Украину, где под сенью гетманских и немецких благ концентрировалась российская контр-революция и где интеллигенция пыталась найти применение своим силам, которых она не захотела отдать Советской власти. Собравшаяся на Украине интеллигенция мало-по-малу психологически начинала вырастать в активную контр-революцию. Верила-ли она в свою победу или нет—но момент резкого отмежовывания от большевиков невольно переходил в фазу открытой борьбы.

Когда на Украине пали гетманы и Петлюра, и на смену им пришла Советская власть, большинство скопившейся на юге интеллигенции просто растерялось. Она стала рассыпаться и через все щели лезть в Крым. Когда же на Украине и на Кавказе была разгромлена Деникинская армия, и остатки ее попятились на Юг,—вместе с ними хлынула и та масса интеллигенции, которая окончательно решила связать свою судьбу с судьбой контр-революционных банд. К этому времени Крым превращается в центр активного сосредоточения интеллигентских сил,—и с этого же времени начинается то направление в политической жизни Крыма, которое обусловливает все переживания в эпоху бесконечных потуг к реставрации.

В свой первый приход на Украину Советская власть пыталась примирить с собой интеллигенцию, всячески убеждая ее в необходимости сотрудничества с пролетариатом. Небольшая часть подошла искренно, кое-кто с тревогой и боязнью,—большинство же, не успевшее или не сумевшее во время выбраться,—хранило камень за пазухой. И когда на смену большевикам пришли деникинцы, в объятья к ним бросилась почти вся интеллигенция, за исключением небольшой кучки, революционно настроенной.

Поражение Деникина убийственно отразилось на интеллигенции. При нем у нее росли надежды на развитие

мирной конституционной или буржуазно-республиканской жизни; при Деникине, как грибы, росли политические и общественные организации. Пусть они были бесправны, подневольны, абсолютно зависимы от добрармии и ее вождей, но в этих организациях и вокруг них интеллигенция надеялась найти применение собственным силам. Но вот— крах добрармии, а вместе с ним и крах интеллигентских надежд. Интеллигенция окончательно запутывается. Уже Деникинщина на Украине убеждает многих, что вся затея Добрармии—не более, как политическая авантюра отечественной и западно-европейской контр-революции, что никаких перспектив действительной свободы армия Деникина не несет ни массам, ни даже самой интеллигенции, так тепло приникшей к Деникину,—и перед многими встал вопрос, что лучше: бежать-ли с армией, в успех которой подорвана вера, или оставаться в ожидании справедливого возмездия за свои деяния? Этот вопрос мучил и угнетал не одну сотню интеллигентских голов. Острота его выбила почву из-под ног у многих интеллигентов, и они улетели в Крым, очертя голову, подчас не отдавая себе в этом отчета, а лишь внимая запугиваниями окружающих и своему собственному животному страху.

И вот, к моменту отхода остатков Деникинской армии в Крым, там комплектуется интеллигенция нескольких сортов: одна группа составляется из людей, просто ищущих покоя от житейских бурь и думающих найти здесь этот покой, и дешевую материальную жизнь; ко второй группе, конечно, приходится отнести идейную и активную контр-революцию и, наконец, третья—составляет немногочисленный, потерявшие политическое и душевное равновесие, элементы, который бежал в Крым неведомо для чего и зачем. Изо всей этой массы нашла себе дело в Крыму, когда туда тянулись остатки Деникинской армии, лишь вторая группа.

Уже с первыми карательными отрядами, явившимися в Крым на другой день после ухода Советской власти, оказалась у дел активная часть этих реставраторов, которые принялись за расправу с интеллигенцией, работавшей в Крыму с Советской властью.

Нужно отметить то благожелательное отношение к интеллигенции, которое проявлено было в Крыму Советской властью, весной 1919 года.

Привлечены были к работе все более или менее заметные интеллигентские силы; профессиональным организациям предоставлены были права и возможность посылать своих

представителей на ответственные должности в комиссариатах. В то же время Советской властью были приняты действительные меры к охране личности и имущества находившихся в Крыму видных представителей русского искусства и науки. Создавалась атмосфера взаимного доверия и совместной творческой работы.

Но с приходом в Крым Деникинской власти всем представителям интеллигенции, занимавшим при Советской власти более или менее ответственные должности, пришлось скрыться, а не успевшие этого сделать частью погибли, частью были брошены в тюрьмы и, в лучшем случае, лишились места.

В Симферополь передовые отряды вошли ночью, и первым проявлением новой власти, какое заметили граждане, выйдя утром на улицу, были повешенные на фонарях, случайно попавшие под руку казакам, люди.

В Ялте эта расправа с интеллигентными советскими работниками выражалась, между прочим, и в таких действиях: «преступников» выводили на мост и, привязав камень на шею, сталкивали в море. В Старом Крыму зверскую расправу над интеллигенцией учинял некий Переверзев. Им, между прочим, был арестован один из популярных общественных деятелей в Крыму—бывший городской голова Вангенгейм—и по дороге в Феодосию зверски убит. Переверзев же подверг экзекуции больную, хромую учительницу Ткач-Оленникову, не имевшую никакого отношения к политике. По чьему-то доносу, за якобы дурной отзыв о белых, ее привели во двор милиции, затащили в дом, и, произведя насилие, дали тридцать шомпольных ударов...

Еще более трагическая участь постигла в деревне другую учительницу М., которая также была сперва арестована чинами государственной стражи и ими же изнасилована, а когда по поводу этого преступления было возбуждено дело,—начальник отряда, чтобы не скомпрометировать своих подчиненных, приказал расстрелять несчастную. Факт этот, по какому-то недосмотру цензуры, был опубликован даже в газете «Южные Ведомости».

Яркую картину кровавых оргий рисует письмо на имя Деникина управляющего Таврической епархией—епископа Вениамина.

Вот, что, между прочим, пишет этот ярый сторонник белых, прославившийся своими проповедями, в которых он неизменно громил «гнилую социалистическую интеллигенцию» и евреев:

«Массовые аресты и расстрелы по деревням, неразборчивая месть имевшим хоть какое-нибудь отношение к большевизму и проч.,—все это сделало то, что многие, а именно в деревнях, снова отшатываются от добровольческой армии...»

„...Сгоняют народ на молебен по случаю освобождения от большевиков, а затем гуртом гонят в волостное управление, где по спискам вызывают большевиков, а так как те в большинстве убежали, то ищут родственников их (братьев, отцов) и секут шомполами... Молебен с шомполами“.

«В селе Мейчикур казнят причастных к Совдепу, хотя и были люди прекрасные... несмотря на просьбу священника, пощадить хоть одному крестьянину жизнь. Особенно отличается какая-то женщина в солдатском костюме, которая самолично рубит уже убитого председателя и куски тела бросает в огонь».

В Севастополе в первый же день избит был добровольцами редактор «Прибоя». Подобные приведенным эксцессы продолжались во все время пребывания белых в Крыму. Бесчинства контр-разведки и государственной стражи становились все циничнее, а смертные приговоры выносились военно-полевыми судами все чаще.

В то же время соответственно изменялась и общая политика реакционной власти по отношению к интеллигенции. Был закрыт, наприм., союз правительственных служащих, возникший еще в марте 1917 г. Лицам, состоящим на правительственной службе, воспрещено совмещать эту службу другими должностями. Более или менее заметные работники в земском и городском самоуправлениях и кооперативах взяты под подозрение, при чем многие из них подверглись арестам. В связи с таким отношением власти к интеллигенции, в крае замерла культурная жизнь. О свободных публичных выступлениях на политические темы не могло быть и речи. А, если таковые и бывали, то лишь под казенным штемпелем. Монополией в этой области пользовался пресловутый протоиерей Востоков. И тут мишенью погромных воплей, науськиваний разнузданного протопопа являлась, на-ряду с евреями, все та же наша большевистская и полубольшевистская интеллигенция.

Преследовалось все, имевшее на себе печать демократизма. Даже н.-с. и плехановцы, лепившиеся при Деникине возле особого Совещания в форме Союза Возрождения, разлетелись и распылились с отъездом своих вождей,

уехавших из Крыма, после отставки Мельниковского правительства. Они были раздавлены сначала пятой Слащева, а потом еще более тяжелым сапогом Врангеля. Но преследование пошло за ними дальше и настигло их даже в скромном убежище кооперации.

В своих гонениях охранители врангелевского государственного строя не различали политических градаций. Самую умеренную и робкую оппозицию они окрещивали именем большевизма, и «за сочувствие большевикам» высылали в Грузию и Советскую Федерацию самых явных оппортунистов. Штрафовалась и «предупреждалась» неоднократно газета «Крымский Вестник», слегка оппозиционный орган; в таком же положении находился еще более умеренный «Таврический Голос»—газета кооперативов. Сотрудники Центросоюза и Крымского Союза Потребительных обществ, подозреваемые в большевизме,—мирные, даже очень правые эсеры и энесы,—находились под надзором, и в их среде производились аресты.

Полная заброшенность культуры и ее работников особенно сказалась на положении в Крыму народного образования. Во главе этого ведомства были поставлены старые педагоги-чиновники, прославившиеся при самодержавии. Задача их работы на новом поприще состояла в том, чтобы канцелярскими средствами препятствовать проявлению живой жизни во вверенной их попечению школе. И старые, испытанные работники, конечно, оправдали доверие Врангелевской власти.

Учительские союзы, правда, не были закрыты, но их едва терпели, и деятельности их ставились всевозможные препятствия. Голос учительства в школьном деле так же игнорировался, как и при царском строе. Об учительских курсах, съездах, конечно, не могло быть и речи. Школьное дело было заброшено, как дело последнее, и, по меньшей мере, лишнее. И это чувствовалось уже на том, что по приходе в город новых воинских частей, развертывавших лазареты,— в первую очередь реквизировались школьные здания. Поэтому, уже со стороны помещений для школ создалась обстановка, разрушавшая школьную жизнь.

В Симферополе, например, три средних школы с тысячью учащихся были помещены в одном тесном здании, худшем в городе по антисанитарному состоянию. И тут же, среди парт, на уроках функционировала публичная читальня Освага, а по стенам, вместо наглядных пособий, были развешаны тем же Освагом фотографические снимки расстрелянных и повешенных.

А рядом с этим в школах шла чистка, аресты учащих и учащихся, в целом ряде случаев кончавшиеся расстрелами детей (в Ялте) или повешением (в Симферополе).

Как разрушена была школа, можно судить еще и потому, что не только студенты были поголовно взяты в ряды войск, но призваны были и гимназисты от 5 класса. Конечно, родители вовсе не были склонны посылать своих детей на смерть,—и скрывали их учебный ценз, дававший в Крыму незавидную привилегию быть в рядах белой гвардии. И с улиц исчезли юноши в студенческих и гимназических фуражках. А если мелькали порой синие и темносиние околышки, то на них красовались солдатские кокарды...

4 августа 1920 г. делегация севастопольских кооператоров и городского самоуправления посетила Врангеля и просила об освобождении помещения Народного дома, в котором кооперация ведет свою культурно-просветительную работу. Врангель обещал заявление рассмотреть и при первой возможности Народный дом от реквизиции освободить. Правда, та культурно-просветительная работа, что велась в Народном доме, немного стоила и заключалась в постановках мелодрам дурного тона, разыгрывавшихся плохими силами,—однако, характерен факт реквизиции неудобного помещения на том только основании, что помещение—театральное и, следовательно, столь же легко доступное к захвату, как и гимназия, рабочий клуб или народная школа. Интересно еще то, что само Министерство Народного Просвещения было заключено в маленькое темное помещение одной из низших школ, около базара. Впрочем, масштаб деятельности этого ведомства и количество его сотрудников не требовали большого помещения.

Правовым положением интеллигенции в Крыму, определялось и ее материальное положение.

Если правительство Врангеля считалось с рабочими, как с реальной силой, то с интеллигенцией не было нужды считаться. Ни пользы, ни угрозы для себя с ее стороны правительство не видело.

И потому в Крыму, в течение всего периода Врангелевской власти, наблюдалось такое явление: толкаемые бешеным ростом рыночных цен на продукты, рабочие вынуждены были ежемесячно, а иногда и дважды в месяц, предъявлять предпринимателям требования о повышении ставок на 50 и на 100%. Но, несмотря на это, ставки их чем дальше, тем больше отставали от рыночных цен, и продукты давно уже утеряли свойство удовлетворять минимальные потребности рабочего.

Что же касается интеллигентных работников, то они были лишены права предъявлять, подобно рабочим, требования о повышении ставок и должны были ждать, когда вспомнит о них игнорирующее их начальство, только время от времени напоминая о своей жалкой доле смиренными петициями.

Но начальству было не до них.

В результате получалось то, что ставки интеллигентных работников, служащих в правительственных и общественных учреждениях, были в 3—7 раз ниже ставок рабочих. В среднем, обремененный семьей интеллигентный работник получал, в переводе на нормальный, довоенный курс, от 4-х до 10 руб. в месяц.

Если ко всему этому прибавить то «перепроизводство интеллигентных работников» в Крыму, которое мы отметили в начале статьи, то создавшееся катастрофическое положение интеллигенции станет еще яснее.

Не удивительно, поэтому, что такие казусы, как прошения некоторых ответственных служащих о переводе их с занимаемых ими должностей на должности курьеров, дворников—сделались уже бытовым явлением, и профессора, инженеры, педагоги несли должности чернорабочих, сторожей на огородах, дворников, грузчиков и т. д.

Вступление интеллигенции в сферу физического труда оказалось чреватым моральными терниями. Работодатели, видя наплыв рабочих рук, производили нажим на заработную плату, а рабочие-профессионалы, страдая от конкуренции, стали решительно преследовать интеллигентские трудовые артели. Симферопольские «Южные Ведомости», трактуя о рабочей интеллигенции, замечают: «В нормальное время это явление, быть может, следовало бы приветствовать. Оно означало бы повышение удельного веса физического труда в стране, оно свидетельствовало бы о действительном перепроизводстве интеллигенции у нас, оно повлекло бы за собою более или менее справедливое соотношение в оплате физического и интеллигентского труда. Но в дни разрухи и кричащей безработицы появление лишнего конкурента на рабочем рынке пришлось не по вкусу рабочей среде...

Какая жестокая трагедия! Две родственные социальные группы—трудовая интеллигенция и рабочий класс, по самой своей природе призванные сотрудничать между собою, вместе работать и вместе бороться за улучшение технических и социальных условий труда,—оказываются стравленными между собою, к выгоде социального противника». («Ю. В.» № 14, 15 авг. 1919 г.).

Объективно, разумеется, все произошло так, как должно было произойти. Но интеллигенция такого исхода не ожидала. Когда она отшатнулась от большевиков, то идеологи ее объяснили разрыв с Советской властью боязнью, что при большевиках «соль земли» не сможет найти себе применение, а народные массы не смогут ее использовать. Крики, что большевики несут разрушение культуры, скрывали за собой страх, что пролетариат, взяв власть в свои руки, захочет обойтись без помощи интеллигенции в деле государственного управления страной и создания народного хозяйства, так что «соль земли» останется за бортом. Это была боязнь лишения политического и экономического первородства,—того именно, на что интеллигенция очень рассчитывала при правительстве Керенского Именно это и толкнуло такие группы, как плехановцев, в объятия активной деникинской контр-революции. Понятно, что правая часть, вкупе с кадетами, просто ненавидела всякую революцию и хотела только монархии. Но «демократические» группы ринулись в объятия Деникина исключительно в расчете на первую скрипку в оркестре. И, действительно, в первое время Деникин, как будто няньчился с интеллигенцией. Внешне, по крайней мере, все направлялось к тому, чтобы обворожить ее и тем самым получить ее поддержку. Но Врангель и все его генералы решили покончить с «демократическими предрассудками» и игнорировали не только массовую интеллигенцию, но и ее вождей, в лице лидеров отдельных, наиболее крупных, политических партий и даже многочисленных представителей всяких «правительств». От «четыреххвостки», обещенной Деникиным, Врангель не оставил ни одного,—даже на словах и в обещаниях. Один из врангелевских министров—Тверской—выработал даже новый законопроект о сверхцензовых думах, но его не успели провести. Севастопольская городская управа ревизовалась, и часть ее членов была предана суду.

Даже кадеты, с их скромными претензиями на участие только в органах самоуправления, оказались лишними, и тот же Тверской выслал кадетских агитаторов из Северной Таврии.

Значительная часть бывших крупных общественных деятелей, тесно связанная интересами своими с высшей бюрократией, в июле 1920 г. участвовала в так называемом «Совещании общественных и государственных деятелей», на которое приглашены были из-за границы многие светила с министерских и думских кресел. Видную роль играл в этом совещании председатель Таври-

ческой губернской земской управы—кн. Оболенский, представивший во главе Особой делегации докладную записку Кривошеину с изложением тезисов и положений о путях внешней и внутренней политики.

Таким образом эта, привыкшая ранее к государственной работе, группа не только благоволила к Врангелевскому правительству, но и пыталась с своей стороны принять участие в его работах в качестве совещательного органа.

Однако, у широких интеллигентских масс, измученных условиями жизни, были иные пути. И не удивительно, что презираемая в генерало-юнкерском царстве за свою штатскую шляпу, бесправная, голодная, бесприютная интеллигенция, еще вчера пробовавшая искать забвения всюду,—даже в работах контр-разведки, где она подвизалась в изобилии,—стала жадно ловить слухи о том, что большевики изменили к ней свое отношение.

В царстве Врангеля создалась для интеллигенции такая атмосфера, что она, беспочвенная, беспринципная, продавшая народ генералам, стала ждать своего избавления от Врангеля—со стороны большевиков.

К. У - ский.

Рабочее движение и профсоюзы в Крыму в 1920 г.

Пролетариат Крыма очень немногочислен, индустриальных рабочих там почти нет. Поэтому профессиональное движение в Крыму никогда не имело сколько-нибудь значительных размеров. Но все же каждый приход Советской власти вызывал численный рост и организационное укрепление профессиональных союзов, вследствие того влияния, которое союзы при Советской власти получали, и тех новых задач, которые перед ними ставились.

Белогвардейская оккупация вызвала резкий отлив от союзов массы рядовых членов, отошли и активнейшие члены рабочего класса, отступившие с Красной армией и ушедшие в подполье.

Руководство профдвижением перешло в руки меньшевиков.

Новые руководители надеялись на неприкосновенность союза, тем более, что крымские меньшевики и эсэры заняли антантофильскую позицию,—стали помещать в своем органе «Прибой» статьи в защиту интервенции и т. д. [1]).

Но все же благодушие контр-разведки продолжалось недолго.

Лишь только она успела расположиться и осмотреться, начался поход на профсоюзы. Сигнал был подан из Севастополя, где Крымпроф, Севпроф и союзы занимали рабочий клуб—лучшее в городе помещение в центральном месте. Там был учинен настоящий погром: союзы были выброшены, и помещение передано Севастопольскому офицерскому собранию. Попутно закрыли и меньшевистскую газету «Прибой», о которой выше шла речь.

Аналогичным налетом, сопровождавшимся обысками и арестами с непременным выбрасыванием из квартир, неоднократно подвергались Софпрофы Евпатории, Феодосии и других городов.

---

[1]) Прибой № 536, статья „Плоды незнания".

И только Симферопольский Совпроф, предусмотрительно поместившийся в какой-то дыре и не коловший офицерских глаз, избег общей участи.

Меньшевики стояли за сохранение легальности союзов во что бы то ни стало, они готовы были платить за нее какой угодно ценой. Венцом этой политики «гражданского мира» был договор, заключенный Крымпрофом с известным вешателем Слащевым, по которому Крымпроф брал на себя *обязанность бороться в течение определенного времени, до марта месяца, с попытками рабочих восстать* (в марте Слащев ждал дессанта из Новороссийска).

В благодарность за принятие этого почетного поручения, Слащев освободил арестованных и увезенных им севастопольских меньшевиков, во главе с небезызвестным городским головой Могилевским.

Этот позорный договор—дело небольшой меньшевитской верхушки—встретил резкое осуждение со стороны конференции профессиональных союзов.

Но и такое исключительное «благонравие» союзных центров не создавало прочной, настоящей легальности союзов, о которой мечтали меньшевики: поскольку союзы оставались, по составу своему, рабочими организациями,—«внеклассовая» власть смотрела на них подозрительно. Дамоклов меч белогвардейского террора постоянно висел над ними, система репрессий и «прижимов» не прекращалась.

Союзы задыхались от этой полулегальности, от острого безденежья, от отсутствия помещений, работников, сил.

Положение это было так нестерпимо, что на общекрымской (полуподпольной) конференции профсоюзов был поставлен вопрос о самороспуске, в виду невозможности дальнейшей работы при белых.

Меньшевики, разумеется, решительно воспротивились этому шагу.

Но в широкой рабочей массе революционное настроение с каждым месяцем крепло. Как ни старались союзные верхушки сдержать их проявление, один раз они нашли довольно яркое выражение в повсеместной, единодушной, трехдневной забастовке траура, после увоза и расстрела Слащевым 14 тов.—членов Севастопольского ревкома и Крымпрофа, из которых 5 были до того оправданы военно-полевым судом.

Инициатива забастовки шла, конечно, снизу, а севастопольский Совпроф решился ее объявить только под угрозой, что Ревком возьмется за ее проведение.

Несмотря на весь саботаж меньшевиков, эта заба-

стовка прошла прекрасно. И наоборот, забастовка, объявленная Крымпрофом по поводу закрытия меньшевистского «Прибоя», не удалась.

Пытались союзы вести и культпросветительную работу. Для этой цели ими привлекались к чтению лекций, разные бежавшие в Крым знаменитости, устраивались для рабочих концерты, с затасканно-шаблонным буржуазным репертуаром.—О новых революционных принципах работы и тут старательно забыли.

Но всякая вообще культурная работа парализовалась бедностью и строительством профсоюзов.

Чувствуя нарастающую оппозицию пролетарских низов, союзные верхушки санкционировали дутые мелко-буржуазные объединения, как союзы сестер милосердия, журналистов и пр., и искали в них опоры, создавая себе таким образом, искусственное большинство в Совпрофах, на конференциях и т. п.

Не лучше, если еще не хуже, обстоит дело с экономической работой крымских профсоюзов.

Белогвардейские газеты часто метали громы и молнии по поводу союзов; в официальных документах, в докладе министра финансов Бернацкого развивается мысль о вредной деятельности союзов, которые «руководят групповыми и узко-партийными интересами своих членов, вопреки пользе отечества и родины», ведут к постоянному повышению заработной платы и вызывают рост дороговизны.

Только глубокая классовая ненависть высокого сановника к рабочим организациям могла породить столь пристрастную и не отвечающую действительности оценку положения.

Правда, рост дороговизны в Крыму, особенно на предметы широкого потребления, был бешеный.

Если взять промежутки времени в 3—4 месяца, то картина повышения цен на продукты первой необходимости представится такая:

% вздорожания по сравнению с январем.

	Апрель	Июль	Октябрь
Хлеб	4830%	1983%	8283%
Мука	778%	1534%	1433%
Картофель	1718%	6445%	10809%

Сахар с января по октябрь вздорожал на 22.400%, т.-е. более, чем в 220 раз.

К октябрю стояли в Крыму следующие средние рыночные цены: пуд муки—45.000 рублей, пуд картофеля—30.000 рублей, фунт сахару—9.000 рублей.

Эта сумасшедшая вакханалия цен определялась основными явлениями экономической жизни Крыма. Непрерывный выпуск бумажных денег, громадное преобладание ввоза над вывозом и вызванная этим спекуляция иностранной валютой приводили к катастрофическому падению стоимости врангелевского рубля, а это явление, как и спекуляция товарами, вызывали рост дороговизны. Рост заработной платы являлся, разумеется, следствием, а не причиной головокружительного роста цен.

Можно сказать, что единственный в Крыму товар, который не припрятывался, которым не спекулировали, была рабочая сила.

Если сравнить рост цен на важнейшие продукты питания (хлеб, мука, мясо, крупа, картофель, подсолн. масло) и рост заработной платы, то мы увидим следующее:

	Апрель	Май	Октябрь
Среднее вздорожание прод. по сравнению с январем	986%	2496%	9617%
Средний рост тарифа по сравнению с январем	482%	1416%	6462%

Таким образом, рост заработной платы неизменно отставал от роста дороговизны.

Правда, под влиянием все увеличивавшегося спроса на рабочие руки, обусловленного оттоком рабочих в деревню, беспрерывными мобилизациями и т. п., заработная плата рабочих имела некоторую тенденцию к росту: так, средний тариф главных категорий труда составлял в январе 42% прожиточного минимума, в апреле—44%, в июле—55%, и октябре—57%. Но все же, на самых высоких точках кривой, тариф лишь немногим превышал половину прожиточного минимума. Исключение из этого правила составляли только кожевники и грузчики — последние благодаря периодической «эвакуационной горячке».

Итак, нельзя упрекнуть Крымских рабочих в чрезмерных заработках, особенно, если принять во внимание сверхприбыль капиталистов, «подрабатывавших» спекуляцией и превративших самое производство в орудие спекуляции.

Особенно доходным модусом спекуляции являлся товарообмен с заграницей, якобы в целях оборудования производства. При этом следует отметить, что различные категории рабочих были поставлены в различные условия оплаты труда.

Самым тяжелым было положение городских служащих, получавших нищенскую плату и, сверх того, не получавших жалования по месяцам.

Тарифы отдельных категорий рабочих представляют собою пеструю картину, и самое повышение их идет чрезвычайно неравномерно для разных категорий труда.

Сравним тарифы четырех важных категорий рабочих за два месяца:

Майские тарифы:	**Торгово-промышленников**	**38,000 р.**
	Печатников	**47,145 „**
	Металлистов	**63,750 „**
	Пищевиков	**104,000 „**

Впереди идут пищевики и металлисты, отстают печатники и торгово-промышленники.

В октябре картина обратная:	**Торговопромышленники**	**387,000 р.**
	Печатники	**360,960 „**
	Пищевики	**232,700 „**
	Металлисты	**213,500 „**

Такая эволюция тарифов объяснялась множеством различных причин. Относительное понижение союза металлистов объясняется, например, милитаризацией завода, порта и т. д.

В пределах одного и того же союза замечается зачастую большая разница между высшими и низшими тарифными ставками.

Для октября мы имеем следующую картину:

	Высшая ставка	**Низшая ставка**
Табачники	390,000 р.	156,000 р.
Текстильщики	329,000 „	126,000 „
Кожевники	880,000 „	520,000 „

Все это свидетельствует о том, что повышение заработной платы шло стихийно, неорганизованно, под давлением более или менее слабого нажима рабочих на предпринимателей, в зависимости от экономической конъюнктуры, не только данного предприятия.

В таких условиях тарифная политика союзов сводилась к санкционированию в форме коллективного договора тех условий найма, которые определялись практикой.

Одно несомненно: крымские меньшевистские профсоюзы скрашивали атмосферу белого террора, создавали иллюзию демократизма, отнюдь не играли роли застрельщиков в борьбе рабочих за повышение заработной платы. Наоборот, они стояли на «государственной точке зрения» и считали своей задачей удерживать рабочих от непрерывного повышения цен.

Очень характерна в этом отношении стачка завода порта в Севастополе, единственного в Крыму крупного государственного предприятия, работавшего в 1920 году.

Забастовка носила экономический характер, рабочие требовали повышения ставок на 125%. Администрация не сдавалась, и завод был закрыт. Тогда Совпроф выступил в роли миротворца, добился соглашения сторон на выгодных для рабочих условиях, и завод, обслуживавший белый флот и армию, закрытия которого всячески добивались подпольные революционные организации,—возобновил работу.

Во всех других случаях столкновения рабочих с предпринимателями — профсоюзы всегда брали на себя роль буфера.

Положение их в этой борьбе было чрезвычайно трудное. Сопротивляться повышению тарифных ставок они не могли, ибо рост дороговизны совершался по причинам, от рабочих не зависящим, а реальная заработная плата рабочих падала с каждым днем.

Но решительно проводить политику повышения ставок меньшевики тоже не могли, так как от нее «страдали остальные группы населения».

Выхода из создавшегося тупика меньшевистские Совпрофы искали на пути натурализации заработной платы. По инициативе севастопольского Совпрофа, было созвано совещание с предпринимателями, военным ведомством, интендантством и думой, где представители Совпрофа убеждали предпринимателей, что создание закупочного фонда для товарообмена с заграницей и натурализация этими товарами заработной платы рабочих—вызовет понижение денежной заработной платы и тем облегчит «тяжелое положение» промышленников. В результате больших усилий Совпрофа, закупочный фонд был создан морским ведомством при заводе порта, но послужил больше к спекуляции администрации на ввозе и вывозе, чем к улучшению положения рабочих.

Пытался Совпроф отыграться и на кооперации.

Кооперация в Крыму при белых влачила жалкое существование: щедро финансируя капиталистов, правительство

Врангеля считало нужным выкачивать денежные знаки от «той части населения», которая объединялась кооперацией.

Торговцы вели ожесточенную борьбу с кооперативами.

В таких условиях вся кооперация совершенно задыхалась, рабочая же—в особенности.

Совпроф Севастополя издал, однако, особый меморандум, разъяснявший великое значение кооперативного движения для рабочих и призывал их к самодеятельности. Но, так как рядом констатировалась крайняя слабость кооперации вследствие объективных условий (бестоварья, отсутствия транспорта и кредита, и пр.), то призыв к «спасению через кооперативную самодеятельность» звучал неубедительно.

Выход из создавшегося в Крыму экономического тупика был один: в ликвидации хищнической диктатуры спекулянтов-капиталистов, в установлении диктатуры труда.

Но этот выход был для меньшевиков неприемлем, они старательно пытались класть «заплаты» на трещавшую и расползавшуюся по всем швам экономическую политику белых.

Когда опасность эвакуации стала реальной, началась распродажа оптом и в розницу крымского флота и портового имущества, в том числе и металла, находившегося в порту и необходимого для крымской промышленности.

Севастопольский Совпроф посылал делегации, ходатайствовал, получал общания от самого Шиллинга, но вакханалия разграбления рабочего достояния не прекращалась.

Так неизменно терпели крах все попытки меньшевистских профсоюзов защищать интересы рабочих путем сговора и соглашения с белой властью и промышленниками. Эти последние отнюдь не были заражены соглашательством и часто переходили к агрессивной политике, несмотря на смирение и миролюбие союзов.

Лучшей иллюстрацией этой истории является 2-я, июньская забастовка на том же заводе порта. Она носила сначала чисто экономический характер, но администрация перешла в наступление,—арестовала представителей стачечников—членов правления союза и совета старост, при чем потребовала уничтожения расценочных комиссий и примирительных камер. Соглашение стало невозможно, завод закрыли, часть рабочих мобилизовали, другую—набрали помимо союза, примирительную камеру уничтожили...

Чем хуже становилось положение белых, тем яростнее обрушивалась на союзы черносотенная пресса.

На деле же, крымские профсоюзы представляли совершенно безвредные для белых организации, запутавшиеся

в собственном соглашательстве, бессильные в своей экономической политике, потерявшие политическое значение.

Практика крымского профдвижения 1920 года является новой иллюстрацией того, что в нашу эпоху распада капитализма и объединения пролетариата, борьба против его физического и морального вырождения возможна только как борьба с капитализмом.

Рабочие организации, которые пытаются уклониться от этой борьбы, пытаются внутри капиталистического строя отстаивать пролетарские интересы,—начинают беспомощно болтаться между двумя станами врагов. Конечно, в обста-

Д В И Ж

рыночных цен в городе Симферополе с 1-го

№№ по порядку	Наименование продуктов	Единица учета	Январь: Средн. цены	Январь: % к пред. мес.	Январь: % к январ.	Февраль: Средн. цены	Февраль: % к пред. мес.	Февраль: % к январ.	Март: Средн. цены	Март: % к пред. мес.	Март: % к январ.	Апрель: Средн. цены	Апрель: % к пред мес.	Апрель: % к январ.
1	Хлеб пшеничный	фун.	6	—	—	95	58	58	15	57	150	35	130	485
2	Мука пшеничная	пуд.	205	—	—	335	63	63	695	107	239	1800	151	778
3	„ сеянка	,,	400	—	—	450	13	13	1110	147	178	2250	103	273
4	Говядина	фун.	45	—	—	85	89	89	175	106	289	3 5	114	733
5	Свинина	,,	80	—	—	135	69	69	260	93	225	600	131	650
6	Рыба соленая	,,	—	—	—	115	—	—	—	—	—	100	—	—
7	Крупа перловая	,,	10	—	—	15	50	50	35	133	250	90	157	800
8	Картофель	пуд	275	—	—	650	136	136	1425	119	419	5000	285	750
9	Сало говяжье	фу	90	—	—	210	133	133	315	50	250	—	—	—
10	„ свиное	,,	200	—	—	350	75	75	725	107	263	1625	124	713
11	Масло коровье	,,	300	—	-	400	33	33	850	113	183	1550	85	1470
12	„ подсолнечное	,,	60	—	—	210	250	250	410	95	583	900	120	1460
13	Мыло бельевое	,,	40	—	—	80	100	100	180	125	350	600	233	800
14	Соль кухонная	,,	2	—	—	2	-	—	6	200	200	8	33	300
15	Чай китайский	,,	—	—	—	180	—	—	350	94	94	400	14	122
16	Сахарный песок	,,	375	—	—	100	167	167	550	450	1285	1000	82	2400
17	Молоко	ква	50	—	—	65	30	30	80	23	60	200	150	300
18	Дрова	пуд.	55	—	—	60	9	9	75	25	36	200	263	263
19	Яйца	дес.	50	—	—	175	17	17	250	43	67	575	190	280
20	Керосин	кв.	75	—	—	110	47	47	175	59	133	500	155	567

новке гражданской войны это проявляется с исключительной силой и яркостью.

Старые цели, принципы и методы профессионального движения изжиты навсегда, и воскрешение их дает вместо профессиональных союзов пустую и мертвую форму без всякого содержания.

В этом нас лишний раз убедила трагедия профсоюзов под террором Врангеля.

П. Хвойнов.

ЕНИЕ

января по 1-е ноября ст. ст. 1920 года.

Май			Июнь			Июль			Август			Сентябрь			Октябрь		
Средн. цены	%к пред. мес.	% к январ.	Средн. цены	%к пред. мес.	% к январ.	Средн. цены	%к пред. мес.	% к январ.	Средн. цены	%к пред. мес.	% к январ.	Средн. цены	%к пред. мес.	% к январ.	Средн. цены	%к пред. мес.	% к январ.
108	212	1700	110	2	1733	125	14	1983	170	36	2735	200	18	3233	500	150	8233
335	86	1534	3700	11	1705	4200	14	1949	7200	72	3412	9000	25	4290	30000	233	14534
5000	122	450	5100	2	1175	6000	18	1400	7100	18	1675	11000	55	2650	45000	309	11150
750	160	1562	950	27	200	900	—	1900	1100	22	2344	1400	27	304	1800	29	3900
1000	167	1100	1100	10	1275	1100	—	1275	1400	27	1650	1800	29	2150	2000	11	2400
550	450	878	750	36	552	900	20	683	1900	111	1552	1900	—	7552	2 00	5	1639
200	128	1900	200	—	1900	175	—	1650	30	72	2900	550	83	5400	600	9	5900
18000	250	6445	12000	-	4264	—		—	15000	—	5335	1600	7	5718	30000	88	10809
2625	—	2817	2750	5	2955	2275	—	2372	4000	80	4344	5000	25	[illegible]456	7000	40	7677
3750	131	1775	3200	—	1500	2650	—	1225	4325	63	2063	6250	45	3025	8000	28	3900
3750	110	984	2650	—	783	3100	17	933	4050	31	1250	6550	62	2083	20000	205	6567
3300	267	5400	2750	—	4483	2200	—	3567	3200	46	5233	4000	25	6567	—	—	—
1800	200	4400	2250	25	5525	2250	—	5525	2700	20	6650	3600	33	8900	5500	53	13650
8	—	300	2	—	—	3	50	[illegible]	6	100	200	6	—	200	100	1567	4900
1200	2000	567	2000	67	1011	2200	10	1123	2360	7	1211	2600	10	1344	4000	54	2122
1200	20	2900	1600	33	3900	1700	13	4400	2200	22	5400	3000	36	7400	9000	200	22000
300	50	5	350	17	600	350		600	550	57	1000	1000	82	1900	2500	150	4900
450	125	768	450	—	718	700	56	1173	950	36	1627	2225	134	3945	3500	57	6262
—	—	—	1400	—	833	1100	—	633	2000	82	1233	2200	10	1367	100 0	3546	6562
400	680	1347	1200	9	1500	1405	19	1800	2510	83	3367	3900	50	5000	5500	28	16567

ДВИЖ

тарифных ставок в

Наименование союзов	Январь		Февраль		Март		Апрель		Май	
	Высшие	Низшие	Высшие	Низшие	Высшие	Низшие	Высшие	Низшие	Высшие	Низшие
Табачники . . .	4725	1444	9925	3030	17370	5300	43500	13250	87000	29850
Печатники . . .	6420	4290	6420	4290	15420	5370	30630	17130	60000	34290
Металлисты . .	3750	2862	5625	4219	9000	6750	36125	27090	75000	52500
Пищевики . . .	6652	1700	9285	3400	29711	6800	59423	17000	148557	60000
Торговопромышл.	7200	3300	7200	3300	11200	7150	24000	14000	48000	28000
Сл. гор. общ. сам.	4500	2500	4500	2500	8550	4800	8550	4800	50000	30000
По обр. аб. коры.	—	—	—	—	110000	60000	110000	60000	110000	60000
Раб. корев. зав. .	—	—	—	—	25710	6429	51420	12857	115710	49714
Текстильщики .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Иглы	15000		15000		25000		30000		50000	
Деревообделочн. .	4500	4000	7000	6000	16000	9000	24000	20000	75000	50000
Строит. рабочие .	—		7000		12000		40000		90000	
Среднее за месяц и % повышения .	3580		4825		15382		26521		527116	

ЕНИЕ

городе Симферополе.

Июнь		Июль		Август		Сентябрь		Октябрь	
Высшие	Низшие	Высшие	Низшие	Высшие	Низшие	Высшие	Низшие	Высшие	Низшие
130000	52000	130000	52000	130000	52000	195000	78000	390000	156000
90000	51920	120000	51920	171420	64290	278570	120000	471920	250000
75000	52500	75000	52500	131250	87500	262500	165000	262000	165000
148557	60000	148557	60000	193557	90000	285557	180000	286557	180000
90000	46200	96000	462000	144000	93000	259200	210000	427680	346500
50000	30000	90000	30000	72000	45000	122000	72000	185000	112000
110000	60000	220000	128000	220000	128000	480000	260000	880000	520000
154290	90000	154290	90000	231420	165000	400710	236250	608580	355514
—	—	—	—	175000	75000	263325	100800	329156	126000
50000		100000		200000		30000		600000	
117200	65500	117200	65500	159800	85000	252000	128000	400000	210000
90000		160000		240000		260000		600000	
72849		84885		116025		200968		308179	

МИНИ

месячной стоимости жизни

Наименование продуктов		Количество	Январь	Февраль	Март	Апрель
Обеды	мясные . . .	20	1638	3250	6576	—
	. .	15	—	—	—	13266
	постные . . .	10	300	732	1501	—
	. .	15	—	—	—	7781
Ужин и завтрак . . .		30	1806	2550	4450	9375
Хлеб		1806	1080	1710	2700	6300
Сахар (повид. 4 ф.) . .		2 ф.	70	200	1000	2000
Мыло		2 ф.	80	160	360	1200
Чай		$1/8$ ф.	23	23	44	50
Дрова		15 п.	825	900	1125	3000
Уголь		$1/2$ п.	225	375	450	1500
Квартира		—	120	120	300	400
Освещение		$1/2$ кв.	150	220	350	1000
Одежда и обувь . . .		—	1500	3000	6000	12000
Культ. просв. потр. . .		—	500	600	2000	2000
Прочие расходы . . .		—	100	200	400	1200
Итого. . . .		—	8411	14039	22955	61072

М У М

семьи рабочего в 3 человека.

Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь
—	—	—	—	—	—
32639	25838	29208	36080	49500	69000
—	—	—	—	—	—
29850	21379	17603	27450	33188	55125
16650	15750	15750	22500	39000	93000
19350	19800	22500	30600	36000	90000
2000	3200	3500	4400	15000	9600
3600	4500	4500	5400	10000	11000
150	250	275	295	2000	1000
6750	6750	10500	14250	22000	52500
2738	4125	4750	7500	12000	22000
600	3000	4000	4500	6000	10000
2200	2400	2850	5200	7000	9500
25600	25000	25000	35000	50000	75000
5000	7000	10000	15000	25000	25000
3000	5000	5000	6000	12000	12000
149927	143997	151993	214175	324698	534725

Татарский вопрос в Крыму.

Лишь в исторической перспективе может быть понята и верно оценена та позиция, на которой стояло всегда татарское население в своих отношениях к русской власти вообще, а в особенности к помещичье-генеральской диктатуре. Эти взаимоотношения привели к ряду открытых столкновений после революции.

Со времени покорения Крыма, когда завоевателями вырезывались массы мирного татарского населения и были потоплены у берегов Феодосии десятки тысяч эмигрировавших в Турцию татар,—самые плодородные земли, сначала Екатериной II, а затем и ее преемниками, стали раздаваться фаворитам и близким к престолу вельможам.

Одновременно с этим производилась самым жестоким образом руссификация татарского населения и уравнение его с русским закрепощенным крестьянством.

Наравне с русскими помещиками, татарская знать — мурзы—пользовалась одинаковыми привилегиями и поддержкой власти, постепенно захватывала крестьянские земли и леса, присоединяя их к своим поместьям...

Революция дала татарам надежду на раскрепощение и возвращение захваченных у них земель. Однако мурзы, заговорившие тогда другим языком, стали уговаривать население подождать на этот счет решения учредительного собрания.

Мурзы находили себе поддержку во всех реакционных правительствах при царе, при немцах и при кадетском правительстве С. Крыма. Тесный союз их с пришедшими добровольцами и совместная расправа над деревней быстро открыли татарским массам глаза на истинную сущность золотопогонной рати, принесшей с собой смерть для всех достижений, добытых революцией.

Первый Всекрымский татарский съезд состоялся 25 марта 1917 года. На съезде были разогнаны ненавистное магометанское духовное правление и Вакуфная комиссия и избран новый Муфтий, а вакуфные земли были

объявлены народным достоянием. Избранный съездом мусульманский исполнительный комитет после Октябрьской революции расширил свою деятельность и избрал краевой орган власти «Совет народных представителей», который немедленно вошел в полный контакт с украинской Центральной Радой в Киеве и местными украинскими организациями в Крыму.

Настроенное крайне шовинистически, это, правительство немедленно вступило в борьбу с Советской властью и в этой борьбе пало в январе 1918 г.

Через три месяца пришли в Крым немцы, и во главе крымского правительства стал генерал Сулькевич, а несколько месяцев спустя его сменило кадетское правительство, во главе с Соломоном Крымом.

Правительство это, имевшее лозунгом «единую, неделимую» и опиравшееся на просочившихся в Крым добровольцев, не пользовалось симпатиями татар. На объявляемые мобилизации татары не являлись.

В марте 1919 г. пришла долгожданная Советская власть Была образована Крымская Советская Республика, и в крымском Совнаркоме большинство мест предоставлено было татарам.

Между Советской властью и татарскими массами произошло самое искреннее сближение. Татарский язык был признан государственным, наравне с русским. В татарских массах закипела партийная работа. Дело просвещения передано было в руки самих татар.

Однако, Советской власти не суждено было долго пробыть,—вскоре Красная армия оставила Крым, и на смену ей явились добровольцы, а с их приходом начались ужасы Деникинщины и Врангелевщины.

Белогвардейской контр-разведкой были арестованы видные общественные деятели, входившие в состав выборного органа татарского населения Крыма—«Курултай».

Арест члена Курултая вызвал живейшее возбуждение в татарских массах.—Этим шагом деникинцы вырыли ров вражды, который им уже не удалось засыпать. Бесчинства белогвардейских контр-разведок, самочинные обыски, налеты на деревни и села, хозяйничание властей, беспрестанные мобилизации людей и лошадей, реквизиции подвод—все это более и более расширяло пропасть между властью имущими и татарским населением. Молчаливое безответное, затаившее в себе глубокую обиду и злобу против «добровольцев», суливших татарину освобождение «из-под ига большевиков», татарское население замыкалось в своих горах по деревням, затерянным в недоступ-

ных крутизнах Ялты. На мобилизации, объявленные Деникиным, татары отвечали массовым уходом в горы; кадры «зеленых» пополнялись татарами, не желавшими сражаться за «единую и неделимую» власть помещиков и генералов.

Начало 1920 г., когда Врангель обосновался в Крыму, застает юго-восточную часть (горный район), населенную, главным образом, татарами, в состоянии брожения. Татарская масса волнуется, накопившаяся энергия ищет выхода.

Даже в кругах, близких к Врангелю, почувствовались эти глухие подземные удары грядущего землетрясения. Врангель приказал принять меры к облегчению положения татар. Министр внутренних дел или, по терминологии Врангеля, Начальник гражданского управления — Д. Д. Перлик получил приказание от Врангеля созвать татарский съезд. Но в то время, как Врангель готовился к съезду, в Симферополе—идейном центре татарского движения—агенты Врангеля продолжали свою политику. Белогвардейской контр-разведкой в 1920 г. была арестована группа мусульманских коммунистов. Арестованные были преданы, по распоряжению палача—генерала Кутепова,—военно-полевому суду при добровольческом корпусе и казнены верными псами Врангелевщины—юнкерами Алексеевского военного училища. Такова была оборотная сторона медали.

Съезд, назначенный на начало мая, был отложен и, наконец, созван 15 мая ст. ст. На съезд съехалось 42 делегата. Конечно, физиономию съезда не трудно предвидеть: хотя делегаты и избирались сельскими обществами, но в большинстве оказались сельские старшины, заведомые ставленники врангелевцев. На съезде присутствовал сам Врангель, который в произнесенной им речи призывал татар итти спасать Россию. Уверяя делегатов в своем уважении «к бытовым, религиозным и культурно-национальным вопросам», Врангель звал татар дать силу для борьбы с Советской Россией,—после чего можно было бы говорить об автономии и признании прав на самоопределение. Председатель съезда Д. Д. Перлик в своем заявлении был более точен и высказался определеннее: рассчитывать на какую бы то ни было автономию не приходится; татары обязаны выполнить долг перед родиной; в области религиозно-просветительной им будет гарантированы их самодеятельность и самоуправление.

Хотя съезд являлся и подтасованным, все же заявление власти отрезвило делегатов, уверовавших в благожелательность отношения к ним врангелевского правительства. Это

открытие произвело на съезд сильное впечатление; последующие заседания происходили в атмосфере полного равнодушия к обсуждаемым вопросам. Делегаты спешили разъехаться, безмолвно голосуя за правительственные предложения. Съезд «постановил» создать особую комиссию при начальнике гражданского управления для разработки положения о татарском самоуправлении. Этим и закрылся столь широко обставленный и рекламированный врангелевской прессой съезд, о котором услужливое радио поспешило оповестить, для соответствующей «обработки» общественного мнения, Западную печать...

С одной стороны, трупы казненных на телеграфных столбах Симферополя, с другой—съезд делегатов для выработки реформ. Такова вечная двойственность и лицемерие, отличающие буржуазные правительства.

«Слово и делю» цинично соперничали между собой в яркости красок.

Но ухаживание, улыбки, расточаемые Врангелем по адресу татар, вскоре прекратились. Начавшееся наступление, занятие северной Таврии, дававшее обильный источник людского материала Врангелю, позволили ему уже не возлагать своих надежд на пополнение передних рядов сынами яйлы. Татарский вопрос стал тускнеть, бледнеть и, наконец, о нем мало-по-малу забыли. Перед взорами Врангеля раскрылись более грандиозные радужные перспективы, чем привлечение широких татарских масс на свою сторону. А маленький, терпеливый, трудолюбивый народ молчаливо сносил тиранию пришельцев; с стоической покорностью, свойственной народам востока, он переносил тяготы, выпавшие на его долю.

Над горным районом, от Бахчисарая до Судака и от Симферополя до Ак-Мечети, повисла тяжелая, удушливая грозовая туча. Только по временам в горах вспыхивали на мгновение молнии и тотчас же исчезали во мраке. То уходили в горы все честные, юные, бодрые духом и телом татары, не смогшие вынести деспотии Врангеля; они-то неуловимыми шайтанами носились по дорогам, производя внезапные набеги на врангелевцев, разлагая тыл, держа в страхе города и села.

Южный берег Крыма кишмя кишел «зелеными». Вся юго-восточная часть Крыма была охвачена огнем. Карательные отряды наемников Врангеля не могли бороться в горах, где каждый повстанец знал, в течение десятков лет, свою тропу, каждую расщелину скалы и каждый кустик. Борьба с повстанчеством становилась не под силу Врангелю.

Между тем комиссия, выделенная майским съездом, в тиши канцелярий продолжала свою работу, составляя проекты. В июне был уволен в отставку Муфтий. Ставленник Деникина не пользовался популярностью в массах из-за его приверженности к старому строю. Отставка Муфтия была единственной уступкой моменту.

Прошли три долгих месяца. Законопроект о татарском самоуправлении завяз в болотах врангелевских канцелярий. Место Муфтия было вакантным. Все это вносило сильное раздражение в массы, особенно в сельское население.

Но не приводя своих обещаний в исполнение, Врангель решил обработать общественное мнение татар. В Симферополе открывается газета «Миллет» на татарском языке и «Голос крымских мусульман»—на русском. Обе, естественно, живут на врангелевские средства.

Эти рептильные органы старательно выполняют возложенные на них задачи. Татарские массы убеждаются в необходимости помочь Врангелю, разъясняется значение для татарского населения «величайшего акта,—земельного закона. Параллельно с этим, всяческие небылицы возводятся на Советскую власть, чтоб извратить ее цели и задачи.

Наряду с татарской прессой, энергичную деятельность развивает и политический отдел штаба. В громадном количестве печатаются на татарском языке воззвания и прокламации к татарскому населению, с призывом взяться за оружие против «большевиков, угрожающих благосостоянию татарского населения и покушающихся на их сады, виноградники» и т. д.

Прокламации распространяются в деревнях и селах и, что характерно для врангелевщины, распространяются единственными пропагандистами—сельскими контр-разведками. Это—самые верные агитационные силы, на которые врангелевщина могла опереться.

Но проведя свою «культурную» работу, сельские контрразведки [1]) продолжают свою деятельность обычным путем: по всей округе ведется шантаж, вымогательство, освобождение от воинской повинности и укрывательство уклоняющихся—за крупные взятки. Стон стоит по району. Но сельские контр-разведки, особенно в глухих горных местностях,—единственные представители власти, стоящие

---

*) **Состав одной контр-разведки был расстрелян, в октябре, военно-полевым судом за вымогательство.**

на «страже законности». Забытое, терроризованное шомполами и «выведенное в расход» татарское деревенское население молчаливо взывает к аллаху, моля ниспослать избавление...

Религиозную часть населения особенно волновало продолжительное незамещение вакантной должности муфтия. Татарская паства лишилась своего главы, власти же медлили с назначением, ибо по старому, еще действовавшему, дореформенному положению, право назначения муфтия всецело принадлежало верховной власти.

Среди татарских общественных деятелей Симферополя возникла мысль о необходимости посылки особой делегации к Врангелю, для указания на недовольство населения в связи с отсрочкой назначения муфтия.

Во главе делегации, выехавшей в Севастополь, стал популярный в татарских кругах Мустафа Мурза Кипчакский. Делегация посетила Врангеля и в поданной докладной записке просила ускорить проведение в жизнь законопроекта о татарском самоуправлении.

Врангель приказал закончить выработку законопроекта в кратчайший срок.

Наконец, в начале октября законпроект был выработан, после пятимесячного промежутка, протекшего со времени татарского съезда. На ускорение решения татарского вопроса повлиял, отчасти, приезд комиссара Франции—де-Мартеля, проявлявшего живейший интерес к вопросу о национальных меньшинствах.

Но и новый законопроект носил на себе несмываемую печать врангелевщины: та же недоговоренность, те же жалкие потуги на либерализм, нагота которого едва прикрывалась фиговым листком нескольких фраз. Законопроект предоставлял татарам автономию в области религиозного самоуправления и упразднял крымское магометанское управление, учрежденное еще при царском строе. Оно заменялось выборным органом—с советом, избираемым сельскими общинами. Назначение же муфтия татарского духовенства становилось делом татарского населения. Татарам предоставлялось право избирать и организовывать культурно-просветительные общества и т. д. Приказ о предоставлении самоуправления начинался словами: «Во внимание к нуждам татарского населения, я приказал выработать положение о татарском самоуправлении» и т. д.

Законопроект уже был выработан. Врангель готов был уже бросить жалкую подачку, но какая-то таинственная рука помешала этому.—Законопроект в течение целого месяца—октября—ставился на очередные и экстренные за-

седания совета «правительства» и... каждый раз снимался, по неизвестным причинам, помощником правителя Кривошеиным.

Между тем, нетерпение масс достигло в Симферополе высшего предела. Делегация, ездившая в Севастополь, сообщила, что законопроект накануне опубликования, а он все еще оставался под сукном. Цензура тщательно оберегала тайну татарского вопроса: по распоряжению Кривошеина, сообщения по татарскому вопросу, хотя бы носившие невинный характер, неизменно вычеркивались...

В последний раз законопроект был поставлен на повестку вечернего заседания 29 октября (12 ноября)—того рокового дня для врангелевщины, когда мощным напором в Крым хлынули победоносные волны Красного моря.

А в этот вечер правительству, думавшему об эвакуации, само собой разумеется, не пришлось обсуждать татарского вопроса, который и был отложен до... прихода Красной армии, чтобы получить разрешение уже от рабоче-крестьянской власти.

Григорьев (Генкер).

Следы разгрома.

I.

В белом терроре наши контр-революционные группировки всех формаций дали вполне определившиеся и законченные формы. Спасатели России—эти т.-н. «носители русской культуры», в своих изощрениях перещеголяли даже ужасы средневековых инквизиций, похождения диких вандалов и все «культурные» кошмары империалистической бойни.

Белые контр-разведки в изобретении пыток и казней дошли до наивысшего развития. Изумительное мастерство их палачей достойно конкуренции самых мрачных приемов зверств, практикующихся в заброшенных углах Азии. Ферганские басмачи прославились своими дикими и жестокими приемами расправы: отсечением рук, четвертованием, вырыванием полового члена, вырезанием грудей, вывешиванием на жерди головы своей жертвы и прочими ужасами. Наши белые вандалы, подражая дикарям, выжигали пятиконечные звезды на груди своих пленников, засовывали горящие папиросы в раны мучеников, ловкими ударами раздробляли черепа своим жертвам, изобретали все новые и новые варварские приемы пыток и мести.

Это общеизвестно, это мы знаем. Знаем также, что идеологи белой армии оправдывали все это тем, что борьба идет на уничтожение живой силы противника, на уничтожение одной из борющихся сторон.

Принципы гуманности во всякой войне, особенно в гражданской, пустой звук. Надо быть воином на войне!—гласит жестокий закон.—Убей, или тебя убьют!

Такова железная логика войны. И если мы этого сразу не хотели признать, то к этому нас принудили наши враги.

Корнилов, отец добровольческой армии, восприемницы вооруженных сил Юга России, еще в январе 1918 года, когда Советская власть освобождала Красновых и других его сподвижников под честное слово,—отправляя на фронт первые офицерские отряды, приказывал им:

— Не берите мне этих мерзавцев (большевиков) в плен. Чем больше террора, тем больше победы.

Деникин свято следовал заветам своего учителя и соратника, а подручные генерала с особой ожесточенностью проводили эти заветы в жизнь.

Чего стоит хотя бы такой, уже цитированный нами, воистину людоедский приказ подъесаула Абрамова в Юзовке, который напоминает, в последний раз, что не только всякие выступления, *но даже и помышления «будут подавлены с оружием в руках»*, при чем все причастные к этим «помышлениям» будут повешены на месте. И другой, не менее достойный слуга Деникина, капитан Жиров объявляет, что *«с революцией покончено и никакие свободы впредь допущены не будут»*.

Но все попытки людоедства деникинских рыцарей, попытки уничтожить революцию и ее движущие силы—не спасли самих белогвардейцев от разгрома.

Врангель, последний рыцарь реакции, из опыта своих многочисленных предшественников сделал кое-какие выводы. Он перенес все ужасы в апартаменты контр-разведок, усовершенствовал их по последнему слову палаческой техники, а в приказах начал проводить классовое расслоение. Он не мог отказаться и не отказался даже на словах от террора. В приказе № 352, Врангель милует всех «обманутых из Красной армии» и приказывает: *«безжалостно расстреливать всех комиссаров и других активных коммунистов, захваченных во время сражения»*.

На самом же деле ими расстреливались не только красноармейцы и рабочие, а даже эс-эры, меньшевики и просто мещане, кои сплошь и рядом сами активно поддерживали Врангеля...

Итак, в белом терроре наши противники дошли до совершенства. Здесь борьба велась во имя уничтожения живой силы врага, что может быть с какой-либо точки зрения и находит потуги на оправдание.

Это ужасно, кошмарно, но это так.

Однако, белые поняли, что одним террором не вывести всей крамолы, не перебить движущих сил революции. Уничтожением большевиков, сознательных рабочих, красноармейцев, крестьян, казаков—выведешь тысячи, десятки,

наконец, сотни тысяч,—но революция от этого не погибнет. Место павших займут новые десятки и сотни тысяч борцов, а всех не перебьеш.

Поэтому наши контр-революционеры идут дальше, они готовы уничтожить и разгромить *всю Россию,* ввергнуть русский народ в иноземное рабство, в новые бездны мук голода и нищеты, лишь бы самим удержаться на поверхности и утопить революцию.

В порыве черной злобы и ненависти к революции объединились самые разнородные элементы, начиная от истинно-русских погромщиков и монархистов—до меньшевиков и эс-эров включительно. Все эти пресловутые «живые силы» создали сплошной фронт против революции.

Лидеру нашей торгово-промышленной буржуазии г. Рябушинскому еще в августе 1917 года мерещилась «костлявая рука голода», душившая революцию.

Вся старая Россия с трепетом ждала этой «костлявой руки», сделала все, для того чтобы она пришла и придушила бы русский народ, мужественно бившийся в тисках нищеты.

В борьбе против народа, враги его не выбирали средств, не брезговали ничем.

Голод, разруха, эпидемия, нож в руках бандита, генеральские полчища на рубежах и вооруженный кулак иноземной буржуазии—вот силы, на которые надеялась наша контр-революция.

— Чем больше террора, тем больше побед,—говорил Корнилов.

— Чем больше бедствий, нищеты, разрухи,—тем ближе победа,—вторили ему контр-революционеры всех мастей.

И они все, что могли, разрушали. Разрушали дико, варварски, разрушали с ожесточением, разрушали в состоянии патриотического буйства, во имя русской культуры, во имя «спасения России».

Здесь все силы контр-революции опять-таки дали классические примеры вандализма, упорно конкурируя друг с другом в разрушительном безумстве.

Чехословацкие погромщики на Волге и в Сибири, германские полчища, гетмановцы и петлюровцы на Украине и на Дону, германо-турки и англо-французы на Кавказе, румыны и поляки на западных границах, деникинцы на юге, колчаковцы на востоке—все они метили в одну точку, все старались в буйном вандализме перещеголять друг друга.

— Чем хуже для России,—чем лучше для нас, для нашей победы!—таков был лозунг черно-белых погромщиков.

И здесь разные банды выказывали в изобретении средств уничтожения поразительную находчивость.

Когда колчаковским белогвардейцам не хватало взрывчатых веществ для уничтожения Туркестанской магистрали, они применяли человеческую и животную тягу: ловили киргизов и их верблюдов, заставляя выворачивать шпалы и рельсы, взрывали мосты, выдергивали и сжигали телеграфные столбы, сносили здания и пр.

Петлюровцы на Украине организовывали поголовные зверские истребления целых деревень и местностей вместе с населением, преимущественно еврейским. Слащов, заливший рабочей кровью равнины Таврии, за несколько часов пребывания на ст. Николаев сумел расстрелять сотни рабочих.

Деникинцы украсили на Кубани трупами повешенных телеграфные столбы. На Тереке и Кубани казачьи полчища на целые десятки верст в окружности выжигали и сносили мусульманские аулы и населенные пункты.

Грудами развалин от погромов и пожарищ усеяна черноземная грудь нашей Республики.

Но силы одних лишь русских белогвардейцев оказались недостаточными, их разрушительные средства были слабы, и тогда буржуазия возложила все свои надежды и чаяния на иноземных капиталистов.

С ними в вопросах интервенции были опять-таки солидарны все, отрицавшие октябрьскую революцию.

Эти чаяния русской буржуазии находят красноречивую и искреннюю формулировку, в устах Максимилиана Волошина. Поэт в черной злобе взывает к своему богу (западно-европейским капиталистам) и просит для России:

„О, Господи, разверзни, расточи!
Пошли на нас огнь, язвы и бичи,
Германцев с запада, монгол с востока.
Отдай нас в рабство, вновь и навсегда“.

Какое угодно рабство, только бы рабство, только бы погибла революция—таков истинный лозунг всех спасателей России.

Язвы и бичи мировой буржуазии пришли. Тяжко бичевали иноземцы русский народ, но в новое рабство его не ввергли.

Кровью истекала многострадальная Украина под игом германского нашествия, пред лицом англо-французского

вторжения, под лапой польских хищников и румынских бандитов.

Но еще больше страдали Кавказ, Дон, Кубань и Крым. Здесь сказывалась во всей тяжести и со всеми своими ужасными спутниками железная пята германских завоевателей, плеть турецких насильников, гнет гуманных англо-французов с чудовищными дредноутами и 15-дюймовыми пушками, буйный разгул деникинских полчищ, диктатура генеральского сапога. Потоками крови поочередно, один за другим, заливали трудовую землю все эти завоеватели.

И не последнее, а одно из первых мест в разгроме измученной страны, занимают пресловутые антантовские громилы. Об этом мы должны вспомнить раньше, чем начнем подсчитывать наши кровавые раны.

Гуманные англичане, вслед за турками в декабре 1918 г. варварски громили Баку. Известный колонизатор и покоритель Персии генерал Томсон начал наводить порядки в Закавказье. После победы над бакинским пролетариатом, англичане обезоруживали население города под угрозой расстрела и публичных порок. По приказанию английских повелителей, руками английских солдат в закаспийских степях были расстреляны вожди бакинских рабочих.

Английские танки и пушки расстреливали рабочих и крестьян в Закавказье, на Кубани и на Дону.

Английские дредноуты в 1919 году, спасая Деникина, обстреливали юго-восточное побережье Черного моря, громили Новороссийск, Туапсе и Псти.

Во время занятия Одессы объединенная союзная эскадра в воззвании к населению объявила *«большевиков и их приспешников вне закона»*, при чем под рубрику «приспешников» подводились не только рабоче-крестьянские массы, но и деятели городских самоуправлений. На второй же день прибытия союзной эскадры, на улицах Одессы начались бои.

В том же 1919 году, когда к югу подходили советские войска, англо-французский флот громил Геническ, Арбатскую стрелку и Азовское побережье. На Одессу и Севастополь неоднократно наводились грозные пушки, и если они не приводили в исполнение чудовищных замыслов своих повелителей, то только потому, что французские матросы отказывались расстреливать русских рабочих.

В последний раз французский флот активно выступил в защиту Врангеля в ноябрьских битвах 1920 г.

Французские военные суда участвовали в боях 1-го ноября 1920 г., обстреливая город Геническ, во время занятия его частями Красной армии. Под ураганным огнем морских орудий Красные части отошли. В этом бою работало около 30 военных судов, из коих половину составляли французские.

В боях с 1—8 ноября 1920 г. на Перекопском перешейке опять участвовали французские суда. Из Каркинитского залива они громили побережье.

Но все эти неоднократные попытки навязать рабство освободившемуся русскому народу—кончились крахом. Вооруженные рабочие и крестьяне в кровавых битвах доказали, что презирают рабство, любят свободу, и во имя ее готовы на всяческие лишения. Лучше смерть, чем рабство!

Однако здесь необходимо сделать еще и другой вывод. Львиную долю не только моральной, но и фактической ответственности за учиненный разгром нашей Республики следует отнести за счет антантовских громил, которые, кроме материальной и моральной поддержки наших белогвардейцев, сами активно принимали участие в разрушении Российской Федерации.

Теперь ясно, что в разгроме Республики, в частности нашего юга, участвовали самые разнообразные группы отечественных контр-революционеров, работавших в союзе с бандитами, ввиде Петлюры, Махно, Балаховича и пр. при активном и ближайшем участии англо-французов, германо-турок, румыно-поляков и др.

Особо-характерные и вандальские приемы разрушения проявили польские погромщики во время последнего нашествия на Украину.

Уничтожение, сжигание и сметание целых селений и городов—они ввели в систему. Поголовное избиение и насилия над еврейским населением, массовые расстрелы рабочих и крестьян—стало явлением бытовым.

И несмотря на то, что в погромном мастерстве эти молодые империалисты дошли до совершенства,—пальму первенства у них все же оспаривают погромщики из стана Врангеля.

Врангелевские опричники воплотили в себе все виды современного культурного вандализма.

В открытой борьбе они применяли все силы разрушения в максимальных возможностях. В тылу они расплодили контр-революционные шайки бандитов, провоцировали и

терроризировали население, взрывали мосты, уничтожали дороги, склады, заводы. Организовывали восстания, всячески усиливали разруху. Наконец, они сделали все для того, чтобы вызвать и усилить эпидемии,—с этой целью отравлялась вода в колодцах и проч.

И нужно признаться, что врангелевцы достигли многого. Если они путем своих варварских изощрений не добились победы, хотя бы гибелью России,—то во всяком случае оставили тяжелый, долго не изгладимый след на жизни всей Республики.

* * *

Теперь попытаемся познакомиться с некоторыми фактами из тех ужасов, кои учинены врангелевцами в последнем этапе борьбы на нашем юге.

Здесь необходимо оговориться, что мы ограничимся лишь частичным приведением фактов и только из самых последних месяцев борьбы с Врангелем.

Но и приводимого, очевидно, будет вполне достаточно, для того чтобы представить себе ужасающие размеры белого вандализма.

Для большей ясности все перечисляемые факты мы разграничим на 3 категории.

К первой отнесем разрушения и уничтожения, вызванные так наз. военными необходимостями, произведенные по стратегическим и тактическим соображениям.

Ко второй группе мы приведем разрушения, кои с большой натяжкой, хоть косвенно, можно отнести к военным соображениям.

Наконец, третью категорию—составим из опустошений, учиненных обезумевшими людьми, в состоянии патриотического буйства, озлобленными бесконечной яростью мести,—людьми, чувствовавшими свой близкий конец.

Эту группу разрушений очень трудно подвести даже под растяжимые и крайне суровые военные правоположения.

Начнем с разрушения наших коммуникаций. Здесь уничтожено все, что лежало по пути отступления белых войск. Буквально все без исключения мосты, не только через реки и ручьи, но и через канавы. А там, где нет канав и ручьев,—сворочены рельсы, свернуты шпалы, опрокинуты составы, сожжены вагоны, уничтожены железнодорожные здания, станции, даже в будочках стрелочников выбиты окна и всклочены крыши...

Эти черные следы разгрома начинаются от ст. Синельниково, где полчища белых насильников разбились о грудь русского рабочего и крестьянина. Дальше погромщики не продвинулись и начали откатываться назад.

Но здесь они еще не чувствовали своей гибели; отсюда белые отходили еще с надеждами на спасение, поэтому они разрушали не так свирепо. Все кругом носит лишь следы недавних битв.

Но чем ближе к Крымской коробочке, тем больше врангелевцы сознавали свое бессилие и соразмерно с этим бессилием в них росло чувство мести. Они срывали свою бессильную злобу на окружающих предметах. Об этом говорят развалины, взрытые поля и нивы, испорченная железная дорога и, прежде всего, мосты.

Количество взорванных мостов поразительно. Изуродовано в *общем количестве около 200 мостов.* Для наглядности возьмем центральную коммуникационную линию, полосу южных и екатерининских железных дорог, вошедших в район действия врангелевских войск.

Здесь на расстоянии 800 верст взорвано и уничтожено 29 железнодорожных мостов. Из этого числа, по линии В. Токмак-Бердянск, на расстоянии 190 верст уничтожено 6 мостов, а по линии Джанкой-Владиславовка, на расстоянии 77 верст—7 мостов.

Возникает вопрос: достигли ли белые этим варварским уничтожением каких-либо военных результатов?

Только частично.

Во-первых, все эти уничтожения мостов очень мало задерживали продвижение Красной армии; препятствия в большинстве были преодолеваемы, так что в тот же день Красные части,—правда, иногда с большими потерями,—переправлялись. И не только войска, но и артиллерия, и обозы.

Даже взрыв Сивашского железнодорожного моста на 3-хверстной дамбе, среди гнилых болот Мертвого моря, отсрочил гибель всей белой армии лишь на неделю.

К тому же наши технические войска, а нередко и сами полевые части, блестяще и быстро справлялись с задачей наводки новых временных мостов.

Это иллюстрируется приводимой ниже таблицей продолжительности работ:

Таблица разрушенных мостов

в районе Южных дорог с указанием срока восстановления.

№№ по пор.	Версты.	Род моста.	Название русла.	Ближайшая станция.	Кто производил работу.	Начало работ.	Конец работ.
			Южные дороги.				
1	529	Жел. м.	Р. Мокрая, Московка	Александров.	Гаремы №№40,44	1 нояб.	9 нояб.
2	540	„	—	Кошгун	Желдив № 7	7 „	7 „
3	562	„	Р. Конская	Плавни	„ № 7	2 „	4 „
4	617	„	—	Федоровка	„ № 7	4 „	4 „
5	633	„	—	Мелитополь	„ № 7	6 „	6 „
6	661	„	Р. Мал. Утлюк	Акимовка	„ № 7	1 „	5 „
7	672	„	Р. Бол. Утлюк	Утлюк	„ № 7	4 „	8 „
8	752	„	Р. Сиваш	Сиваш	Гарем № 40	12 „	19 „
9	884	„	Р. Альма	Альма	Желдив № 7	14 „	19 „
			Линия Джанкой—Керчь.				
10	48	Жел. м.	—	Сейтлер-Грамматиково	Гарем № 44	20 „	20 „
11	53	„	—				
12	56	„	—				
13	59	„	—				
14	72	„	—	Грамматиково Ислам-Терек	Гарем № 44	21 „	21 „
15	76	„	—				
16	77	„	—				

Но если часть уничтожений все же имеет кое-какое военное значение, то совершенно непонятен разгром по линии Джанкой-Владиславовка, где на расстоянии 77 верст взорвано 7 мостов, т.-е. на каждые 11 верст по мосту. Во-первых, по этой линии никаких боев не происходило; во-

вторых, белые войска от Юшуня и Таганаша бежали в панике на Джанкой, оттуда дальше на Симферополь и Керчь и никто о сопротивлении уже не думал; в-третьих, Красные войска не имели бронепоездов на этой линии, подвигалась исключительно кавалерия, так что взрывы мостов ее не задерживали; в-четвертых, гарнизон Керченской крепости не думал ни о сопротивлении, ни об эвакуации и капитулировал в полном составе.

Отсюда вывод, что последние разрушения необходимо отнести не к военным соображениям, а к безрассудству бегущих и их ненависти к трудовому народу.

* * *

Теперь бегло присмотримся, что же происходило вдоль главной магистрали.

Начиная от гор. Александровска, вся дорога на юг носит тяжелые следы буйного разгрома. Здесь, в раздольных Александровских степях, белыми был дан первый удар, который уже предзнаменовал их близкую гибель. Отходя с боем и оставляя город, врангелевцы взорвали все мосты.

На 529 вер. они также взорвали мост на р. Мокрая Московка. Мост сразу же нашими частями был починен, но не выдержал пробы.

Около ст. Кашгун мост через р. Мокрая тоже взорван; далее около ст. Плавни уничтожен мост через реку Конская. Станция разгромлена и снесена. На следующей станции Поповка тоже остались следы разрушения. А на 617 вер. около ст. Федоровка отходившими белыми взорван очередной мост.

На подступах к Мелитополю врангелевцы бились отчаянно, многократно меняли они направления контр-удара, пытались во что бы то ни стало остаться обладателями мелитопольского хлебного района. Город очень сильно пострадал уже в предыдущих боях. Отходя, белые взорвали и здесь мост.

Отсюда начинается крестовый путь Красной армии. Белые упорно отстаивают буквально каждую пядь земли,— Красные части мужественно рвутся вперед, к победе. Вся дорога несет следы тяжелых битв.

Около ст. Акимовки, мост через р. М. Утлюк взорван, также взорван мост и через р. Б. Утлюк.

1-го ноября части бесстрашной первой конной армии с Каховского плацдарма ворвались в тыл к белым. Около

ст. Сальково прервали железную дорогу, захватили ст. Ново-Алексеевку и гор. Геническ, стрезали белых от Крымского полуострова и разгромили тыл Кутеповской армии. Сам генерал Кутепов бегством спасся из Ново-Алексеевки.

Этот прорыв первой конной армии послужил сигналом к панике у врангелевцев. Они поспешно начали ориентироваться на тыл и в бешенстве разрушали и громили все, что попадало под руку.

Убедившись, что из Сокологорного и др. пунктов ничего не удается вывезти, белые решили все уничтожать. На ст. Сокологорное были подожжены десятки поездов с боевыми припасами и вооружением, между ними подожжен и *состав с живым скотом*. Картина разрушений и опустошений на ст. Сокологорное ужасна: все снесено и разрушено, остались лишь развалины. Целые сутки здесь рвались горевшие снаряды и патроны, засыпая осколками далеко кругом всю местность.

Население в ужасе и панике бежало от страшных пожарищ. Сила взрывов и пламени была настолько разрушительна, что наши части в течение суток не могли подойти к станции, а когда угомонилась огненная стихия,— они там застали только груды развалин, ужасающие пепелища, остовы сожженных, опрокинутых и разбитых составов, уничтоженный путь и обуглившиеся скелеты животных.

На следующей станции Юрцино белые снова жгли поезда. Здесь был уничтожен состав с аэропланами, порохом и аэропланными бомбами. Взрывами также сравнены с землею все окружающие строения и здания.

На ст. Ново-Алексеевка взорвана мощная водокачка, но здесь врангелевцы, застигнутые врасплох, бросили всю свою артиллерию.

Около ст. Сальково начинается полоса Чонгарского укрепленного узла, и расположена первая линия мощных укреплений Крымского Вердена. Здесь происходила ожесточенная битва,—все кругом снесено и сметено. По всему Чонгарскому полуострову война прошла огнем и мечем. В этом районе не осталось ни одной живой души, кроме борющихся армий. Даже звери бежали. Отсюда белые отходили с боем и в буквальном смысле слова сметали все. Они уничтожали немногочисленные водокачки и водохранилища, отравили колодцы, чтобы лишить Красную армию не только пристанища, но и воды. От хутора Лютц осталась груда камней, и он значится теперь только на карте. Хутор Ярошин представляет тоже только руины.

В развалины превращены и все остальные станции и населенные пункты, вплоть до Сивашской дамбы.

Станция Сиваш также разрушена. Уничтожен солеваренный завод, снесены все фабричные строения и здания, разрушены промысли. Всюду, где еще недавно ютилась жизнь, кипела работа—теперь мертво и пустынно...

Крымский полуостров связан с материком трехверстной каменной дамбой, которая проложена по топким болотам Гнилого моря. В середине дамбы железный мост. Белые взорвали, отступая, четыре пролета этого моста.

По шоссейной дороге Крымский полуостров соединяется посредством Чонгарского моста. Мост этот уже в 1919 году был уничтожен и заменен временным деревянным мостом, который белые, отходя, сожгли.

Уничтожением мостов Крымский полуостров был отрезан от материка, и это дало возможность белым, укрывшись за Гнилым морем, отсрочить свою окончательную гибель на неделю.

Однако усилиями Красной армии были наведены при исключительно тяжелых условиях временные мосты, и врангелевцы выбиты из своих последних логовищ.

После прорыва Перекопских укреплений, взятия твердынь Юшуня, форсирования Сиваша и Чонгара, остатки разгромленный врангелевской армии в панике бросились к побережью и в животном страхе громили и разрушали все, что им попадало под руки. Но об этом мы расскажем ниже.

На остальных коммуникационных линиях дело обстояло не лучше,—и там снесено и уничтожено все, что попадалось на пути.

Такова общая картина разрушенных путей сообщения. Эти уничтожения нужно отнести к разряду так называемых разрушений, вызванных соображениями военного характера. Но здесь мы видели, что белое командование не всегда руководилось соображениями военными, многое из разрушенного не имеет военного значения и уничтожено просто из ненависти и мести.

II.

Рассматривая дальнейшие разрушения на нашем юге, безошибочно можно констатировать, что житница юга, северная Таврия, наполовину уничтожена, разгромлена и

покрыта пепелищами. При чем не только деревни, но и целые города превращены в развалины. Плодоносные поля и нивы обеспложе́ны, заброшены, опустошены, изрыты, всклочены снарядами и проволокой. Кругом все занесено обломками, заброшенной и разбитой хозяйственной утварью, испорченными земледельческими орудиями, вооружением и пр.

Многочисленные мертвые деревни и села, покинутые не только жителями, но и животными, свидетельствуют о пережитых ужасах.

Другие, еще обитаемые, деревни также сохранили на себе все признаки театра недавних военных действий. Все говорит о том, что вокруг них и из-за них происходили жестокие схватки. Здесь поражает большое количество разрушенных хат, громадные пожарища, изрытые поля, обведенные вокруг деревень окопы и угрюмо торчащая, наполовину разрушенная проволока.

Уцелевшие окна в хатах заклеены тонкими бумажными лентами крест-на-крест, всюду белеют такие кресты. Это уже «культура войны», внесенная в деревню. Таким способом спасаются стекла от сотрясения при взрывах. Но большинство хат, конечно, без стекол, и их заменяют забитые доски.

Даже и вокруг обитаемых сел поля в громадном большинстве необработаны. Они пустуют. Война выбила крестьянина из колеи мирной жизни, лишила его рабочего скота и раньше всего лошадей. Подводная повинность легла тяжелым бременем на все хозяйство,—крестьянин пришел в полную апатию. К тому же непосредственная военная опасность все время висела над деревней.

Белые крайне пренебрежительно относились к населенным пунктам, особенно к селам, и без всякой военной надобности подвергали их разгрому. Систематический разгром сел карательными отрядами стал бытовым явлением. Налеты производились по всякому, и часто без всякого повода. Карали за неподчинение властям, за восстания, за проявление недовольства и пр. Так, например: за отказ дать рекрутов весною 1920 г. был разгромлен ряд деревень около Федоровки, в Мелитопольском и Перекопском уездах.

Помимо этого, и военные разрушения производились сплошь и рядом без всякой надобности. Флотилия аэропланов сбросила, например, на село Перво-Константиновку около ста бомб, в то время, когда село никакого военного значения не имело, и там даже не было более или менее крупной воинской части.

Нечего, конечно, говорить о том, что села и деревни, где непосредственно происходила борьба, уничтожались совершенно. Для примера можно указать на район Каховского плацдарма, где разрушены все населенные пункты и сильно пострадал даже Корсунский монастырь.

Но это—села. К этому мы так привыкли за время империалистической и гражданской войн.

Еще хуже обстоит вопрос с городами на нашем юге. В разгроме городов врангелевцы ни на шаг не отставали от самых диких громил из петлюровских и польских полчищ.

Белыми основательно разгромлены три города: Перекоп, Армянск и Геническ, другие пострадали меньше.

Перекоп—это мертвый город. Только огромная куча камней свидетельствует о том, что здесь когда-то кипела жизнь. Перекоп был довольно бойким провинциальным городком, расположенным на тракте Бреславль-Симферополь и Херсон-Николаев-Симферополь. Имел он около 20.000 населения и развил довольно крупную соляную промышленность благодаря тому, что его окружают 6 соляных озер: Красное, Старое, Круглое, Кичатское и Карасутское.

Посевная площадь в Перекопском уезде, по данным 1897 года, определялась следующим:

Было засеяно: озимых хлебов 57.487 десятин; яровых—47.236 десятин.

Таким образом, городок не только сам кормил себя, но и приносил большую пользу своим соседям. А теперь Перекоп—мертвый город. В нем все разрушено, жизнь замерла. На протяжении десятков верст ничего не уцелело.

Город этот уничтожался не в бою, а весьма оригинальным способом. Когда строились перекопские укрепления—не хватило строительных материалов, а как известно, поблизости в этом районе лесов нет. Тогда французские инженеры, что бы выйти из затруднения, посоветовали разобрать город и из разрушенных домов извлечь нужные материалы. Части населения было предложено покинуть свои дома, и их белые начали разламывать, извлекая оттуда нужные для возведения укреплений строительные материалы.

Здесь не безынтересно отметить, что врангелевцы—эти ярые защитники неприкосновенности православной церкви и веры, сами не пощадили перекопской церкви и подвергли ее невероятному разгрому. Все церковное имущество было

снято и перенесено в окопы. Там, в подземельи, организовалась походная церковь, а перекопский собор громился белыми на общих основаниях.

Когда город был полуразрушен, и из зданий извлечены все деревянные части, врангелевцы снесли остатки развалин артиллерийским огнем, чтобы освободить от нагромождения и лишних препятствий всю впереди лежащую местность. Целую неделю французские суда из Каркаяинского залива, пробуя местность и разрушительную силу своих пушек—обстреливали развалины Перекопа, при чем с особым упорством метили по колокольне перекопского собора. После этого перекопские развалины являлись разграничительной линией между обеими армиями, пока первого ноября остатками города не овладели Красные войска...

Дальше, вглубь Крыма, все по пути уничтожено, предано огню и разрушению.

Показательным примером является хутор Трактир. Также пострадал Армянский Базар, лежавший в тылу в шести верстах от Перекопа. Городок этот выдержал ряд боев, еще в начале 1920 г. и явился объектом ожесточенных схваток после высадки Красных войск в тылу Перекопских укреплений, в ноябре того же года. В этих боях Армянский Базар несколько раз переходил из рук в руки. Уходя из города в последний раз, белые его подожгли. Большинство жилых помещений уничтожено артогнем и пожарами.

Отступая отсюда, Врангелевцам пришлось бросить всю свою великолепную технику: тракторы, пушки, бронесредства, танки, обозы. Но все, что можно, белыми было испорчено: тракторы уничтожены, на автомобилях и танках взорваны цилиндры и произведены другие порчи.

Не менее трагична и судьба гор. Геническа, который подвергался неоднократному разгрому во время гражданской войны.

В 1919 г., отходя, англо-французский флот не мало снарядов выпустил по городу. Громили его и немцы, и деникинцы.

1-го ноября 1920 года, когда части Красной армии подходили к Геническу—белые в панике отступили, бежали через пролив на косу и сожгли мост через Генический пролив, соединяющий город с Арбатской стрелкой. Это помогло им спастись от преследования Красной армии.

А когда Красные части вошли в Геническ, белый флот, совместно с французскими судами, подверг город

жесточайшему обстрелу, выбросив около 3000 снарядов. Огонь был настолько ужасен, что Красная армия отступила из города.

Большинство зданий превращено в развалины, во всем городе вы не увидите уцелевших оконных стекол,— вместо них мрачно чернеют забитые досками дыры. Жизнь в городе замерла, население разбежалось, все заброшено.

Такова общая картина потрясающих разрушений в Северной Таврии. Но если сотни разрушенных деревень и сел, уничтоженные нивы, снесенные города, мертвый Перекоп, развалины Армянска и разгромленный Геническ— с большой натяжкой можно отнести к разряду разрушений, вызванных военными соображениями,—то при желании оградить интересы мирных граждан, многих разрушений можно было бы избегнуть, без всякого ущерба для хода военных действий.

К чему было так варварски разрушать Перекоп, Армянск, подвергать убийственному обстрелу из тяжелых пушек флота злосчастный Геническ, где остались десятки тысяч мирных жителей?

Но белые властелины не считались с интересами России.

— Если Россия не наша (не белая), то никакой нет России!

И они громили. Громили варварски, с ожесточением.

Только этим объясняются развалины Перекопа, Геническа и других пунктов.

III.

Буржуазия верила в неприступность Крымского Вердена и, под прикрытием паутины проволоки, чувствовала себя в полной безопасности. 8-го ноября, когда части Красной армии уже штурмовали Перекоп и Чонгар, генерал Врангель на экономическом совещании спокойно докладывал, что «Крым в безопасности, армия перезимует на твердынях Вердена, а весной, с божьей помощью, опять выйдет из Крымской клетки».

Можно верить в безопасность положения, если это говорит верховный правитель. И на этот раз Врангель не лгал, он верил в свою силу. Это подтверждается тем, что никаких серьезных мер к эвакуации не было предпринято.

Однако, наперекор всем надеждам белых, Красная армия неожиданно взяла перекопские и юшуньские твердыни, перешла через Сивашскую дамбу и вышла на Крымский берег. Белая армия в ужасе хлынула назад, и здесь Вран-

гель, поняв, что его дело кончено, отдал приказ уничтожить все, ничего не оставлять неприятелю.

Начинается последний акт белой трагедии. Остатки баронской армии бегут с паническим ужасом в тыл, разрушая и сметая все на своем пути.

Кто помнит эти знаменательные дни крымских побед, видел отход белой армии—тот может свидетельствовать, что картина воистину была потрясающей. Врангелевцы метались, как растерянное стадо, красные продвигались, что называется, на их плечах. Белый тыл в ужасе, даже не ожидая подхода своих войск, уничтожал все средства передвижения, взрывал мосты, разрушал дороги.

Бегущая армия бросала вооружение, обозы, склады, запасы и в безумии стремилась в тыл. А там происходила форменная вакханалия.

Фронт уже не думал о разрушении, каждый мечтал о том, как бы унести свою голову. Но тыл буйствовал. Здесь белые властелины в бешеной ярости не знали, на чем сорвать свою злобу.

Симферополь был подвергнут самому дикому и вандальскому разгрому. За день до оставления города начались грабежи и погромы. Грабили главным образом магазины, громили базары.

Тяжело прошлась здесь разгульная рука белогвардейского погромщика.

В городе не осталось ни одного не разрушенного магазина. На главной, Пушкинской, улице были в щепки разнесены все витрины магазинов, при чем последние очищены до ниточки.

На Симферопольском аэродроме и на авиационном заводе «Анатра» белые пытались было подвергнуть разгрому многочисленное авиационное имущество, аэропланы и пр. Но этому помешали рабочие. Между прочим, на аэродроме рабочей дружиной был убит авиатор, собиравшийся улететь на аэроплане.

Однако, белым все же удалось уничтожить и испортить часть аэропланов, хотя большинство авиационного имущества и аэропланов в целости попало в руки Красной армии.

Видя себя окруженными враждебно настроенным населением, ожидая восстания рабочих, *белые при отходе из города подожгли его сразу с нескольких сторон.* Неожиданно в разных местах начались пожары. Красные войска вступили уже в пылающий город, но пожары дружными

усилиями населения и войск во-время удалось ликвидировать.

Попытка поджога целого населенного города, даже в войнах национальных—случаи редкостные.

Здесь врангелевские погромщики, без зазрения совести, пытались повторить в миниатюре Москву 1812 года.

Но что было допустимо перед лицом наполеоновского нашествия,—то не поддается объяснению в ноябре 1920 г., тем более, что уничтожение Симферополя отнюдь не спасло бы Врангеля от разгрома.

Однако, это еще не являлось последним словом белого вандализма.

Наиболее стойкие части белой армии, преимущественно добровольческие, были первыми отозваны с фронта. Они дошли до побережья с вооружением и со всей своей технической частью. Но здесь врангелевцы натолкнулись на картину величайшей паники,—узнали, что не только техническая часть и вооружение не могут быть спасены, но даже и не для всех людей хватит места при эвакуации.

Тогда был отдан варварский приказ: топить в море всю технику, артиллерию, обозы. И белые вандалы с изумительной ожесточенностью принялись выполнять этот дикий приказ. Топили не только автомобили, бронесредства, артиллерию, *но и конский состав.*

Около берегов Ялты, Евпатории и Феодосии обезумевшие полчища погребли под волнами свои автомобили, пушки. Сбрасывали с обрывов обозы вместе с лошадьми, топили артиллерию с упряжью и конским составом, казаки пристреливали своих лошадей и пр.

Подобные трагические моменты трудно отыскать в истории бывших войн, если не считать деникинского бегства из Новороссийска.

Севастополь явился финалом врангелевского мракобесия. Здесь современные гунны замышляли новые, воистину сатанинские преступления, которых, к счастью, не сумели привести в исполнение.

Когда наметился общий крах, белым командованием был отдан приказ об эвакуации, при чем эвакуировать из Севастополя предполагалось все. В припадке безумия врангелевские администраторы не разбирались в обстановке, они не сумели рассчитать ни своих средств, ни сил, ни времени. Это видно хотя бы из того, что к эвакуации намечались заводы, в то время, когда тоннажа не хватало для погрузки и вывоза даже той части живой силы которая желала эвакуироваться. Можно ли было мечтать о вывозе вооружения и техники...

Но к эвакуации и поднятию заводов все-таки было приступлено. Там, где рабочие этому активно не препятствовали: врангелевцы начинали спешно снимать и складывать машины, материалы и пр.

Характерный результат подобной «эвакуации» мы видим на севастопольском артиллерийском заводе. Там сняты и перевезены во двор или свалены в соседних зданиях все машины и станки. Внутренний вид многих мастерских напоминает землетрясение или хаос после пожара. Все разбросано, разгромлено, уничтожено. Двор завода—это настоящий Содом. Здесь учинен повальный разгром. В кучи свалены машинные части, станки, домкраты, мосты, телеги, автомобили с испорченными цилиндрами, уничтоженные тракторы, взорванные шести-дюймовые английские гаубицы—все это рассеяно и разбросано среди опустошенного завода.

Мертво и жутко глядит угрюмый хаос. Мрачно торчат изуродованные громадины—машины, тракторы, пушки...

Только в бешенстве отчаяния можно было цепляться за безумную попытку эвакуации заводского имущества в то время, когда все пристани Севастополя были завалены сотнями пушек и миллионами ящиков с огнеприпасами, ждавших отправления.

Каким образом белые могли эвакуировать заводы, если людей не на чем было вывезти?

Ужасный вид имели в эти жуткие дни севастопольские пристани. Они были буквально загромождены и завалены, со всех сторон подвозилось имущество к эвакуации На одной инженерной пристани было свалено свыше 300 пушек, из них около сотни—совершенно новых французских 3-дюймовых и английских гаубиц, только что привезенных из Франции. Эти пушки, не побывав даже ни разу в бою, целиком попали в руки Красной армии, хотя в Севастополе, как и в других местах, тоже практиковался метод потопления вооружения.

Здесь было много потоплено автомобилей, орудий и прочего имущества, но врангелевцы при поспешном бегстве все же не сумели испортить всего, так что Красная армия явилась обладательницей богатых трофеев.

Во время севастопольской трагедии свое истинное лицо показал, между прочим, и гуманный американский Красный Крест. Когда врангелевщина уже билась в агонии, а жалкие остатки белой армии грузились на пароходы,—*американская миссия Красного Креста подожгла свои склады,* видя, что эвакуировать их невозможно.

Склады эти помещались около Южной бухты, в громадных зданиях мельницы Родсконаки. Американцы подъехали на машинах к складам и бушевавшей вокруг толпе объявили, что сейчас товары из складов будут раздаваться населению. Потом вошли в склады, подожгли их изнутри, после чего сели опять в свои машины и спокойно уехали.

Толпа терпеливо ждала американского милосердия, но вместо него вдруг увидела, как из всех окон многоэтажного здания вырвалось пламя и быстро охватило громадные склады, набитые сахаром, мукой, маслом, мануфактурой, детской одеждой, обувью, бельем и медикаментами.

Даже американский Красный Крест предпочел предать все огню и уничтожению, лишь бы это не стало достоянием русского народа.

Одновременно были подожжены и базисные склады армии и другие армейские запасы.

Но такого варварства белым казалось мало. Видя свое полное крушение, врангелевское командование решилось на отчаянное безумие. По сведениям, сообщенным севастопольскими портовыми рабочими, *отряд юнкеров получил приказ поджечь склады огнеприпасов в Килен-Бухте*, где хронилось вооружение и огнеприпасы, полученные через антанту.

Факт этот настолько чудовищен, что с трудом верится, чтобы даже врангелевские вандалы решились на такое безрассудство. Взрыв уничтожил бы, по крайней мере, половину Севастополя, порт и гавань. Помимо неисчислимых материальных бедствий, погибли бы десятки тысяч ни в чем неповинных граждан.

Документальных данных, подтверждающих этот варварский замысел, мы не имеем, поэтому трудно утверждать его правильность.

Однако, рабочие-очевидцы передают, что 14 ноября, когда нагруженные суда белых уже стояли на рейде и последняя погрузка заканчивалась,—отряд юнкеров подошел в Килен-Бухте, занятой вооруженными рабочими, и предложил им покинуть склады, которые по приказу свыше сейчас же должны быть взорваны. Рабочие отказались допустить дикарей к складам и приготовились их отстаивать с оружием в руках. Начались переговоры между рабочими и юнкерами. Вдруг на северной стороне раздалась пулеметная стрельба,—это подходили передовые отряды Красной армии. Тогда юнкера отхлынули от складов и поспешно ретировались, не выполнив своего адского замысла...

Веским мотивом к оправданию предполагавшегося варварства являлось бы то обстоятельство, что в Килен-Бухте было сконцентрировано много вещественных доказательств, разоблачающих деятельность Антанты в деле помощи Врангелю. Возможно, что какой-нибудь пьяный генерал в состоянии умоиступления отдал такой зверский, чисто Нероновский приказ.

— Ведь, белая Россия проиграла, проиграла навсегда. И лучше никакой России, чем Россия Красная,—так рассуждали врангелевские холопы. Но их злодейская попытка удавить, уничтожить Россию—не удалась.

Этим закончился последний акт врангелевской трагедии.

15-го ноября части Красной армии вступили в Севастополь. С горизонта скрылись последние крейсеры, унося белых беженцев в концентрационные лагери Лемноса и Галлиполи.

* * *

Подводя итоги всем этим ужасам, еще раз заметим, что в кратком очерке мы привели лишь частицу потрясающих спустошений, учиненных врангелевцами на нашем Юге.

Эти ужасы лягут вечным позором на тех, кто смел себя называть «носителями русской культуры» и «спасателями России».

Где эта культура? В застенках контр-разведок? Или в буйных разгромах, в потоках крови, достойных сравнения с кошмарами средневекового вандализма?...

Если разрушения путей сообщения, бесчисленные взорванные мосты, расстрелянные села и деревни, изуродованные поля и нивы, разгромленные в боях города и местности—можно хотя бы с натяжкой отнести к военной необходимости, то чем же объясняются разгульные погромы мирных городов?

Чем объясняются попытки поджога Симферополя, потопление лошадей, сжигание живого скота, разрушение и уничтожение наших заводов, и фабрик, поджог американцами складов с медикаментами, пищевыми продуктами и одеждой, доставленными (по их же заявлениям) для «облегчения» нужд русского народа?

По какому праву, наконец, вандалы покушаются на чудовищные взрывы, могущие повлечь за собой гибель десятков тысяч ни в чем неповинных русских граждан?

По какому праву французский флот громит русские города?

Во имя какой культуры творятся все эти ужасы?

Ответ один:

— Белая Россия, Россия старая,—или никакой России.

Английские танки, тракторы и гаубицы, французские пушки и даже американские медикаменты и милосердный Красный Крест—все это для белой России.

А для России рабоче-крестьянской—только жертвы стальных чудовищ—пушек, гаубиц, танков, дредноутов,—только трупы, развалины и пепелища...

Рабочие и крестьяне никогда, никогда не забудут потоков пролитой крови, не забудут угрюмых развалин, покрывающих нашу Республику.

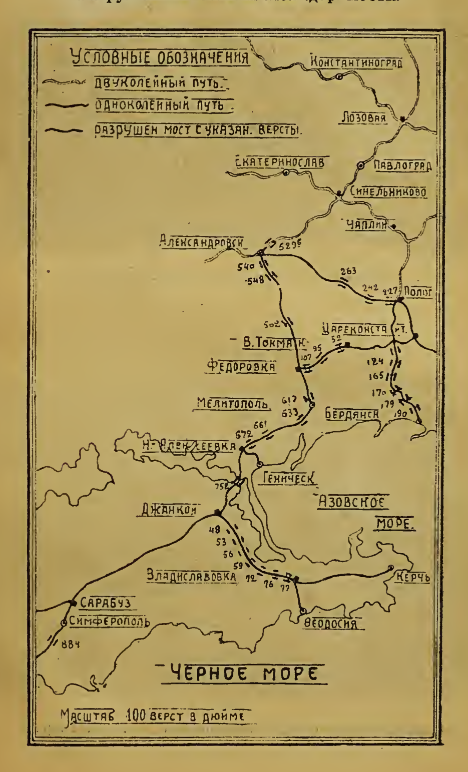
Л. Полярный.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

к статье тов. Полярного „Следы Разгрома“.

Разрушенные белыми жел-.дор. мосты.

Взорванный белыми мост в г. Александровске.

Сожженый белыми состав с огнеприпасами на ст. Сокологорное.

Хутор Ярошкин у ст. Сальково, разрушенный белыми.

Развалины ст. Сиваш.

Солеваренный завод, уничтоженный на ст. Сиваш.

Сивашский желездор. мост, взорванный белыми и временно наведенный Красной армией.

Сожженный врангелевцами Чонгарский мост. На рисунке изображена наведенная Красной армией переправа во время наступления.

Взорванный мост около ст. Орехово.

Хут. Терный около Каховки, разрушенный неприятелем.

Корсунский монастырь, поврежденный артогнем белых.

Разрушенный хутор Цукур, около Каховского плацдарма.

Руины на окраинах Перекопа.

Общий вид разгромленного врангелевцами Перекопа.

Перекопский собор, разрушенный белыми.

Развалины г. Армянского Базара.

Город Армянский Базар, разрушенный артогнем неприятеля.

Дом в центре г. Симферополя, подожженный врангелевцами при отступлении.

Гор. Геническ, после обстрела французским флотом.

Обстрелянное здание в г. Геническе.

Внутренний вид одной типографии после „эвакуации“.

